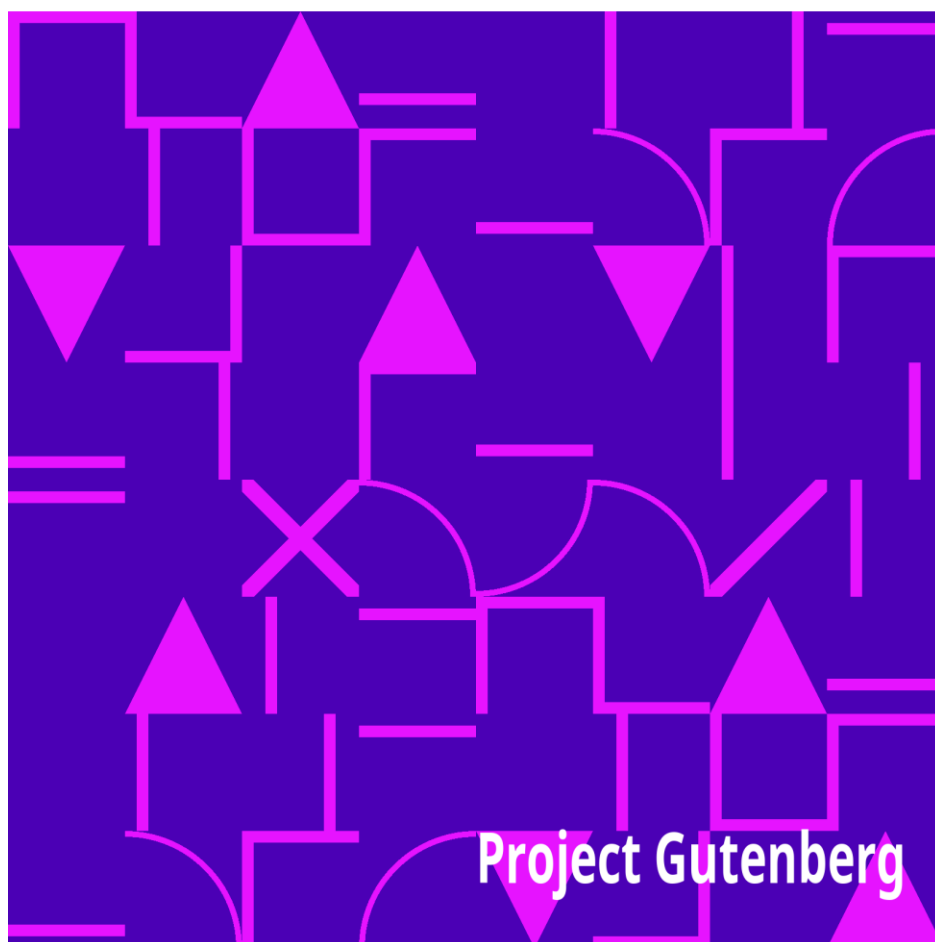

Олаф Славный. История эпохи ВИКИНГОВ

Роберт Лейтон

Olaf the Glorious: A Story of the Viking Age

Robert Leighton

The Project Gutenberg eBook of Olaf the Glorious: A Story of the Viking Age.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Олаф Славный: История эпохи викингов

Автор: Роберт Лейтон

Дата выхода: 1 декабря 2005 [eBook #9415]

Последнее обновление: 15 августа 2012 г.

Язык: Английский

Кредиты: Продюсер: Мартин Робб

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK OLAF THE GLORIOUS: A STORY OF THE VIKING AGE

ОЛАФ СЛАВНЫЙ

ИСТОРИЯ ЭПОХИ ВИКИНГОВ

РОБЕРТ ЛЕЙТОН

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ГЛАВА I: НАХОДКА ОЛАФА

ГЛАВА II: СИГУРД ЭРИКСОН.

ГЛАВА III: ПРОРОЧЕСТВО ГЕРДЫ.

ГЛАВА IV: УБИЙСТВО КЛЕРКОНА.

ГЛАВА V: ИСТОРИЯ О НОРВЕЖСКИХ КОРОЛЯХ.

ГЛАВА VI: ОБУЧЕНИЕ ОЛАФА.

ГЛАВА VII: КАПИТАН ВОЙСКА.

ГЛАВА VIII: МОЛОДЫЕ ВИКИНГИ.

ГЛАВА IX: ВИКИНГИ В ЙОМСБУРГЕ.

ГЛАВА X: БИТВА ПРИ ЙОМСВИКИНГАХ.

ГЛАВА XI: ЗАПАД-ВЕР-СЕЯ.

ГЛАВА XII: БИТВА ПРИ МАЛДОНЕ.

ГЛАВА XIII: ОТШЕЛЬНИК СО СКАЛИСТЫХ ОСТРОВОВ.

ГЛАВА XIV: ТОРИР КЛАККА.

ГЛАВА XV: ЗЛОБНЫЙ ЭРЛ.

ГЛАВА XVI: КРЕЩЕНИЕ НОРВЕГИИ.

ГЛАВА XVII: СИГРИД НАДМЕННАЯ.

ГЛАВА XVIII: "ДЛИННЫЙ ЗМЕЙ".

ГЛАВА XIX: ПРЕДАТЕЛЬСТВО СИГВАЛЬДИ.

ГЛАВА XX: ПОЙМАННЫЙ В СИЛКИ.

ГЛАВА XXI: БИТВА В СВОЛД-САУНДЕ.

ГЛАВА XXII: ОБОРОНА "ДЛИННОГО ЗМЕЯ"

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нижеследующее повествование - это не столько история, сколько биография. Мой герой не выдуман; он был реальным человеком из плоти и крови, правившим Норвегией всего девять веков назад. Основные факты его авантурной карьеры - рабское детство в Эстонии, жизнь при дворе короля Вальдемара, странствия в качестве викинга, многочисленные битвы, в которых он участвовал, обращение в христианство в Англии и окончательное возвращение

на родину - изложены в различных исландских сагах, посвященных тому периоду, когда он жил. Я свободно пользовался этими старинными записями и добавил только те вероятные происшествия, которые были необходимы, чтобы придать повествованию непрерывную нить интереса. Эти саги, как и эпос Гомера, передавались из поколения в поколение из уст в уста, и они были записаны только спустя долгое время после смерти Олафа Триггвисона, так что нелегко отличить реальные факты от преувеличенных преданий, которые, несомненно, были добавлены к истории его жизни, рассказанной старыми сагами у зимних костров. Но в большинстве случаев записи очень точно подтверждают друг друга, и можно считать, что главные события повествования исторически достоверны.

В исландских сагах очень мало говорится о неудачном вторжении Олафа Триггвисона в Англию, и для этой части истории я обратился к английским хроникам того времени, где он часто упоминается под такими именами, как Анлаф, Олаве и Олафф. Оригинальный мирный договор, составленный между королем Этельредом Вторым и Олафом, до сих пор сохранился, чтобы установить дату вторжения, а знаменитая битва при Малдоне, в которой норвежский авантюрист одержал победу над восточными англичанами, подробно описана безымянным поэтом-современником, чья "Смерть Брихтнота" остается одной из лучших ранних английских повествовательных поэм, полной благородного патриотизма и первобытной простоты.

На протяжении всех этих страниц я не приводил никаких дат, но для удобства читателей, которые, возможно, пожелают большей точности, здесь можно указать, что Олаф родился в 963 году н. э., что он начал свои странствия в качестве викинга в 981 году, что морская битва между викингами Йомсбурга и норвежцами произошла в 986 году, а битва при Мальдоне - в 991 году. Олаф правил в качестве короля Норвегии всего пять лет, был коронован в 995 году и закончил свое правление смертью в славном поражении при Свольде в 1000 году.

РОБЕРТ ЛЕЙТОН.

ГЛАВА I: ПОИСКИ ОЛАФА

Случилось так, что в начале лета Сигурд Эриксон отправился на север Эстляндии, чтобы собрать с короля подати и налоги. Со временем дела привели его в некий морской порт, стоявший на берегу большого Финского залива.

Он был очень красивым мужчиной, высоким и сильным, с длинными светлыми волосами и ясными голубыми глазами. За ним следовало множество вооруженных слуг, ибо он был человеком весьма значительным и пользовался большим почетом во всей стране.

Он проехал через рыночную площадь, сошел с коня и обратил свой взор к морю. Перед ним расстилался освещенный солнцем залив с лесистыми холмами. С приливом в бухту выходила флотилия рыбацких лодок, а несколько торговых судов стояли на якоре под прикрытием зеленого мыса.

Ближе к берегу у тесаного камня, служившего пристанью, был пришвартован длинный драконий корабль с высоким позолоченным носом, поднимавшимся высоко над палубным тентом. При виде белых щитов на фальшбортах этого судна его глаза засияли, ибо он понял, что это корабль викингов из его родной земли в далекой Норвегии, и обрадовался. Не часто ему удавалось поговорить с отважными воинами фьордов.

Рядом с кораблем собралась шумная толпа мужчин и мальчишек. Он подошел к ним поближе и услышал хриплые голоса викингов, громко восхвалявших какой-то подвиг,

совершенный кем-то из их среды. Сигурд присоединился к толпе и увидел, как мальчик вышел на узкий трап судна и, стоя между кораблем и берегом, стал подбрасывать нож высоко в солнечный воздух, ловя его при падении.

Судя по всему, парень был из хорошей семьи, потому что одежда его была из тонкотканого полотна, на шее - золотой обруч, а длинные черные волосы были хорошо расчесаны и завиты. Трижды он подбрасывал свой сверкающий нож высоко над головой и ловко ловил его снова. Но вскоре, решив, видимо, превзойти тех, кто был до него, он снял с пояса второй нож и стал жонглировать ими обоими с таким мастерством, что корабельщики, наблюдавшие за ним из-под тента, поклялись молотом Тора, что этот подвиг никогда не будет превзойден.

"Молодец, молодец!" - кричали они. А мальчишки на берегу закричали: "Молодец, Рекони!".

При этом юноша еще сильнее напряг руки и подбросил ножи еще выше в воздух. Но его стремление заслужить похвалу воинов оказалось сильнее осторожности, и, потянувшись вперед, чтобы схватить одно из орудий, он потерял равновесие и упал головой вниз в глубокую зеленую воду. Когда он выплыл на берег, викинги громко смеялись, а те, кто думал наградить его, положили свои золотые в кошельки и отвернулись.

Неподалеку от Сигурда Эриксона стояли два мальчика, чьи коротко стриженные волосы и одежда из грубого белого вадмала выдавали в них рабов. Один из них был высоким, худым юношей с бледными тонкими щеками и большими печальными глазами. Кожа у него была светлая, и по этому признаку Сигурд понял, что он не эстонец. Его товарищ выглядел лет на двенадцать, крепкий и широкоплечий, с очень светлыми волосами. Его шея и голые сильные руки были обожжены солнцем до румяного цвета. Сигурд не мог разглядеть его лица и, возможно, не заметил бы его, если бы старший не подтолкнул его вперед, велел ступить на доску и показать свое умение.

"Не я, - сказал младший, нетерпеливо вскинув стриженую голову. Он засунул большие пальцы за пояс и отступил назад. "Слишком много я уже сделал, предлагая Рекони совершить этот подвиг. Хорошо еще, что он не пострадал при падении в море, а то бы кнут его отца огрел меня по спине. Но и в этом случае мой хозяин непременно лишит меня пищи за то, что я оставил его овец бродить по холмам".

"Я лишь хотел, чтобы ты преуспел там, где сын твоего хозяина потерпел неудачу", - вздохнул старший мальчик. На это мальчик обернулся и уже мягче сказал:

"Что ж, Торгильс, я сделаю это ради твоего удовольствия, а не ради похвалы викингов. Одолжи мне свой кортик".

Он снял нож с пояса Торгильса и, оставив толпу, смело подошел к концу сходней. Здесь он стер подошвы своих босых ног в пыль, а затем ступил на середину узкого борта.

"Ну и что думает этот ребенок, что он может сделать?" - крикнул один из викингов.

Мальчик резко повернулся и посмотрел на говорившего. Это был высокий рыжебородый мужчина, чей нос был плоским на его покрытом шрамами бронзовом лице. При виде его мальчик отступил на шаг, словно в страхе.

"Ай. Что думает малыш, что он может сделать?" - вторил ему другой воин. Но те, кто был ближе, ничего не ответили, ибо видели, что мальчик очень ловок и силен не по годам.

Сигурд наблюдал за ним, когда тот встал на настил. Солнечный свет озарял его юное лицо. Ясные голубые глаза под насупленными бровями сверкали, как звезды. Он провел пальцами по коротким желтым волосам, а затем, повернувшись спиной к солнцу, взметнул один из своих ножей в воздух. Повернувшись, он метнул второй нож, затем поймал первый и снова подбросил его ввысь - даже выше, чем флюгер на высокой мачте корабля. Он стоял, крепко ухватившись босыми ногами за доску, откинув голову назад, а его стройное, хорошо сбалансированное тело раскачивалось в такт движениям рук. Затем, когда два сверкающих оружия, вздымаясь и опускаясь быстрым движением, оказались у него на поясе, он достал третий нож и стал орудовать им поочередно с двумя другими.

На корабле и на берегу раздался хвалебный ропот, а викинги заявили, что никогда еще не видели, чтобы столь юный человек проявлял такое мастерство. А Сигурд Эриксон все это время не сводил глаз с сияющего, вздернутого лица юноши.

"Кто этот ребенок?" - спросил он высокого юношу, стоявшего рядом с ним. Но Торгильс с печальными глазами не обратил на него внимания, а лишь подполз ближе к концу трапа и встал там, внимательно наблюдая. Когда он посмотрел на фальшборты корабля, то увидел человека с рыжей бородой и сломанным носом - вождя викингов, - и крикнул своему спутнику:

"Хватит, Оле, хватит!"

Затем мальчик схватил свои ножи, засунул их один за другой за пояс и, повернувшись к берегу, быстро спустился по настилу и пробился сквозь ликующую толпу, за ним следовал Торгильс. Многие викинги окликали его, предлагая вознаграждение, а Сигурд Эриксон пытался арестовать его, когда он проходил мимо. Но молодой раб лишь беззаботно смеялся и быстро убегал.

Теперь казалось, что Сигурд намерен отправиться за ним. Но когда он выходил из толпы, то встретил одного богатого купца из города, и тот сказал:

"Скажи мне, Биорн, кто этот желтоволосый парень, который только что так искусно показал себя в искусстве владения ножом? И откуда он прибыл в Эстляндию?"

Купец покачал головой и сказал:

"Он дикий и своенравный гагарин, герсир, и не имеет ни малейшего значения. А что касается его подвигов с ножами, то, будь моя воля, я бы устроил мгновенную смерть любому рабу, который хотя бы прикоснется к остро заточенному оружию".

"По его внешности я бы определил его как норвежца по рождению", - сказал Сигурд.

"Возможно, так оно и есть, - ответил купец, - ибо верно, что он пришел с западным ветром. Это я купил его у викингов вместе с другим человеком из его рода - Торгильсом, который и по сей день является моим кабальным рабом. Я купил их в обмен на хорошего козла у Клеркона Плосколицега. Очень скоро я убедился, что младший парень ничего не стоит. Я мало что мог с ним сделать, поэтому продал его одному датчанину по имени Реас, который дал мне за него очень хороший дождевой плащ; и я не жалею о своей сделке, потому что плащ до сих пор используется, а парень едва ли ценит свою еду и кров".

"А как люди называют мальчишек?" - спросил Сигурд. "И чей он сын?"

"Чей он сын, меня не касается", - ответил купец. "Может быть, отпрыск какого-нибудь викинга; ведь в нем живет дух викинга, и в его жилах течет морская соль. Ни один

землевладелец не сможет его приручить. Что же до имени, то если оно у него и было, то теперь его точно нет, и он известен лишь как Реастралл, ибо он - раб Реаса-бондера".

"Если Реас продаст своего раба, - сказал Сигурд, - то я охотно куплю этого парня и возьму его с собой в Хольмгард, чтобы принести в жертву королеве Аллоджии".

"Подумай дважды, прежде чем поступать так недоброжелательно по отношению к королеве", - сказал купец. "Лучшим подарком для Аллоджии была бы драгоценная брошь, которую я показывал вам вчера вечером; и вы получите ее очень дешево. Цена - всего двенадцать золотых марок".

Но не успел Сигурд ответить, как на его плечо легла тяжелая рука, и хриплый голос назвал его по имени. Повернувшись, он увидел рядом с собой высокого рыжебородого вождя викингов, чей сломанный нос и грубое лицо, покрытое шрамами, теперь были защищены от солнечных лучей широкополой шляпой из сухого тростника.

"Приветствую тебя, херсир Сигурд!" - сказал воин. "Что за дела привели тебя на север, к побережью? Давно мы не встречались - с юлечного пира в Хольмгарде, две зимы назад, когда у нас был конный бой. Как поживает фландрская кобыла, снискавшая тогда такую славу?"

"Болезнь убила ее", - ответил Сигурд. "Но у меня есть жеребенок, который скоро победит любую лошадь в Хольмгарде, да даже в Норвегии. Так что если у тебя есть желание посмотреть на хороший конный бой, приходи, когда захочешь, с лучшими лошадьми, которых сможешь найти. Держу пари, что мой побьет их всех".

"Если я не встречу свою смерть до конца сезона плавания, - сказал викинг, - то я обязуюсь привести тебе лучшего коня во всем Норсланде, чтобы сразиться с ним". Он посмотрел на толпу мальчишек, которые все еще толпились у корабля, и добавил: "Куда делся тот юноша, что стоял сейчас на доске? В нем есть задатки хорошего военного человека. Таких парней, как он, мало, и я бы купил его, если бы он продавался".

И тут заговорил купец.

"А что, - сказал он, обращаясь к викингу, - прошло всего шесть лет с тех пор, как ты продал этого самого мальчика здесь, на этой рыночной площади. Это я купил его у тебя, Клеркон. Разве ты забыл белобрысого козленка, которого ты у меня купил?"

"Жизнь слишком полна, чтобы я помнил о таких незначительных событиях", - ответил Клеркон. "Но раз козленок твой, какую цену ты назначаешь за него?"

"Нет, он не мой товар", - ответил купец. "Он раб доброго человека Реаса, что в Ратсдейле - в утренней прогулке отсюда. Если вы хотите иметь с ним дело, то скоро найдется проводник, который отведет вас за холм".

"Молодая плоть не пропадет", - ответил воин. "Я куплю парня в следующий раз, когда мы приедем в Эстонию".

Сигурд сказал: "Может статься, что к тому времени он уже будет продан, ярл Клеркон; ведь может статься, что и мне он приглянулся".

"В таком случае, - сказал викинг, - мы можем сделать его колом в нашем предстоящем конном бою. И если мой конь одолеет твоего, то парень станет моим призом, и я сделаю из него викинга".

"А как быть, если победа достанется мне, а не тебе?" - спросил Сигурд.

"Ты будешь иметь ценность, равную мальчику, будь уверен в этом, херсир".

"Согласен", - сказал Сигурд. "А теперь, какие у тебя новости с запада за морем?"

"Новости плохие и хорошие. В Норвегии начался сильный голод. В Трандхейме люди умирают от недостатка кукурузы и рыбы, а в Халогаланде снег лежит над долинами чуть ли не до середины лета, так что весь скот запрягли в стойла и кормят березовыми почками. Люди возлагают вину за голод на сыновей Гуннхильд, которые слишком жадны до денег и плохо обходятся с земледельцами. В стране мало мира, ибо короли вечно ссорятся из-за своих уделов; но, похоже, Харальд Грейфелл одерживает верх над своими братьями. Мало радости в правлении королевством в наши дни. Лучше бы я был таким, какой я есть, - честным морским скитальцем".

"Несомненно, жизнь викинга, в конце концов, самая радостная из всех, что может прожить человек", - сказал Сигурд. "Как поживают наши друзья в Йомсбурге?"

"Как всегда, хорошо", - ответил Клеркон. "Сигвальди построил себе новый прекрасный драконий корабль на пять и двадцать мест, и теперь йомсвикинги насчитывают в общей сложности семь раз по десять сотен человек. Они говорят о том, что собираются переправиться через море в Англию, где в изобилии есть кукуруза и эль, а также прекрасная одежда, хорошее оружие и сосуды из серебра и золота, которые можно завоевать; ибо эти христиане очень богаты, и в их церквях полно сокровищ, и много золотых чаш и хорошо выкованных рогов для питья в качестве добычи для тех, кто достаточно смел, чтобы совершить это приключение."

"Но эти англ, как я слышал, хорошие бойцы", - сказал Сигурд. "И у них много хорошо построенных кораблей".

"Против викингов, со всеми их кораблями, им не справиться", - ответил Клеркон. "А мне говорили, что их король - человек мира; они зовут его Эдгар Мирный. А если говорить о королях, то как поживает король Вальдемар?"

"Солнечно, как летний полдень", - ответил Сигурд.

"Тогда пойдем на борт моего корабля и поклянемся ему в этом полным рогом медовухи", - сказал викинг. И он потащил Сигурда за собой по сходням, и они спустились вниз и сидели и пили до тех пор, пока один из корабельщиков, стоявших на липтинге, или палубе судна, не подал пронзительный сигнал в рог в знак того, что корабль вот-вот покинет гавань.

Затем Сигурд сошел на берег и отправился по городу по делам короля, а о желтоволосом мальчике-рабе больше не вспоминал до самого вечера.

Случилось так, что он снова оказался у моря.

Там, на берегу, он стоял в одиночестве, безучастно наблюдая за белокрылыми морскими птицами - одни плавали в своих отражениях в спокойных лужах воды, оставленных уходящим приливом, другие искали пищу среди зеленых и пунцовых сорняков, яркими пятнами лежащих на камнях, - и часто обращал взгляд в сторону заходящего солнца, где в середине моря медленно двигался драконий корабль ярла Клеркона с мокрыми веслами, сверкающими в розовом свете.

Вдруг сзади него раздался веселый детский смех, он быстро обернулся и увидел совсем рядом с собой мальчика-раба в белой одежде. Мальчик стоял на краю глубокого бассейна с морской водой и, казалось, запускал в плавание по спокойной поверхности целую флотилию пустых раковин мидий. Он опускал в воду камешки с полной ладони, чтобы придать движение крошечным лодочкам.

Сигурд тихо подошел к нему сзади и сказал:

"Зачем ты пускаешь эти ракушки в плавание?"

Мальчик удивленно поднял голову, и его голубые глаза долго смотрели на высокого незнакомца. Затем он ответил:

"Потому что, херсир, это мои военные корабли, отправляющиеся в поход на викингах".

Сигурд улыбнулся.

"Может статься, мой мальчик, - сказал он, - что в будущем ты сам будешь командовать большими военными кораблями".

"Именно этого я и хотел бы, - сказал мальчик, - ибо тогда я смогу кровно отомстить своим врагам".

"Не часто я слышу, чтобы столь юный человек говорил о врагах", - сказал Сигурд. "Сколько тебе лет?"

"Десять зим".

"А твое имя?"

Мальчик еще раз взглянул в лицо незнакомца и на его большой гребневой шлем из бронзы и золота. Он также взглянул на большой меч и плащ из богатой синей ткани и догадался, что этот человек принадлежит к знатному роду. На его губах играла улыбка, а взгляд был ласковым и добрым, вызывающим доверие.

"Меня зовут Олаф, - ответил мальчик.

"Чей сын?" - спросил Сигурд.

На этот вопрос Олаф отвернулся, отбросил камешки в воду и вытер мокрые руки о грубый плащ. Затем он приблизился к незнакомцу и сказал почти шепотом, словно опасаясь, что его могут подслушать чайки:

"Я сын короля Тригви".

Сигурд слегка отпрянул назад.

"Сын короля Тригви!" - удивленно повторил он. И еще пристальнее вгляделся в лицо мальчика, словно ища в нем какое-то сходство.

"Даже так", - ответил Олаф. "И что с того? Мало толку от того, что я королевский сын, если я еще и раб, вынужденный тяжело работать за свою ежедневную порцию черного хлеба и жесткой лошадиной плоти. Тригви сейчас в Вальгалле, вместе с Харальдом Фэйрхайром и остальными, и он не сможет мне помочь. Но, слава Одину, он умер не как корова на соломенной подстилке, а с мечом в руке, как храбрый молодец".

"Он и вправду был храбрым добрым человеком", - сказал Сигурд. "Но скажи мне, мальчик, какие у тебя есть доказательства того, что ты действительно дитя Тригви Олафсона? Ты говоришь, что тебе всего десять зим от роду; но, как я полагаю, Тригви был убит целых десять зим назад. Как я могу знать правду о том, что ты рассказываешь?"

"У меня нет никаких доказательств, кроме моих слов", - гордо ответил Олаф.

Сигурд взял его за руку и повел по берегу к выступу скалы, усадил его перед собой и велел рассказать, как случилось, что он оказался в рабстве в чужой земле.

И Олаф ответил ему так:

"Я пришел в этот мир сиротой, - сказал он, - и никогда не слышал голоса своего отца. Но моя мать велела мне всегда помнить, что я королевский сын, и быть достойным. Астрид - так звали мою мать. Она была дочерью Эрика Биодаскалли, жившего в Офрестеде, на возвышенности, и была могучим человеком. После убийства Тригви королева Астрид была вынуждена бежать из королевства Викен, чтобы не попасть в руки Гуннхильд и ее нечестивых сыновей и не быть убитой. И путешествовала она беглянкой по многим землям. С ней был ее приемный отец, Торальф Длинная Борода по имени. Он никогда не отходил от нее, но всегда помогал ей и защищал ее, где бы она ни была. В ее обозе было много других надежных людей, так что с ней не случилось никакой беды. И вот наконец она укрылась на одном островке посреди фьорда Ранда и пролежала там много дней. На том островке я родился, и мне сказали, что меня окропили водой и назвали Олафом, в честь отца моего отца. Там, во время летнего прилива, она оставалась в безопасности. Но когда дни стали короткими, а ночи томительными и долгими, когда наступила ветреная погода, она покинула свое убежище и отправилась со своим народом в Горные земли, путешествуя под покровом ночи. И после многих трудностей и опасностей она пришла в Офрестед, жилище своего отца, и там мы прожили всю зиму.

"Я мало что помню об этих событиях, которые произошли, когда я был еще младенцем на руках. Тому, что я рассказываю тебе, научил меня Торгильс, мой приемный брат, раб купца Биорна; он может рассказать тебе больше, чем знаю я, ибо он старше меня и сын нашего верного Торальфа. Торгильс рассказывал, что когда Гуннхильд получила весть о моем появлении на свет, она послала множество вооруженных гонцов и велела им отправиться в Горные земли на поиски этого сына короля Тригви, чтобы они помешали мне стать взрослым и претендовать на королевство моего отца. Но в свое время друзья Эрика узнали о гонцах; тогда Эрик снарядил Астрид в путь, дал ей хороших проводников и отправил ее на восток - в шведское королевство к одному Хакону Гамле, своему другу и могучему человеку, с которым мы долгое время жили во всеоружии".

"А что потом?" - спросил Сигурд. Мальчик приостановился, сорвал с камня, на котором сидел, клубок бурых водорослей и стал разминать между пальцами маленькие воздушные пузырьки.

"Случилось так, - продолжал Олаф, - что королева Гуннхильд втайне узнала о нашем убежище. Тогда она послала на восток к шведскому королю хорошую компанию с добрыми дарами и честными словами, прося, чтобы он отправил Олафа Триггвисона с ними обратно в Норвегию, где Гуннхильд возьмет меня на воспитание и вырастит, как подобает королевскому сыну. И король послал в Офрестед. Но моя мать Астрид знала, что здесь кроется предательство - ведь подобным образом Гуннхильд обольстила моего отца, - и ни за что не позволила мне отдаться на попечение убийц моего отца, поэтому посланцы Гуннхильд вернулись с пустыми руками.

"К тому времени мне исполнилось три зимы, и я окреп, и мать взяла меня на борт торгового корабля, который шел на восток в Гардарику, ибо в той стране ее брат был великим человеком, и она знала, что он с радостью будет помогать нам, пока я не достигну возраста, чтобы отомстить за смерть отца и потребовать свое законное наследство".

При этих словах Сигурд стал очень серьезным, он осторожно положил руку на руку Олафа и спросил, что за беда постигла королеву Астрид и дошла ли она до конца своего пути.

"Увы!" - ответил Олаф. "Ты спрашиваешь меня о том, чего я не могу сказать. Если бы я знал, что она еще жива! Но я ни разу не видел ее и не слышал о ней вестей с того страшного дня, когда нас привезли в эту землю и продали в рабство".

Пока он говорил, парень с грустью смотрел на море, где корабль викингов медленно дрейфовал в тени остролиста. Глаза Сигурда смотрели на него с любопытной пристальностью.

"Мы отплыли через Восточное море, - продолжал Олаф, - и на нашем корабле было много купцов с большими запасами денег и богатыми товарами. И, как всегда, с нами были Торальф и его сын Торгильс. Едва наше судно скрылось за горизонтом, как нас встретил большой корабль викингов, который быстро налетел на нас и напал на наших моряков, сначала со стрелами и камнями, а потом с копьем и мечом, и была большая битва. Так викинги убили многих из наших людей и захватили наш корабль и все, что в нем было. Когда мы оказались в плену, бродяги взяли и разделили нас между собой как своих рабов, и случилось так, что мы с матерью были разлучены. Я достался эстонцу по имени Клеркон Плосколицый, вместе с Торальфом и Торгильсом. Клеркон счел Торальфа слишком старым для раба и не видел в нем никакой работы, поэтому он жестоко зарубил его на наших глазах и бросил тело в море. А нас, двух парней, он увел с собой и продал здесь на рынке в обмен на белую козу. Тогда, будучи товарищами по несчастью, мы с Торгильсом поклялись в братстве и дали клятву в рукопожатии, что, когда окрепнем, выйдем в море и отомстим человеку, убившему старого верного Торальфа".

Сигурд указал на корабль, видневшийся вдали на горизонте.

"Ярл Клеркон, о котором ты говоришь, - сказал он, - сейчас на том корабле".

"И мне это хорошо известно", - ответил Олаф. "Сегодня, когда я стоял на сходнях судна, я видел его на липтинге; я узнал его по тому, что его нос был прижат к лицу. Я хотел было бросить в него один из своих ножей, но вокруг было слишком много его людей, которые быстро одолели бы меня, если бы я поступил так опрометчиво. А теперь, - добавил мальчик, глядя на темнеющее небо, - мне пора возвращаться в горы, чтобы собрать овец моего хозяина в стадо, ибо ночь будет темной, и волки будут рядом. Слишком долго я здесь задержался".

И прежде чем Сигурд успел протянуть руку, чтобы задержать его, Олаф ускакал вверх по скалам и вскоре скрылся из виду.

ГЛАВА II: СИГУРД ЭРИКСОН.

На следующее утро, когда красное солнце поднялось над покрытыми туманом холмами Ратсдейла, Олаф работал среди свиней своего хозяина, очищая их от трухи и наполняя новой соломой. Работая, он спрашивал себя, кем может быть тот высокий человек, который разговаривал с ним прошлой ночью на берегу, и уже начал жалеть, что рассказал так много,

полагая, что незнакомец может быть врагом, возможно, даже шпионом злой королевы Гуннхильд, которая так часто пыталась укрепить свою безопасность, очищая дорогу от всех, кто был в силах оспорить ее права. Гуннхильд была очень хитрой женщиной, и вполне могло быть, что она тайно узнала, где живет юный сын короля Тригви, и послала этого человека в Эстляндию, чтобы заманить его в ловушку.

"Никогда больше я не буду так свободно рассказывать свою историю незнакомцу", - сказал себе Олаф. "Торгильс поступил мудро, посоветовав мне хранить в тайне мое родство с Тригви Олафсоном. Когда я стану мужчиной и смогу сражаться сам, тогда придет время претендовать на королевство моего отца; и может статься, что если я останусь в рабстве до того времени, никто не догадается, кто я такой. Поэтому, как раб, я должен работать, пусть даже эта работа будет не лучше, чем чистка конюшен и свинарников моего хозяина... Назад, жадный хрюкальщик!"

Последнее приказание было адресовано огромному щетинистому кабану, который пронесся мимо мальчика и направился к подстилке из новой соломы. Олаф поймал животное за заднюю ногу и некоторое время боролся с ним, пока хряк не оказался сильно заваленным на бок, визжа и яростно брыкаясь. Тогда трое других свиней бросились вперед, и одна из них ударила парня с такой силой, что он упал на колени. Это его очень разозлило, и он быстро поднялся на ноги и стал бороться со свиньями, отталкивая их ударами сжатых рук. Но кабана было не так-то просто повернуть. Он упрямо смотрел на него своими маленькими налитыми кровью глазками, а потом вдруг набросился на него с диким ревом. Олаф вскочил на ноги, но слишком медленно: его левая нога зацепилась за высокую спину кабана, и он перевернулся в трясине. И тут ярость взяла верх над ним, и он с диким криком бросился на кабана, схватив его за уши двумя руками. Много минут они боролись друг с другом, то перекатываясь, то разрываясь на части и снова возвращаясь к схватке. Но наконец Олаф одержал верх, и его противник, задыхаясь и обессилев, лежал на вожденной соломе. Олаф сидел на боку животного, положив голую ногу ему на рыло. Его рука кровоточила, а на щеке красовалась длинная царапина. Но он не обращал внимания на свои раны, ведь он победил.

Пока он сидел, по желтой соломе пронеслась тень. Он поднял глаза и увидел лица двух мужчин, которые смотрели на него из-за барьера свинарника. Один из них был его хозяином, Реасом. В другом он быстро узнал того высокого человека, который разговаривал с ним прошлой ночью. Сигурд Эриксон восседал на прекрасном белом коне, и одет он был как для долгого путешествия.

"Это тот самый мальчик, о котором ты говоришь, - сказал Реас, когда Олаф поднялся и продолжил свою работу, - и ты считаешь его не очень-то благосклонным олухом. Но если бы я ожидал вас, то должен был проследить, чтобы его хорошо вымыли и прилично одели. Однако если вы хотите взять его для тяжелой работы, то он, по крайней мере, силен, и я ручаюсь, что он здоров и не имеет телесных недостатков. Возможно, он немного диковат и своенравен, но его можно приручить, и хорошая порка не причинит ему вреда, как я уже не раз убеждался. Какую цену вы предлагаете за него, герсир?"

Олаф поднял голову в тревожном удивлении, гадая, действительно ли незнакомец пришел купить его, чтобы увести к злой королеве Гуннхильд.

"Я дам тебе за него две серебряные марки, - сказал Сигурд, - и это стоимость полного раба-мужчины".

Реас засомневался и посмотрел на Олафа, словно сожалея, что парень не выглядит более презентабельно.

"Нет, - сказал он наконец. "Такого раба, как он, ты не найдешь в каждом дневном походе. Если бы он был хоть немного чище, вы бы увидели, что он очень красивый мальчик. Взгляните на его глаза - злые, как у молодой змеи! Да ни у одной женщины нет глаз прекраснее! Посмотрите на его кожу, там, где порвана юбка. Разве она не прекрасна? И он искусен во многих подвигах. Мой собственный сын Рекони не более ловок, чем он. Он может бежать полдня без усталости. Он может забраться на самую высокую сосну в Ратсдейле - как он это сделал в прошлый раз, чтобы разорить гнездо голубой сойки; и ни один моряк не может плавать по воде более легко".

"Что касается его лазания, - сказал Сигурд, с любопытством глядя в голубые глаза, - то я не сомневаюсь, что когда-нибудь он заберется гораздо выше, чем ты перечислил. Но плавание малоэффективно там, где нет моря. А если он так хорошо бежит, то тем более велика опасность, что он сбежит. Я думаю, вам хорошо заплатят, если я дам вам две серебряные марки. Но раз уж ты так высоко ценишь его красоту и умение, то в придачу я дарю тебе это маленькое золотое колечко, которое будет носить твоя добрая жена. Что скажете?"

"Это выгодная сделка!" - сказал Реас, с нетерпением схватив кольцо, которое Сигурд достал из поясной сумки; "И ты можешь сразу же забрать парня".

Олаф отступил в дальний угол свинарника. Он нахмурил брови, а его голубые глаза вспыхнули от гнева.

"Я не пойду!" - твердо сказал он и сделал быстрое движение, чтобы перепрыгнуть через барьер; но он забыл о ране на руке, и боль от нее сделала его таким неловким, что Реас схватил его за запястья и держал так, пока Сигурд, соскочив с коня, не подошел и не накинул железную цепь на шею парня. Затем оба мужчины силой поволокли его к воротам свинарника. Когда Реас открыл ворота, Сигурд, очень сильный мужчина, подхватил Олафа на руки, отнес его к лошади и, держа за конец цепи, сел на нее. Олаф немного поборолся, пытаясь освободиться, но, обнаружив, что цепь надежно застегнута на его шее, решил дожидаться более удобного случая для побега. Тогда Сигурд отдал Реасу две серебряные марки в уплату за покупку и погнал коня быстрым шагом, увлекая за собой Олафа.

Очень скоро Реас и его убогая усадьба скрылись из виду за купами высоких сосен. Тогда Сигурд остановился на берегу небольшого ручья.

"Ты хорошо поступил, - сказал он Олафу, - что ушел с видимым нежеланием. Но не думай, что я ценю тебя так низко, как твой покойный хозяин, который считает, глупец, что ты не лучше многих других рабов, которых он мог бы купить на рынке". Если бы Реас потребовал сто золотых марок вместо двух жалких марок серебра, я бы охотно отдал ему их".

"А почему?" - спросил Олаф, нахмурившись. "Неужели ты думаешь увезти меня на запад, в Норвегию, и бросить, как молодого козленка, среди волков? Я думал, когда ты так просто говорил со мной вчера вечером, что ты человек чести. Возможно, королева Гуннхильд хорошо вознаградит тебя, если ты отдашь меня в ее лапы. Но этого ты никогда не сделаешь!"

"Безрассудный мальчишка, - сказал Сигурд, поглаживая гриву своего коня, - неужели ты не узнаешь друга, когда встретишь его? Или тебе так чужда дружба, что ты всех людей считаешь своими врагами?"

"Вражда так часто приходит под видом дружбы, - сказал Олаф, - что следует быть настороже. Я поступил бы мудрее, если бы вчера вечером отказался от разговора с тобой".

"Скоро придет время, - сказал Сигурд, - когда ты не будешь жалеть о том, что так говорил. Но я предупреждаю тебя, что тебе может быть очень плохо, если ты будешь рассказывать свою историю всем незнакомым людям так, как рассказал ее мне".

Олаф был озадачен. Он вглядывался в лицо мужчины и видел там только доброту, но в то же время в стремлении незнакомца завладеть им было что-то очень подозрительное.

"Если ты действительно мой друг, - сказал мальчик, - то зачем ты держишь эту цепь на моей шее? Почему ты тащишь меня за собой, как собаку?"

"Потому что я не хочу, чтобы ты от меня сбежал", - ответил Сигурд. "Но если ты пожмешь мне руку и скажешь, что не убежишь, то я сниму с тебя цепь, и ты поедешь впереди меня на моем коне. Ты сын короля Тригви, и я знаю, что слово твое, сказанное однажды, будет священо".

С тех пор как Олаф поклялся в братстве с Торгильсом Торальфом сыном, он ни разу не брал никого за руку. Он считал рукопожатие самым торжественным договором, который заключать только тогда, когда на карту поставлено великое дело. Кроме того, он еще никогда не говорил и не совершал лжи и не был ни с кем неправ. Он ответил быстро:

"Нет, я не возьму тебя за руку. Я также не дам вам слово, что не сбегу от вас в ближайшее время. Можете оставить цепь на моей шее. Ее легче снять, чем мое обещание".

Сигурд посмотрел на юношу и улыбнулся.

"Мне кажется, - сказал он, - что я восхищался бы тобой еще больше, если бы ты был немного чище. Вот ручей с водой. Залезай в него и мойся".

"Я не могу раздеться, не сняв цепь, - сказал Олаф, - а если цепь снять, то я убегу туда, где даже твой конь не сможет меня преследовать. Но если ты дашь мне одно благодеяние, я пообещаю тебе, что вымоюсь дочиста, а потом вернусь к цепи".

"И что же ты хочешь?" - спросил Сигурд.

"В том, - сказал Олаф, - что, поскольку я теперь твой законный раб и должен ехать с тобой, куда ты пожелаешь, ты отправишься к купцу Биорну и купишь у него моего приемного брата Торгильса".

Сигурд соскочил с коня и сразу же отстегнул цепь с шеи Олафа и даже помог ему снять юбку и шерстяной сарк. И когда Олаф предстал перед ним обнаженным, Сигурд отпрянул назад, пораженный чистотой его кожи, упругостью мышц и совершенной красотой фигуры.

В ручье, возле которого они остановились, была глубокая прозрачная лужа с высоким каскадом, низвергавшимся в нее кремовой пеной. Олаф легко перебежал по мшистым валунам и плюхнулся в бассейн, как будто хорошо его знал. Сигурд с детским восторгом наблюдал, как он катается и плещется там. Иногда казалось, что мальчик теряется в коричневой глубине воды, но вскоре его белое тело плавно скользило под поверхностью, а затем появлялось среди брызг водопада, где солнечные лучи выписывали радужные дуги. Наконец Олаф вынырнул и быстро побежал взад-вперед по травянистой поверхности, пока не обсох. Затем, вернувшись к новому хозяину, он надел свой шерстяной сарк. Но его юбка пропала.

Сигурд сказал: "Я выбросил ее, ибо нехорошо, чтобы сын короля носил одежду, запятнанную следами рабства".

Он снял со своих плеч плащ для верховой езды из алой ткани и добавил: "Возьми этот плащ и носи его. А когда мы доберемся до города, я куплю тебе более подходящую одежду, сандалии на ноги и чепец, чтобы защищать голову от солнца".

Олаф покраснел, взял плащ и накинул его на себя, ничего не сказав. Затем он взял конец цепи и подал знак хозяину, чтобы тот закрепил ее на его шее. Тот застегнул ее и снова сел на коня.

Они отъехали на небольшое расстояние от моря по долине, когда их встретили три вооруженных всадника, которые, казалось, ждали их. Сигурд отдал Олафа им на хранение, велел хорошо его охранять, а сам поскакал вперед. Вскоре с вершины холма они увидели синее море, а затем и маленький городок с деревянными хижинами, приютившийся у подножия скалы.

Когда они въехали в город, двое слуг Сигурда отвели Олафа в дом одного купца, где дали ему жареных яиц и пшеничного хлеба, и продержали там до полудня, не разговаривая с ним, а только наблюдая за ним, пока играли в бесчисленные шахматы и выпивали множество рогов эля.

Теперь Олаф, сидя на полу, прикованный к дверному столбу, размышлял о том, куда его новый хозяин намерен его отвезти, и не мог придумать ничего более вероятного, чем Норвегия. Зачем еще этот человек купил его, как не для того, чтобы доставить к Гуннхильд? И тогда он стал думать, как ему сбежать. И он быстро решил, что, когда они будут в море, он освободится от цепи, прыгнет за борт и поплывет к суше. Но тут его осенила мысль, что если он так поступит, то останется совсем один на свете, и никто не поверит ему, если он скажет, что он сын Тригви Олафсона, и, возможно, его снова заберут в рабство. Если бы с ним был Торгильс, им было бы очень хорошо вместе, потому что Торгильс был полон мудрости мира и мог своим умом заработать на еду и кров, пока они оба не станут достаточно взрослыми и умелыми, чтобы присоединиться к какому-нибудь кораблю викингов и завоевать славу и власть. Но если Торгильса придется оставить в Эстонии, это будет не так просто. Без Торгильса ничего нельзя было сделать. И тогда Олаф решил, что будет гораздо разумнее попытаться сбежать сразу, пока его не взяли на корабль.

Цепь была туго затянута на шее и прикреплена сзади, так что он не мог ослабить ее, не вызвав подозрений у людей шумом. Он посмотрел на другой конец цепи и увидел, что она застегнута так, что ее можно легко расстегнуть. Постепенно он подкрался к столбу, пока мужчины продолжали свою игру. Но не успел он сделать и шага, как снаружи послышался звук лошадиных ног. Двое мужчин вскочили со своих мест. Один из них направился к двери и вскоре вернулся со свертком одежды, который бросил на пол, велел Олафу одеваться самому. Олаф сразу же увидел, что одежда была из очень тонкой ткани, и очень удивился. Даже сын его старого хозяина Рекони никогда не носил таких богатых нарядов, как этот, и было странно, что ему, подневольному рабу, велели одеться в такую одежду.

Он одевался - хотя и с большим трудом, ибо все это было непривычно для него, который до сих пор носил лишь бедную рабскую юбку, - когда снаружи раздался пронзительный звук рога. Тогда один из мужчин подошел, помог ему зашнуровать сандалии и накинуть плащ и поспешил во двор. Там его ждали три лошади. Мужчины указали на одну из них, лохматую коричневую пони, и велели Олафу садиться.

"Я не умею ездить верхом, - сказал мальчик.

"Ты сможешь ездить верхом задолго до того, как доберешься до конца нашего путешествия", - ответил мужчина. "А чтобы ты не боялся упасть, тебя привяжут крепкими веревками к спине лошади".

"Я бы предпочел идти пешком", - возразил Олаф.

"Рабы должны слушаться своих хозяев", - сказал мужчина и взял мальчика за руку, чтобы помочь ему сесть. Но Олаф быстро отпрянул в сторону, в его глазах вспыхнул бунт.

В этот момент появилась компания всадников во главе с Сигурдом Эриксоном, а за ними следовало множество мулов, нагруженных мешками с едой и товарами. Все мужчины были хорошо вооружены: мечи и копья, луки и стрелы. Вид такого количества лошадей сразу показал Олафу, что путешествие, независимо от его цели, должно быть сухопутным. Когда они приблизились и остановились, Олаф быстро отыскал среди людей Торгильса Торальфсона. Да, там действительно был его приемный брат, сидящий на одном из вьючных мулов, и солнечный свет падал на его белую юбку и склоненную голову! Олаф успокоился, ибо хозяин сдержал обещание, и теперь уже не имело значения, куда его повезут, ведь Торгильс будет с ним в рабстве. Когда-нибудь - возможно, не сегодня, - у них будет возможность поговорить вместе и придумать, как сбежать.

Сигурд, восседавший на своем прекрасном белом коне, был похож на короля, окруженного телохранителями. Он смотрел, как Олаф взбирается на спину пони, и видел, как мужчины привязывают мальчика веревками. Один из мужчин взял конец цепи, а другой держал недоуздки пони, и так, с конной стражей по обе стороны, молодого раба вывели через ворота.

Очень скоро городок, в котором он прожил в рабстве семь долгих лет, и море, которое он так любил, остались далеко позади. Сигурд и его последователи поехали на юг через холмы, а затем через длинные унылые долины, усеянные большими камнями-валунами, которые сильно затрудняли движение. Их вела лишь узкая конная тропа, но вскоре и она затерялась в зарослях травы, и земля превратилась в дикую безлюдную пустошь без признаков человеческого жилья, лишь голые изрезанные холмы, по которым то тут, то там струилась вода, уходящая в низины. Олаф начал чувствовать себя очень усталым, а тряска пони по неровной земле становилась болезненной для его нетренированных конечностей. Но наконец жаркое солнце закатилось в золотые лучи, и первый день пути подошел к концу.

Привал был сделан в укрытии огромного соснового леса, на берегу широкого и глубокого ручья. Здесь лошадей и мулов развьючили и отпустили побродить, а за ними присмотрели собаки, чтобы они не забредали слишком далеко. Некоторые из мужчин принялись за сооружение палаток, другие собирали шишки и сухие ветки для костра, а двое сторожили мешки с деньгами своего хозяина. Когда все было готово, всем подали еду и питье.

В сумерках Олафа и Торгильса, все еще закованных в цепи, уложили спать на подстилку из сухих папоротников. Рядом с ними лежал еще один раб, молодой человек, похожий, из чужой страны. Они молча наблюдали за ним, пока он не уснул, а потом, лежа под звездами, светившими на них сквозь темные ветви деревьев, стали расспрашивать друг друга о том, что случилось с ними в тот день. Олаф спросил Торгильса, слышал ли он имя их нового хозяина.

"Нет, - ответил Торгильс. "Не могу я догадаться и о том, зачем он нас купил. Знаю только, что он норманн и что он очень богат".

"Я могу только думать, - сказал Олаф, - что он замышляет какое-то предательство с нашей стороны и хочет увезти нас на запад за море и отдать в руки сыновей Гуннхильд".

"У нас нет причин опасаться этого, - сказал Торгильс. "Для него мы такие же рабы, как и все остальные, которых он может купить на рынке, и я думаю, что он выбрал нас только потому, что мы из его страны. Если бы он узнал, что ты сын своего отца, то, возможно, задумал бы увезти нас в Норвегию. Но это невозможно. Во всей Эстонии никто, кроме нас двоих, не знает, что ты Олаф Тригвисон, и этот человек ни в коем случае не мог узнать об этом".

Олаф молчал много мгновений, потом наконец сказал:

"Торгильс, я не могу тебя обмануть. Этот человек прекрасно знает, чей я сын, и это я сказал ему".

Торгильс затаил дыхание, как будто получил удар.

"Ты сказал ему?" - воскликнул он. "О, как ты опрометчив! Разве я не велел тебе всегда хранить эту тайну в сердце? Зачем было рассказывать свою историю первому же любознательному незнакомцу, встретившемуся на вашем пути? Вы слишком легкомысленны на язык, и теперь, увы, наши несчастья должны быть только больше, чем прежде".

"Он был добр ко мне, - объяснил Олаф, - и я не мог отказать ему в ответе, когда он спросил, как я стал кабальным рабом. Я почти не думал, что он враг".

"Ты плохо разбираешься в людях, Оле, - ответил Торгильс. "В его глазах есть выражение, по которому можно было бы сразу догадаться, что в его сердце таится зло, а таким гладкоязыким, как он, доверять нельзя. Но есть в твоём безрассудстве и положительный момент: мы снова оказались под властью одного хозяина, и будет плохо, если, работая вместе, мы не сумеем убежать и присоединиться к какому-нибудь кораблю викингов".

"Это будет нелегко, если наш новый хозяин уведет нас в глубь страны", - сказал Олаф. "Ни один из его людей не имеет морских знаков; они - сухопутные".

Торгильс посмотрел на небо и поискал полярную звезду.

"Мы плывем на юг", - сказал он в конце концов.

"А что за страна лежит на юге?" - спросил Олаф.

Торгильс не мог сказать. Но он помнил, что когда-то какие-то купцы приплывали к побережью из большого города на юге под названием Миклигارد - так норсмены называли Константинополь, - и догадался, что это может быть конечной точкой их путешествия.

Тогда Олаф подкрался поближе к их спящему спутнику и разбудил его.

"Скажи мне, - спросил он, - кто этот человек, наш хозяин, и куда он нас ведет?"

"Не могу сказать", - ответил юноша. "Прошло всего три дня с тех пор, как он купил меня, и я плохо понимаю язык, на котором говорят эти люди, ибо я не из этой земли. Мой дом далеко за морями".

"В каком королевстве?" - спросил Торгильс.

"В Англии".

"Должно быть, это очень далеко, - сказал Олаф, - ибо я никогда не слышал о такой земле".

"Это остров в Западном море, - объяснил Торгильс, - я часто слышал его название. В тех краях жил и умер король Эйрик Бладэкс. Многие викинги из Норвегии пересекли моря ради богатств, которые они могут получить от англов. И если бы я был викингом, я бы направился в Англию".

"Я бы с радостью отправился с тобой, - сказал английский юноша, - да, даже сейчас, если бы мы могли спастись. Но, похоже, мы удаляемся от морского побережья, и мало надежды, что мы сможем пробиться на корабль".

"Надежды достаточно, если мы не будем медлить с побегом", - ответил Торгильс, глядя туда, где горели костры. Он молчал много минут, потом, положив руку на руку незнакомца, спросил:

"Какое у тебя имя?"

"Эгберт", - ответил парень.

"А как получилось, - спросил Торгильс, - что тебя занесло в Эстляндию?"

Тогда Эгберт рассказал свою историю. Родился он, по его словам, в Нортумберленде. Его отец, богатый оружейник и серебряных дел мастер, был убит одним из северян, основавших большое поселение в этой части страны, а его мать, которую звали Эдит, вышла замуж за человека, который сделал ее вдовой. Этого человека звали Грим, и он был воином на службе у Эрика Бладэкса, правителя тех краев. После смерти короля Эрика Грим со многими норманнами отправился обратно в Норвегию в обозе королевы Гуннхильд и сыновей Эрика, а с собой он взял жену и юного Эгберта. Эдит не дожила до Норвегии, и Грим, не желая быть обремененным ее сыном, продал Эгберта в рабство. Десять лет мальчик страдал в рабстве у разных хозяев, последний из которых - Клеркон Плосколицый - привез его в Эстляндию.

"Единственным моим желанием все эти годы, - говорил Эгберт, - было вернуться в Англию, где люди - христиане и не поклоняются вашим языческим богам. Много раз я пытался бежать, но всегда безуспешно; ведь у меня не было спутников, а такому молодому человеку, как я, нелегко в одиночку пробираться через чужие земли".

"Каков твой возраст?" спросил Олаф.

"Пятнадцать лет", - ответил Эгберт.

Торгильс встал и, опираясь рукой о ствол дерева, посмотрел вниз на двух своих спутников.

"Я думаю, - сказал он, - что было бы очень хорошо, если бы мы трое сбежали от этого нашего нового хозяина - сейчас, пока еще не стемнело, - и, держась вместе, попытались бы добраться до побережья. Там мы могли бы завладеть небольшой парусной лодкой и добраться по морю до земли англов. Что скажешь, Оле?"

Олаф некоторое время молчал. Наконец он сказал:

"Гораздо мудрее было бы подождать, пока мы не станем достаточно взрослыми, чтобы бороться за свое существование в этом мире".

"И ты не попытаешься сбежать?" - спросил Торгильс.

"Нет", - твердо ответил Олаф. "У нас хороший хозяин. Почему мы должны его покидать?"

"Только потому, что он подарил тебе этот прекрасный плащ, ты считаешь его хорошим, - насмешливо ответил Торгильс, - но, поверь мне, у него есть свои личные причины так подкупать тебя. Я догадываюсь, что он хочет с вами сделать, и говорю вам, что вы пожалеете, если не сбежите, пока есть возможность; ведь если люди носят свою истинную природу в лицах, то у этого человека, который нас купил, злое сердце".

"А что будет, если мы сбежим?" - спросил Олаф. "Такие мальчишки, как мы, вряд ли пригодятся нам в этом мире".

"Ты боишься!" - воскликнул Торгильс.

"Да", - ответил Эгберт, - "ты боишься". Затем, повернувшись к Торгильсу, он добавил: "Но почему мы должны уговаривать парня против его воли? Он всего лишь ребенок и будет нам только в тягость. Давайте оставим его и пойдем своей дорогой без него".

"Ты не из нашего народа, Эгберт, - ответил Торгильс, опускаясь на сухие листья, - и ты не знаешь, что означает обет братства. Ты просишь меня сделать то, что я скорее умру, чем сделаю. Мы с Оле никогда не расстанемся, пока смерть не разлучит нас. И если один из нас будет убит, то другой отомстит за его смерть. Если Оле захочет оставаться в рабстве до старости и седин, я всегда буду его спутником в рабстве. Но сбежать без него - этого я никогда не сделаю!"

Больше ничего не было сказано. Три мальчика, утомленные долгим путешествием, свернулись калачиком и уснули.

Юный Олаф спал так крепко, что в полночь, когда чьи-то руки развязали цепь на его шее, он не проснулся. Очень осторожно мужчина поднял его на сильные руки и отнес среди темных теней деревьев в дальний от костров уголок леса. Наконец он уложил мальчика на ложе из сухого тростника и мха у ручья, где яркая луна, светившая через открытую поляну, освещала его круглое лицо и короткие золотистые волосы. Мужчина стоял над ним и смотрел, как он видит свои детские сны. Затем он опустился на колени, осторожно откинул плащ юноши и распахнул переднюю часть его юбки, так что лунный свет упал на белую кожу его горла и груди.

Внезапно Олаф проснулся и увидел темную фигуру, склонившуюся над ним.

"Торгильс, Торгильс!" - закричал он в тревоге.

"Молчи!" - приказал Сигурд Эрикссон, схватив мальчика за руку. "Тебе не причинят вреда".

Олаф с трудом поднялся на ноги и собрался бежать, но крепкая хватка хозяина удержала его.

"Глупый ребенок!" - пробормотал Сигурд. "Почему ты боишься меня? Разве я уже не сказал тебе, что я твой друг?"

"Я не доверяю твоей дружбе", - сердито ответил Олаф, вспомнив предупреждение Торгильса. "И теперь я верю, что ты привел меня сюда только для того, чтобы тайно предать меня смерти".

"Я привел тебя сюда для твоего же блага, дитя мое, - мягко сказал Сигурд, - и даю тебе торжественное слово, что ни один человек, кем бы он ни был, не причинит тебе зла, пока я жив и являюсь твоим защитником. Молчи и слушай меня".

Олаф стал спокойнее.

"Вчера вечером, - сказал Сигурд, - когда ты сказал мне, что ты сын короля Тригви Олафсона, я не сразу поверил твоему рассказу. Но когда ты назвал имя своей матери и сказал, что она родом из Офрестеда, что на возвышенности Норвегии, я сразу понял, что ты говоришь мне правду. Я взглянул в твои глаза и увидел, что это глаза королевы Астрид - самой прекрасной женщины во всем Нортленде. В твоих словах мне казалось, что я слышу музыку голоса королевы Астрид..."

"Может ли быть так, что моя мать известна тебе?" - вскричал Олаф с нетерпением. "Может быть, вы можете отвести меня туда, где она живет?"

"Я хорошо ее знаю", - ответил Сигурд. "Но, увы, прошло уже много лет с тех пор, как я видел ее в последний раз, и долгое-долгое время я не слышал о ней никаких вестей, пока ты не сказал мне, что она бежала из Норвегии. Скажи мне теперь, как зовут того, чьей помощи она хотела искать в Гардарике?"

"Имя ее брата, - ответил Олаф, - Сигурд Эриксон".

"Я тот самый брат, - улыбнулся Сигурд, беря мальчика за руку, - и именно потому, что я твой дядя, я беру тебя с собой в Хольмгард". Он притянул Олафа ближе к себе и обнял его за шею. "И ты будешь жить со мной как мой дорогой приемный сын, - добавил он, - и я буду заботиться о тебе и учить тебя всему, что должен знать королевский сын, чтобы в грядущем ты мог претендовать на царство своего умершего отца. Но я делаю это не без риска, ибо мне хорошо известно, что в Норвегии есть много людей, которые с радостью услышат о твоей смерти. Если сыновья Гуннхильд узнают, что ты живешь в Хольмгарде, они предложат богатую награду тому, кто добьется твоей смерти. Поэтому ты поступишь мудро, если ни словом не обмолвишься о своем родстве с Тригви Олафсоном. И никому, даже своему младшему брату Торгильсу, не выдавай, что я твой дядя и что я знаю твое имя и родство, ибо в Гардарике свято соблюдается закон, что никто из королевского рода не может оставаться в стране без санкции короля Вальдемара. Если же станет известно, что я умышленно нарушаю этот закон, то и тебя, и меня постигнет тяжелейшая беда".

Пораженный услышанным и узнав, что человек, которого он принимал за тайного врага, был не кто иной, как его родной дядя, Олаф потерял дар речи. Он молча вложил свою руку в огромную ладонь Сигурда и позволил отвести себя туда, где по-прежнему крепко спали Торгильс и Эгберт.

ГЛАВА III: ПРОРОЧЕСТВО ГЕРДЫ.

На следующее утро, когда Олаф проснулся, он ничего не рассказал о том, что слышал о своем родстве с Сигурдом Эриксоном, и если Торгильс увидел, что он очень угрюм и молчалив, то, несомненно, решил, что парень просто горюет о том, что его увезли от моря, которое он так любил. И все же Олаф, как ни странно, не желал принимать никакого плана побега. И Торгильс, и Эгберт постоянно говорили о бегстве, но Олаф всегда находил какую-нибудь мудрую причину для дальнейшей задержки и лишь качал головой, говоря, что их планы плохо продуманы. На второй вечер пути на юг они остановились на берегу большого внутреннего озера. Торгильс заявил, что это часть моря, и стал уговаривать двух своих спутников улизнуть с ним под покровом ночи, чтобы найти какую-нибудь рыбацкую лодку и скрыться на ней. Но Олаф быстро заметил, что лодок не видно и что, поскольку лошади и собаки пьют воду, она не может быть соленой, как воды большого моря. Каждый день во

время долгого и утомительного путешествия Торгильс предлагал какой-нибудь новый план. Но Олаф упрямылся. Наконец двое старших мальчиков, видя, что он намерен оставаться в рабстве, уступили его сильной воле и согласились терпеливо ждать и идти с ним, куда бы ни вздумал их хозяин.

Страна, в которую их привели, в старину называлась Гардарикой. Она лежала к юго-востоку от Эстляндии и входила в состав современной Российской империи. В этих землях жило много норманнов, а сам король Вальдемар был сыном великого шведского викинга Рюрика, который завоевал и поселился в странах к востоку от Балтийского моря. Вальдемар держал свой двор в Хольмгарде - современном Новгороде. Он был очень мудрым и сильным правителем, а его подданные процветали и жили в мире, владели многими полезными искусствами и вели торговлю с великим городом Миклигард. Люди все еще были язычниками, поклонялись Одину, Тору и мелким скандинавским богам, ибо христианская вера была им пока лишь смутно известна и малопонятна.

Сигурд Эриксон, который был верховным управителем Вальдемара, жил в королевском дворце с большим достоинством и имел много слуг. И когда он вернулся со всеми сокровищами, собранными в качестве дани, он взял к себе на службу Олафа Тригвисона. А Торгильса и Эгберта по-прежнему держали как рабов и заставляли выполнять тяжелую работу в королевских конюшнях.

Управляющий был очень добр к Олафу и вскоре полюбил его как родного сына, оберегая его от всякого зла, разговаривая с ним всякий раз, когда случай сводил их вместе, но никогда ни словом, ни делом не выдавая, что мальчик не просто раб, которого он купил вместе с другими людьми во время своего путешествия по королевским владениям. Даже своему приемному брату Олаф не шепнул ни слова о своем близком родстве с их новым хозяином. Торгильс, который не забыл имя брата королевы Астрид, мог бы и впрямь раскрыть тайну Олафа. Но так уж сложилось, что о королевском управителе говорили только как о херсире Сигурде, а не как о сыне Эйрика из Офрестеда.

В течение многих месяцев Олаф очень кротко выполнял свои небольшие обязанности, и никто не обращал на него особого внимания, так как он все еще носил следы своей грубой работы. Сигурд был уверен, что его тайна в безопасности и что Вальдемар никогда не узнает, что его управляющий нарушает закон. Но вскоре светлые волосы юноши стали длинными и яркими, руки утратили грубость, а растущая красота лица и конечностей привлекала множество взглядов. Тогда Сигурд начал бояться, ибо знал, какое наказание ему придется заплатить, если выяснится, что он по своей воле привел в страну рожденного королем юношу.

Опасность усилилась, когда королева Аллогия обратила внимание на юного Олафа, ибо королева была в некотором роде ворожеей; она умела предсказывать будущее и быстро догадалась, что красота юноши досталась ему от какого-то знатного предка. Казалось, ей очень хотелось узнать его историю, и она просила многих людей при дворе рассказать ей, откуда он появился, и узнать имена его родителей. Но никто не мог сказать.

Аллоджии было всего два двадцать лет, и она была очень красива, и король не хотел, чтобы ее видели за беседой с его красивым управляющим, опасаясь, что Сигурд завоюет ее сердце. Но однажды в начале зимы королева застала Сигурда в большом зале, где он был наедине с Олафом, обучая мальчика чтению рун, вырезанных на черном дубе за высоким креслом короля.

Олаф посторонился, когда она вошла, но глаза его бесстрашно устремились на нее. На ней была синяя тканая мантия, украшенная кружевами, а под ней - алая юбка с серебряным поясом. Голову опоясывала золотая лента, а каштановые волосы с обеих сторон доходили до пояса. Она подошла к распорядителю и сказала, когда он повернулся, чтобы выйти из зала:

"Молю вас, продолжайте урок, герсир".

"Прошу прощения, госпожа, - сказал Сигурд, - я всего лишь учил парня руне короля Рюрика, и нет смысла продолжать".

"Не часто я слышала, чтобы простой мальчик-раб учился рунам, - ответила Аллоджия, - такие знания предназначены только для тех, кто принадлежит к высокому сословию". Она сделала паузу и оглянулась на Олафа, который стоял в стороне, поглаживая рукой голову огромного пса, поднявшегося из-за костра. "И все же, - задумчиво добавила королева, - я бы сказала, что в этом мальчике Оле, как вы его называете, нет крепостной крови. Он принадлежит к королевскому роду. Каково его происхождение, херсир Сигурд? Вы, проявивший к нему столько благосклонности, одевший его в столь изысканные одежды и даже научивший его читать руны, несомненно, знаете, что он благородного происхождения. Кто же он, спрашиваю я?"

Этот вопрос, прозвучавший так прямо и от самой королевы, которую он не смел ослушаться, прилил виновную кровь к челу Сигурда. Но Аллоджия не заметила его замешательства. Ее большие темные глаза пристально смотрели на Олафа, словно восхищаясь его шелковистыми золотистыми волосами и крепкой, хорошо сложенной фигурой.

"Я купил его в Северной Эстонии, - ответил Сигурд после минутной паузы. "Я купил его у бондаря в Ратсдейле, и цена, которую я за него заплатил, составила две серебряные марки. Может быть, он сын какого-нибудь викинга, я не могу сказать. Он быстро соображает и очень ловок во всех играх, и поэтому мне приятно учить его многим вещам".

В глазах Аллоджии мелькнуло сомнение, словно она знала, что управляющий говорит ей полуправду. Он увидел ее сомнения и сделал знак Олафу приблизиться. Мальчик повиновался и встал перед королевой со склоненной головой.

"Какого ты происхождения, мальчик?" - спросил Сигурд. "Кто твоя мать и каково ее состояние?"

Олаф ответил быстро, спокойно глядя в лицо своему господину:

"Моя мать - бедная кабатчица, херсир", - сказал он. "Викинги привезли ее в Эстляндию с запада из-за моря. Я не имею о ней вестей с тех пор, как был маленьким ребенком".

Королева с жалостью улыбнулась ему.

"А что с твоим отцом?" - спросила она.

Олаф покачал головой и безучастно посмотрел на прекрасные руки королевы с множеством золотых колец.

"Я никогда не знал своего отца, госпожа, - ответил он, - ибо он умер еще до моего появления на свет".

"Но разве ты не знаешь его имени?" - продолжала Аллоджия. Олаф боялся сказать заведомую ложь, но ради своего дяди он не посмел ответить правду. Он на мгновение запнулся, а потом, почувствовав, что собака прижалась к его руке, поймал ухо животного

между пальцами и сильно, крепко ущипнул его. Собака завyla от неожиданной боли и злобно рванулась вперед. А королева, напуганная и встревоженная, отошла в сторону и величественно вышла из зала.

В течение многих недель Аллоджия больше не искала ответа на свой вопрос. Сигурд, все еще опасаясь, что его тайна может быть раскрыта, держал мальчика подальше от двора, чтобы его не видели. Но несмотря на все его заботы, опасность все равно не миновала.

У короля Вальдемара была мать по имени Герда, которая была так стара и немощна, что всегда лежала в постели. Она прекрасно владела искусством ворожбы, и на юле, когда гости собирались в королевском зале, по обычаю, его мать вносили туда и сажали на высокое сиденье. Там она пророчествовала, касаясь любой опасности, нависшей над страной, или чего-то подобного, в зависимости от заданных ей вопросов.

В первую зиму пребывания Олафа в Хольмгарде случилось так, что на празднике йоля, когда Герду внесли в дом, Вальдемар спросил ее, не войдет ли в его владения какой-нибудь чужеземный князь или воин и не обратит ли он оружие против его королевства в течение следующего года.

Старая мать провела согнутыми пальцами по тонким локонам своих белых волос и, глядя тусклыми глазами в огромный зал, произнесла свое предсказание:

"Я не вижу никаких признаков разрушительной войны, - сказала она, - или какого-либо другого несчастья. Но одно чудесное событие я вижу. В Норвегии недавно родился ребенок, которого будут воспитывать здесь, в Хольмгарде, пока он не станет знаменитым принцем; он столь высоко одарен, что равных ему еще не было. Он не причинит вреда этому королевству, но всячески приумножит твою славу. Он вернется в родные края в расцвете лет и будет царствовать с великой славой в этой северной части мира. Но недолго, недолго. А теперь унесите меня".

Пока произносились эти слова, взор королевы Аллоджии остановился на Олафе Триггвисоне, который исполнял роль подносящего кубок своему дяде Сигурду. Она видела, как дрожал в его руке рог для питья, и вино, которое он держал, капало через серебряный ободок и падало на переднюю часть его белой юбки; и она догадалась, что пророчество относилось именно к нему. Но ни тогда, ни в последующие дни она не выказала ни малейшего признака этого подозрения. Тем не менее она постоянно наблюдала за ним, не переставая думать о его благородстве и славе, которая была ему обещана. Все, что он делал, доставляло ей удовольствие, ибо она уже убедилась, что он превосходит всех сверстников не только в личной красоте, но и в искусном обращении со всеми видами боевого оружия, в дрессировке собак и лошадей, в борьбе и верховой езде, в скачках на снегоступах и во всех других упражнениях. Она часто беседовала с ним, но, кроме как во время большого пира, его никогда не было видно в зале.

В течение долгих холодных зимних месяцев Олаф ничего не видел ни о своем приемном брате, ни об Эгберте Британце, потому что оба они были отправлены за реку, чтобы работать на одной из королевских ферм. Там они оставались до начала лета, когда пригнали свои стада и отары для встречи овец. В это время в Хольмгарде проходила большая ярмарка со спортом, играми и мужскими состязаниями. Множество людей съехало в город из дальних уголков королевства.

На второе утро ярмарки Сигурд Эриксон вошел в комнату, где спал Олаф. Мальчик одевался в свои прекрасные одежды и подпоясывался кожаным поясом с небольшим боевым топором, который Сигурд сделал для своего юного родственника.

"Мальчик мой, - сказал Сигурд, - тебе незачем одеваться в этот праздничный наряд, потому что по моей воле ты не должен присутствовать на играх. Ты не должен показываться среди толпы".

Олафу предстояло принять участие в поединке по борьбе с тремя молодыми чемпионами из Ливонии. Кроме того, он должен был участвовать в забеге, призом за который был серебряный меч с рукоятью, врученный королевой. Услышав, что дядя запрещает ему выступать, он очень возмутился.

"Поздно тебе пытаться удержать меня в дверях", - запротестовал он. "Я дал слово борцам и теперь не могу отступить. Неужели вы хотите, чтобы надо мной потешались как над трусом? Почему вы отказываете мне в чести взять все призы, которые я так легко могу завоевать?"

"Для твоего же счастья я запрещаю тебе показываться перед незнакомцами", - ответил Сигурд. "Но более всего я желаю, чтобы ты скрывался по одной великой причине. В Хольмгард приехал человек, с которым я познакомился много месяцев назад. Я договорился с ним, что он выставит мою лучшую лошадь против его на конном ринге, и приз должен был быть..."

"Что за приз?" - спросил Олаф, видя, что дядя сделал паузу.

"Призом должен был стать ты сам, сын мой", - серьезно ответил Сигурд. "Этот человек жаждал тебя и купил бы тебя у твоего старого хозяина Реаса".

"И почему ты согласился на это, зная, что я твой родной человек и сын твоей сестры?" - спросил Олаф.

"Тогда я еще не знал, что ты из моего рода", - ответил Сигурд. "Но, дав слово, я не могу от него отказаться. Я видел коня этого человека и считаю, что он лучше моего. Поэтому я боюсь потерять тебя. Но если вы будете держаться в доме, я скажу этому человеку, что вы умерли, и предложу ему вместо вас молодого англичанина Эгберта".

"Так ты скажешь ему неправду?" - воскликнул Олаф.

"С радостью, если при этом ты останешься при мне, ибо я не хотел бы потерять тебя ни за что на свете".

Олаф, повинувшись слову дяди, начал расстегивать пояс. Но лицо его было очень мрачным, и легко было понять, что только из любви к дяде он согласился бы во что бы то ни стало отказаться от своих удовольствий. Олаф уже очень гордился своим мастерством. Еще ни разу он не был побежден ни в одном состязании, и он надеялся приумножить свою славу, победив всех, кто мог бы выступить против него в этот великий день. Кроме того, ему предстояло принести жалкую жертву, если ему не позволят стать свидетелем игр.

Когда Сигурд повернулся, чтобы уйти, мальчик внезапно поймал его за руку.

"Я не обещаю!" - закричал он. "Я не могу дать тебе слово. Я люблю борьбу, и, несмотря на твой запрет, я поеду. Скажи мне, что это за человек, о котором ты говоришь, и я буду избегать его. Даже если он победит тебя в конном бою, он не отнимет меня у тебя".

"Это великий викинг", - ответил Сигурд. "Люди зовут его Клеркон Плосколицый. Это тот же самый, кто продал тебя в рабство".

На чело Олафа опустилась туча, и он сел на край топчана.

"Клеркон Плосколицый?" - медленно повторил он. Затем, подняв глаза, он посмотрел в лицо дяде и добавил: "Не бойся, герсир. Клеркон не отнимет меня у тебя".

Вскоре после того, как Сигурд вышел к королю, Олаф покинул дом и тайными путями отправился в конюшню, где застал своего приемного брата за работой - он расчесывал гриву боевого коня Сигурда. Это было очень высокое и сильное животное, с блестящей коричневой шерстью и длинным хвостом, достающим почти до земли. Оно было хорошо обучено, и на его счету было немало выигранных боев. Звали его Слейпнир, и назвали так в честь восьминогого коня Одина.

Олаф подошел к Торгильсу и приветствовал его дружескими словами. Потом, когда они немного поговорили, Олаф наклонил голову к уху Торгильса и сказал:

"У меня есть новости, брат".

"Плохие новости или хорошие?" - спросил Торгильс.

"Суди сам", - ответил Олаф. "Наш старый враг Клеркон Викинг прибыл в Хольмгард со множеством людей и могучим конем, который должен сразиться со Слейпниром".

Торгильс резко отпрянул назад.

"Вот и пришло наше время", - воскликнул он. "Наша клятва отомстить должна быть исполнена. Мы больше не маленькие мальчики, слабые руками и слабые мужеством. Никогда больше Клеркон не будет бороздить моря".

"А кто ему помешает?" - спросил Олаф, глядя в сияющие глаза собеседника.

"Ему помешаю я", - ответил Торгильс. "Только я должен отомстить, ибо нехорошо, что ты, столь высоко стоящий в чести у короля и его двора, запятнал кровью свои белые руки. Это мой отец, которого Клеркон убил в тот день на корабле, и я должен отомстить за него".

Тогда Олаф покачал головой.

"Не так будет, - сказал он. "Торальф был моим добрым приемным отцом, и я не боюсь встретиться лицом к лицу с тем, кто так жестоко послал его на смерть. Я, а не ты, приведу убийцу к гибели".

"Как ты всегда опрометчив!" - вскричал Торгильс. "Неужели ты никогда не научишься осторожности? Сохраняй спокойствие. Если я потерплю поражение, тогда настанет твой черед отомстить за мою смерть, как того требует наш обет братства. А теперь принеси мне хорошее оружие, ибо у меня нет ничего, кроме дубовой дубины".

"Ты не будешь нуждаться в хорошем оружии", - сказал Олаф, достал из-под своего синего плаща небольшой меч и протянул его Торгильсу. "Вот мой новый ручной саксофон. Возьми его и используй по назначению. Но в деле с Клерконом, возможно, я буду перед тобой. Да пребудет с тобой Один!"

ГЛАВА IV: УБИЙСТВО КЛЕРКОНА.

Было еще рано, когда начались игры. Они проходили на большой равнине за воротами, где ограды опоясывали поле. На солнечной стороне стоял королевский шатер, где сидели Вальдемар и Аллоджия в сопровождении многочисленных гостей и придворных, среди которых был и Сигурд Эриксон.

Долгое время Сигурд, сидевший рядом с королевой, был спокоен, полагая, что молодой Олаф держится в дверях, и не обращал внимания на тех, кто находился в кольце. Сначала были поединки по прыжкам. Олаф в них не участвовал, поскольку был еще недостаточно высок, чтобы состязаться с рослыми мужчинами, а юношей его роста, достаточно искусных, чтобы сравниться с ним, не было. По той же причине он не участвовал и в поединках на мечах. Но наконец дело дошло до испытания мастерства владения длинным луком. Лучники находились в дальнем конце площадки, и их лица не могли быть хорошо видны из шатра, даже если бы Сигурд искал среди них лицо своего своенравного племянника. Однако был один человек, который видел лучше, чем он, и это была королева Аллоджия.

Она дождалась, пока дойдет очередь до тех, кому было меньше восемнадцати лет, и стала зорко наблюдать за ними. Среди них она вскоре заметила юношу, которого искала; она не теряла его из виду, пока его метко пущенная стрела не попала в цель, и он не был провозглашен победителем. Когда Олаф подошел к шатру, чтобы поклониться, Сигурд увидел его и очень разгневался, ибо знал, что среди гостей короля был викинг Клеркон.

Когда Олаф оказался рядом, Клеркону показалось, что парень не совсем чужой для него. И в самом деле, если бы не длинные золотые волосы и не маскировка лучшей одежды, он мог бы узнать в нем того самого, кого видел прошлым летом, играющим на ножах на сходнях корабля викингов. Но Клеркон лишь восхищался мастерством юноши в обращении с длинным луком и думал, какой хороший воин из него получится. Так что, думая об этом, он внимательно следил за Олафом, когда тот снова бежал мимо в пешем забеге, опережая своих соперников на много ярдов.

И вот, став первым в забеге, Олаф снова появился перед шатром, и королева вручила ему заслуженный приз.

Когда он принимал из рук Аллоджии меч с серебряной рукоятью, один из викингов подошел к Клеркону и сказал:

"Господин, этот юноша - тот самый, что появился прошлым летом в качестве кабального раба в то время, когда херсир Сигурд поднялся к нам на борт. Не этот ли юноша должен был стать призом в нашем конном бою?"

Клеркон пристально посмотрел на парня и подумал, каким бы он мог быть с коротко стриженными волосами и в белой рабской юбке вместо прекрасной одежды, которую он носил сейчас.

"Все то же самое!" - ответил он. "А теперь я вспомнил, что кто-то сказал мне, что именно его мы захватили среди прочих много лет назад у острова Алланд. Это мы привезли его в Эстляндию. Многое бы я отдал, чтобы он был с нами на нашем корабле. И клянусь молотом Тора, что если я не одержу над ним победу в конном бою, то возьму его силой!"

Тогда Клеркон направился к Сигурду Эриксону и сказал ему, что узнал мальчика. При этих словах Сигурд сильно побледнел и стал винить себя в том, что не удержал Олафа в дверях главной силой.

И вот, в полдень, когда король и королева вышли из шатра, Сигурд направился к входу в списки, поискал там Олафа и нашел его. Он заговорил с юношей очень серьезно и, рассказав ему о признании викинга, предостерег его от повторного появления в круге пути. Олаф, видя, что дело серьезное, согласился отказаться от борьбы и дал слово впредь быть более осторожным в своих проявлениях.

"Я очень боюсь, - сказал Сигурд, - что беда уже совершилась. Твое будущее благополучие, твое счастье, твои притязания на королевство твоего отца - все зависит от результата этого конного поединка. Если конь викинга Клеркона одолеет Слейпнира, нам уже ничего не поможет. Ты должен отправиться с победителем".

Тогда Олаф почти насмешливо улыбнулся.

"Не бойся, мой брат, - сказал он. "Если Клеркон придет требовать меня в качестве своей награды, он меня не найдет. Но ему и не понадобится требовать меня. Я видел этого великого жеребца, которым он так хвастался, и прекрасно знаю, что в честном бою он не сравнится со Слейпниром".

"Скоро увидим, - ответил Сигурд, - а пока, если вы намерены наблюдать за боем, прошу вас занять позицию как можно дальше от викингов. А когда бой закончится - каков бы ни был его результат - перебирайтесь через реку и спрячьтесь в хижине старого Грима Ормсона. Там вы будете в безопасности от любого обнаружения до тех пор, пока викинги не уйдут".

У Олафа и в мыслях не было прятаться таким образом. Он не боялся Клеркона лично и не верил, что викинг приложит много усилий, чтобы заполучить свой приз, даже если его конь окажется удачным. Олаф слышал, что этого коня привезли из Англии, и не верил, что из такой далекой страны может прийти что-то хорошее. А вот лошадь его дяди славилась по всему Гардарике, и ее никогда не побеждали ни в скачках, ни в поединках. Почему же тогда следовало опасаться за результат предстоящего поединка?

Но Сигурд Эриксон был мудрее и лучше понимал, что его конь наконец-то встретит равного себе. Никогда еще он не видел столь сильного и свирепого животного, как жеребец, с которым викинг Клеркон сошелся в поединке со Слейпниром.

В круг вывели множество лошадей и попарно вывели их на середину, где они сражались друг с другом. За каждой лошадей следовал ее хозяин или тренер, который поддерживал и подбадривал ее, подгоняя палкой. Зрителей собралось очень много, ведь среди северян не было более популярного развлечения, чем конный бой, если только речь не шла о поединках между людьми. Но поначалу особого ажиотажа не было, потому что многие лошади не хотели драться, а другие были слишком легко побеждены. Наконец Слейпнира и английскую лошадь вывели в центр. Когда их отпустили, они яростно сцепились, и последовал великолепный бой, жестокий и долгий. Мужчинам почти не пришлось подгонять их или использовать палки. Обе лошади высоко поднялись на задние ноги и жестоко кусали друг друга, пока их гривы, шеи и плечи не оказались разорванными и окровавленными. Часто животные расходились, но только для того, чтобы возобновить бой с еще большим ожесточением. Бой продолжался до тех пор, пока не прошло одиннадцать раундов. Тогда жеребец Клеркона вцепился в челюстную кость Слейпнира и держался до тех пор, пока не стало казаться, что он никогда не ослабит хватку. Тогда двое мужчин бросились вперед, каждый к своему коню, и стали бить и сталкивать их, когда Слейпнир упал от усталости и тяжелого боя. При этих словах викинги громко закричали.

Король Вальдемар был судьей, и он сказал, что теперь бой должен прекратиться, потому что конь Клеркона доказал свою победу в восьми раундах, и было видно, что конь стюарда больше не годится. Тогда король спросил Сигурда, на какой приз он поставил, и Сигурд ответил:

"Приз был заложен много месяцев назад, когда я встретил Клеркона в Эстонии, и было решено, что если конь викинга одолеет моего, то он заберет юного раба Оле".

"Тогда пусть мальчик будет отдан ему, - сказал король, - ведь он победил его очень честно".

"Я возьму мальчика сегодня ночью, - сказал Клеркон, стоявший неподалеку, - потому что мои дела в Хольмгарде закончены, и на рассвете я возвращаюсь на побережье".

Сигурд полагал, что Олаф наверняка прислушался к его совету и сразу же отправился за реку, чтобы спрятаться в хижине Грима Ормсона, поэтому ничуть не встревожился.

"Возьми парня, где бы ты его ни нашел, - сказал он викингу. "И если ты не сможешь найти его до восхода солнца, я заплачу тебе его справедливую стоимость в золоте".

"Хоть ты и предложил мне все золото, которого ты стоишь, - ответил Клеркон, - я не возьму его вместо мальчика. Он не рожден в рабстве, а имеет благородное происхождение, и я намерен сделать из него викинга и взять его с собой на запад за море в Англию. Нехорошо, что такой умный юноша, как он, тратит свои годы в глухом городе. По своей природе он предназначен для моря, и я думаю, что когда-нибудь он станет очень великим воином".

При этих словах Сигурду Эриксону стало плохо на душе, ибо он знал, что викинг - человек очень сильной воли, и никакие полумеры не смогут отвратить его от задуманного. Кроме того, он чувствовал, что теперь бесполезно пытаться обмануть Олафа. Викинги узнали мальчика, и никто другой не мог выдать себя за него.

С мрачной тучей на челе Сигурд вышел из шатра и направился в королевский зал на поиски племянника. Олафа там не было. Прошло несколько часов, а его все не было видно. Не пришел и Клеркон, чтобы предъявить права на свой приз.

Наступил вечер. Сигурд сидел один в своей комнате в задней части большого зала. Он думал о том, что Олаф в последнее время стал странно беспокойным и непокорным. Много раз парень разочаровывал его и доставлял неприятности, но никогда - так, как сегодня, когда его своеволие грозило привести к очень серьезным последствиям. Если бы Олаф последовал утреннему совету, приход Клеркона мог бы оказаться пустяковым делом; но легкомысленный мальчишка смело явился в шатер и не пытался скрыться от зорких глаз корабельщиков. Его узнали - как мог не узнать тот, кто так выделяется среди других юношей, - и теперь Клеркон не успокоится, пока не завладеет своим желанным призом.

Теперь Олаф был совсем не таким, каким казался в тот день, когда стоял у корабля викингов в облике бедного раба. За прошедший год Сигурд полюбил юношу отцовской любовью, научил его многим полезным искусствам и ремеслам, дал ему прекрасную одежду и так улучшил его телосложение и сформировал его ум, что ни один королевский сын не мог надеяться превзойти его ни в физической красоте, ни в мастерстве владения оружием, ни в мужественной доблести, ни в нравственной доброте. Ни разу Олаф не совершил ничего подлого или недостойного; ни разу он не сказал неправды или не отступил от своего обещания. Когда Сигурд просил его сделать то, что ему не нравилось, мальчик просто встряхивал своими золотистыми кудрями и говорил: "Я не обещаю"; но всегда, когда он давал слово, то держался его твердо и верно. Ему можно было доверять во всем. Но при всем

том в последнее время он стал очень своевольным, и неприятности, которые он теперь доставлял, очень беспокоили его дядю.

Сигурд прекрасно знал, что Олаф любит его и что вся возможная слава викинга не уведет его из Хольмгарда по собственной воле. Но в данном случае он мог не сдержаться, несмотря на то, что так твердо сказал, что Клеркон никогда не увезет его живым. Поэтому в глубине души Сигурд опасался, что Олаф предпримет какую-нибудь свою озорную и неразумную меру, чтобы ускользнуть от викингов. Возможно, конечно, что он уже перебрался через реку в безопасную хижину Мрачного Ормсона, но стоило опасаться, что он попал в руки Клеркона Плосколицега.

Внезапно, когда Сигурд сидел в угрюмой задумчивости, дверь комнаты распахнулась, и в нее ворвался Олаф. Он был странно взволнован. Волосы его были всклокочены, одежда порвана; большие голубые глаза сверкали гневом, а дыхание было тяжелым и неровным.

Сигурд вскочил со своего места. Он увидел, что случилось что-то нехорошее.

"Почему ты здесь?" - закричал он. "Почему ты не скрываешься? Разве я не предупреждал тебя, что, показавшись на глаза, ты подвергаешь себя опасности? Клеркон отвоевал тебя у меня, и в любой момент он может оказаться здесь, чтобы схватить тебя и унести!"

Олаф долго не отвечал. Он лишь нагнулся, поднял с пола горсть сухарей и принялся тихонько чистить лезвие своего топора, который держал под мышкой.

"Говори!" - закричал Сигурд, доведенный до гнева молчанием мальчика.

Наконец Олаф сказал ровным, мальчишеским голосом:

"Клеркон никогда не потребует меня от тебя, мой брат, ибо он мертв".

"Мертв?" - в тревоге повторил Сигурд.

"Да, - ответил Олаф, - я встретил его в воротах. Он пытался схватить меня. Я поднял свой топор и зарубил ему голову. Хорошо ты научил меня обращаться с топором, херсир Сигурд".

Пока он говорил, снаружи раздался громкий гул сердитых голосов. Это были голоса викингов, громко взывавших к крови того, кто убил их вождя.

Сигурд Эриксон, не говоря ни слова, пересек комнату и задвинул тяжелый засов на двери. Затем он повернулся к Олафу.

"Я хорошо понимаю, - сказал он, - что ты из рода короля Харальда. Так было и с твоими предками: бездумные, бесстрашные, безжалостные! И потому все мои наставления о тебе пропали даром! О, глупый мальчик! Подумать только, что ты, который мог бы стать королем всей Норвегии, в итоге оказался не более чем обычным убийцей!"

"Убийца?" - повторил Олаф. "Не так. Я поступил по справедливости. Клеркон был убийцей моего дорогого приемного отца. Он убил его жестоко и хладнокровно, и не иначе, как потому, что бедный Торальф был стар и немощен. Я не совершал убийства. Я просто справедливо и законно отомстил".

"Справедливой и законной она может быть в нашем родном краю, Олаф, - серьезно ответил Сигурд, - но в королевстве, где мы теперь живем, мир свят, и закон предписывает, что тот, кто убьет другого в гневе, сам лишится жизни. Я не могу спасти тебя. Ты нарушил мир; ты лишил

жизни одного из гостей короля и оскорбил его гостеприимство. Я боюсь, что ты должен умереть".

Он прервался, прислушиваясь к яростным крикам толпы снаружи. "Харк!" - продолжал он. "Эти дикие морские волки взывают к кровной мести. Идемте! Идемте со мной скорее. Остается только одна надежда, и в этой надежде - мое собственное отчаяние и моя гибель".

И вот, пока народ требовал от молодого нарушителя мира жизни, Сигурд провел Олафа через заднюю часть дома и через множество потайных ходов в королевский чертог. Здесь, в большом зале, великолепно украшенном резным деревом и увешанном гобеленами, сидела королева Аллоджия, а две ее подручные работали иглами над прекрасным халатом из вышитого шелка.

Сигурд миновал вооруженного часового у дверей и вошел в дом, за ним следовал мальчик. Королева удивленно подняла глаза на неожиданных гостей.

"Я прошу тебя о помощи, о королева", - взволнованно вскричал управляющий.

Королева в тревоге встала. Она услышала шум голосов, доносившийся извне.

"Что означают эти крики?" - спросила она.

Тогда Сигурд рассказал ей, как Олаф убил викинга, и умолял ее помочь мальчику выбраться из беды.

"Увы!" - сказала она, выслушав рассказ. "Мало сил у меня, чтобы вмешиваться в такие дела. За убийство полагается смерть, и я не могу препятствовать закону". Она посмотрела на Олафа и увидела мольбу в его глазах. "И все же, - добавила она с внезапной жалостью, - такой красивый мальчик не должен быть убит. Я спасу его, если смогу".

Затем она велела Сигурду позвать своих телохранителей, полностью вооруженных для защиты юноши, а сама вышла в покои короля и умоляла Вальдемара не допустить пролития крови.

К этому времени разъяренные викинги и многие горожане пробрались на внешний двор и бросились вперед, чтобы, согласно своим обычаям и законам, потребовать жизнь преступника. Долго ждали они, шумно стуча молотками в дубовые двери зала, где, как стало известно, укрылся Олаф. Но наконец дверь распахнулась, и на пороге появился король Вальдемар, охраняемый множеством вооруженных людей. Толпа отступила, оставив только вождя викингов, который мог говорить от их имени и взывать к справедливости. Он рассказал королю, как на Клеркона, стоявшего в воротах, напал молодой Оле с золотыми волосами, и как без слов и предупреждения юноша внезапно поднял топор и вогнал его в голову Клеркона, так что лезвие уперлось ему прямо в мозг.

Тогда король заявил, что не может поверить, чтобы у такого юного мальчика, как Оле, хватило умения или смелости напасть на столь могущественного человека, как Клеркон Плосколицый. Но викинг повернулся и позвал нескольких своих товарищей по кораблю, чтобы они принесли мертвое тело своего вождя, которое и положили перед королем. Вальдемар взглянул на него и осмотрел смертельную рану. Череп был раздроблен одним чистым ударом от макушки до рыжего бородатого подбородка.

"Удивительно сильный удар!" - пробормотал Вальдемар. "Но я вижу, что удар был нанесен спереди. Как же получилось, что Клеркон не смог защититься?"

"У него было мало времени для этого, - ответил викинг, - потому что парень налетел на него с быстротой орлиного взмаха, и хотя мой господин был хорошо вооружен, он не успел поднять меч, как тот упал замертво у наших ног, а затем Оле повернулся и побежал с такой скоростью, что никто не мог его преследовать".

"Такой поступок, - сказал король, - не мог быть беспричинным. Какая причина вражды была между этим мальчиком и Клерконом?"

"Никакой причины, кроме беспричинной злобы", - ответил воин. "Это было убийство без причины, и мы требуем полного и законного наказания".

"Справедливость восторжествует", - ответил король. "Но сначала я должен узнать, что нарушитель мира может сказать в свою защиту. Поэтому я прошу вас соблюдать перемирие до восхода солнца, когда будет вынесено решение о наказании".

Услышав это обещание, толпа мирно разошлась. Многие роптали, что смертный приговор не был вынесен немедленно. Но король Вальдемар, откладывая это дело, лишь уступил мольбам королевы, которая умоляла его сохранить жизнь красивому молодому убийце или хотя бы уберечь его от ярости викингов.

Когда толпа ушла со двора, Аллоджия вернулась в зал, где под охраной стражников находились управляющий и Олаф. Отпустив людей, она обратилась к Сигурду Эриксону.

"Ты просил меня спасти жизнь мальчику, херсир, - сказала она, - но, увы, я не могу этого сделать. Все, что сделает король, - это даст отсрочку на несколько часов. На рассвете закон вступит в свои права, и я очень боюсь, что они приведут к смерти".

Олаф выслушал ее слова, но не выказал никакого страха перед ожидаемым наказанием. Казалось, он вдруг стал тверд душой и бесстрашен, словно считал, что убийство человека - это повод для гордости. Разумеется, в своем сознании он не рассматривал лишение Клеркона жизни как акт вины, заслуживающий наказания. Он вспомнил, что видел на корабле викингов много лет назад. Старик Торальф выпал на долю Клеркона при разделе добычи. Торальф держал за руку маленького Олафа, когда они стояли порознь на палубе корабля, а Клеркон подошел к ним и грубо разнял их, отшвырнув Олафа в сторону, где стоял юный Торгильс. Затем, сорвав с Торальфа плащ, викинг сказал: "Мало пользы от старой беззубой гончей, но его плоть может послужить пищей рыбам"; и, выхватив меч, он нанес пожилому человеку смертельный удар и опрокинул его в море. Так Олаф и Торгильс поклялись отомстить этому викингу, и теперь Олаф исполнил свою клятву.

Королева приблизилась к Олафу и с нежностью посмотрела на него. "Очень жаль, - сказала она, - что такой прекрасный человек обречен умереть, не достигнув зрелости. Возможно, при хорошем обучении он станет очень известным воином, и я бы с радостью приняла его на службу королю".

Она прервалась и повернулась к Сигурду. "Херсир Сигурд, - сказала она, пристально вглядываясь в лицо управляющего, - я много раз замечала, что вы проявляете к этому мальчику более чем обычный интерес. Даже сейчас, когда он нарушил закон страны, именно вы беретесь отстаивать его интересы. Наверняка у вас есть веские причины уберечь его от беды. Чей он сын? Из какого он рода? Было бы правильно, если бы я знал это".

Сигурд не согласился, вспомнив, что по закону страны ни один человек, рожденный королем, не должен жить в Гардарике, кроме как с разрешения короля. Он подумал, что ему самому будет очень плохо, если станет известно о королевском происхождении Олафа.

"Госпожа, я не могу вам сказать", - пробормотал он.

"Тогда ты бы предпочел, чтобы мальчик умер?" - спросила она с гневом в голосе.

"Не так, - ответил Сигурд, поднимаясь во весь рост. "Если мальчик будет приговорен к смерти, то я предложу принять наказание вместо него".

Королева молча посмотрела на него.

"Если это так, - сказала она, - то жертва твоей собственной жизни может быть воспринята только как свидетельство того, что ты считаешь мальчика более ценным для мира, чем себя". Она сделала небольшую паузу, а затем добавила: "Я твоя королева, Херсир Сигурд, и я повелеваю тебе сказать мне то, о чем я прошу. Как на самом деле зовут мальчика и каково его происхождение?"

Она подошла к большому камину и, усевшись в одно из больших дубовых кресел, подала знак Сигурду и Олафу подойти к ней. Затем, взяв в руки конец шелкового халата, над которым она до этого работала, она вдела нитку в иглоку.

"Я готова", - сказала она.

И Сигурд, видя, что выхода из затруднительного положения нет, и надеясь, что раскрытие его тайны все-таки принесет пользу Олафу, повиновался приказу королевы, рассказав историю королей Норвегии и показав, что этот юноша, Олаф, убивший Клеркона, происходил по прямой линии от великого короля Харальда Фейрхейра.

ГЛАВА V: ИСТОРИЯ О НОРВЕЖСКИХ КОРОЛЯХ.

"В давние времена, - начал Сигурд, сидя рядом с Олафом на скамье напротив королевы Аллоджии, - на юге Норвегии царствовал молодой король по имени Хальфдан Смуглый. Его королевство было невелико, ибо в те времена страна была разделена на множество областей, каждая из которых имела своего независимого короля. Но, воюя и заключая удачные браки, Хальфдан вскоре увеличил владения, которые оставил ему отец, и стал самым могущественным королем во всей стране. Его жену звали королева Рагнхильд, она была очень красива, и у них родился сын, которого они называли Харальдом.

"Этот Харальд рос очень красивым мальчиком, высоким и сильным, и обладал большим умом. Он увлекался мужественными видами спорта, и его мастерство и красота привели его в восторг и восхищение всех мужчин северных земель. Когда Харальд был еще юношей десяти зим, его отец однажды переходил по льду Рандсфьорд, но лед под ним проломился, и он утонул, а королевство перешло к его сыну. Тогда короли, которых покори́л Хальфдан Смуглый, задумались о том, как вернуть утраченные земли, и начали войну против молодого короля. Много было битв, но Харальд всегда побеждал. Вместо того чтобы уступать врагам, он вскоре расширил свои владения, пока они не простирались на север до Оркадале. И тогда он был доволен".

Тут Сигурд поднял глаза и посмотрел на Аллогию, молча работавшую иглой.

"Это долгая история, госпожа, - сказал он, - и, возможно, она не нова для тебя".

"Расскажи ее до конца", - ответила королева.

"В то время в Вальдерсе жила девица по имени Гида, - продолжал Сигурд. "Она была дочерью короля Эйрика из Хордаланда, и король Харальд, услышав, что она очень справедлива и высокого мнения, хотел бы получить ее в жены. И он послал к ней гонцов, прося ее вступить с ним в брак. Дева была горда и прекрасна, и когда она получила это послание, то ответила так: "Скажи моему господину, - сказала она, - что я не отдам себя в жены королю, который владеет не более чем несколькими графствами". Мне кажется удивительным, что нет короля, который мог бы сделать всю Норвегию своей собственностью и быть ее единственным властелином, как король Эрик в Швеции и король Горм в Дании. Передай это послание королю Харальду и скажи ему, что я обещаю стать его венчанной женой только при условии, что он ради меня отдаст под его власть всю Норвегию. Ибо только тогда он может считаться королем народа".

"Эти слова Гида были должным образом отнесены королю, и они пробудили в его уме мысль, которая никогда прежде не приходила ему в голову, и он сказал в присутствии многих людей: "Эту клятву я даю сейчас торжественно и клянусь перед Богом, который создал меня и управляет всем сущим, что никогда больше не буду стричь свои волосы и расчесывать их до того дня, когда я завоюю всю Норвегию и стану единственным правителем северян. А если я не выполню свою клятву, то умру в попытке".

"Это говорит настоящий король!" - перебил Аллоджиа. "Надеюсь, ради гордой девы, что ему не потребовалось много времени, чтобы исполнить свою клятву".

"Ему потребовалось десять долгих лет", - ответил Сигурд. "Он двинулся на север с огромным войском и завоевал Оркадейл, Тронделаг, Наумдейл и всю страну вокруг Трандхейма, сделав себя властелином всех старых королей, которые впоследствии стали его графами и вассалами. Тех, кто не хотел покоряться, он убивал или калечил. Он издал новые законы, отобрал у крестьян их одадь и объявил всю землю собственностью короля. Многие завоеванные народы восстали против его правления и строгих феодальных законов, и некоторые провинции пришлось завоевывать дважды. Но с каждым годом он приближался к своей цели, а те, кто выступал против него, лишь навлекали на себя гибель.

"Наконец старые короли, уязвленные своим подчинением, объединились в группы, решив отстоять свои древние права в битве. Они собрали большой военный флот и встретили завоевателя в Хафрсфьорде. В последовавшей за этим морской битве многие из храбрейших воинов Харальда были убиты; со всех сторон на них сыпались копья и камни; воздух был наполнен летящими стрелами, как зимним градом. Но берсерки короля в конце концов совладали со своей яростью и выиграли для своего господина величайшую битву, которая когда-либо происходила в Норвегии. Так, после десятилетней борьбы, Харальд исполнил свою клятву.

"На пиру, который последовал за этой битвой, его волосы были острижены и расчесаны. Раньше люди называли его Харальдом Ударная Голова; теперь же они дивились его новой красоте и нарекли его Харальдом Фэйрхайром. Затем, сделав то, что задумал, он женился на Гиде и жил с ней до самой ее смерти.

"С того дня, - продолжал Сигурд, - Харальд Фэйрхейр правил очень сурово, и так сурово облагал он свой народ, что многие из знатных и гордых родов стали недовольны и сразу же покинули Норвегию и отправились искать новые дома за морем. Многие остались скитаться по водам в качестве викингов; другие поплыли на запад к Фарерским островам, третьи обосновались на Шетландских и Оркнейских островах, а четвертые отправились далеко на север, в Исландию - страну столь богатую, что, как я слышал, с каждой травинки капает

масло. Но Харальд преследовал этих авантюристов, которые таким образом пытались вырваться из-под его власти, и в результате подчинил себе все эти острова".

На этом месте повествования стюарда королева нетерпеливо дернулась и сказала:

"Все это, может быть, и хорошо, херсир Сигурд. Но я не понимаю, как эта история может повлиять на рассказ о мальчике Оле".

"Вы увидите это очень скоро", - ответил Сигурд. "Но если ты так хочешь, я расскажу вкратце".

"Нет, рассказывай по-своему, - сказала королева, - ибо мое время не имеет значения".

"Итак, ты должна знать, - продолжал Сигурд, - что у короля Харальда Фэйрхайра было много жен, помимо Гвиды. И как много у него было жен, так много у него было и сыновей. Эти сыновья, когда вырастали до зрелого возраста, становились для него серьезной проблемой. Они ревновали друг друга и постоянно ссорились между собой. Главной причиной их разногласий была горькая ревность к Эрику, сыну, которого Харальд любил больше всех остальных.

"Когда Эрик был еще совсем мальчишкой - не старше юного Оле, - отец отдал ему под командование пять больших военных кораблей, и с дружиной, состоящей из выносливых воинов, юноша отправился в плавание вдоль побережья, преследуя и грабя, сражаясь и убивая везде, где ему попадались корабли менее сильные, чем его собственный. Он стал ужасом для всех мирных людей, а за свои убийственные деяния на море и на суше получил имя Эрик Бладэкс.

"Именно глупая любовь к этому дикому сыну привела Харальда Фэрхейра к поступку, который свел на нет все великие труды его жизни. Ему удалось объединить всю Норвегию в единый народ, и это было хорошо. Но теперь его не устраивало ничего, кроме того, чтобы вновь разделить свое великое королевство на множество провинций. Поэтому он сделал всех своих сыновей королями и отдал каждому свою часть страны с условием, что после его собственной смерти все они признают Эйрика Бладэкса своим владыкой.

"Но не успел этот неразумный план быть принятым, как сыновья начали ссориться еще сильнее, чем прежде. Среди них был только один сын, который был достаточно мудр, чтобы наслаждаться своей долей в довольстве и сохранять мир. Это был Олаф, сын королевы Сванхильд. Ему король Харальд отдал страну Викен на юге Норвегии. Олаф был отцом Тригви и дедом мальчика, который сейчас перед тобой".

Взгляд Аллогии остановился на юном Олафе, который непринужденно сидел перед ней, откинувшись на спинку скамьи, а его пальцы безучастно играли с длинными золотыми локонами.

"Воистину я догадывалась, - сказала она, - что в этом мальчике течет королевская кровь. Такие шелковистые волосы, такая чистая нежная кожа и прекрасные голубые глаза не могли быть у низкого происхождения. И теперь я верю, что именно его имела в виду мать короля, когда на юлечном пиру говорила о ребенке, которому суждено воспитываться здесь, в Хольмгарде, и который вырастет знаменитым принцем". При этих словах она мягко улыбнулась мальчику. "А теперь, херсир, - добавила она, - мы послушаем продолжение твоей саги".

Сигурд поднялся со скамьи и начал медленно расхаживать взад-вперед, сцепив руки за спиной.

"Из всех сыновей короля Харальда, - сказал он, - Эйрик Бладэкс был тем, кто имел больше всего амбиций и больше всех боролся за то, чтобы добиться поклонения от своих братьев. В своих стремлениях он не гнушался поступать несправедливо. Он опускался до вероломства и даже до убийства. Сначала он убил своего брата, Рагнвальда Хриплую Кость, потому что тот, как говорили, был колдуном. Затем он убил своего брата Бьёрна, потому что тот отказался платить ему дань и уважение. Никто из сыновей Харальда не мог быть в безопасности, пока Эрику позволяли брать закон в свои руки, поэтому двое других братьев попытались лишить Эрика жизни, поджегши фермерский дом, в котором он пировал. Но Эрик бежал с четырьмя людьми, заручился защитой отца, и на некоторое время воцарился мир.

"У короля Харальда Фэйрхайра был сын по имени Хакон, дитя его старости, и этот сын стал в последующие годы очень великим человеком в стране, и его называли Хаконем Добрым.

"Короля Англии в те дни звали Ательстейн Победоносный, и рассказывают, что в один из дней Ательстейн, который очень завидовал могуществу Харальда Фэйрхайра, послал в Норвегию гонца с драгоценным мечом в подарок королю Харальду. Меч был отделан золотом по рукояти и украшен дорогими драгоценными камнями, а клинок хорошо закален. И отправился гонец в Ладе, что в Трандхейме, где жил Харальд, и сказал ему: "Вот меч, который посылает тебе король Англии, и велит тебе взять его с собой". И король взял его в руки. Тогда сказал гонец: "Ты взял меч, как того желал наш король, и ты теперь его меченосец и вассал".

"Харальд был разгневан тем, что его обманули, и задумался, как ему отплатить королю Ательстану, и на следующий год он сел на корабль и отправил своего юного сына Хакона в Англию вместе с великим берсерком, или чемпионом, по имени Ястреб, и тридцатью воинами. Они нашли короля в городе Лондоне и, во всеоружии, вошли в его пиршественный зал, где он сидел. Ястреб взял ребенка Хакона и положил его на колено короля Ательстейна, сказав: "Король Норвегии велит тебе взять на воспитание этого своего ребенка".

"Ательстейн очень разгневался, схватил свой меч, лежавший рядом с ним, и выхватил его, словно хотел зарубить отрока. Тогда Ястреб сказал: "Ты положил ребенка себе на колено и можешь убить его, если захочешь, но не таким образом ты покончишь со всеми сыновьями короля Харальда Фэрхейра".

"Так король Норвегии отплатил королю Англии его же монетой, ибо люди всегда считают воспитателя менее знатным, чем тот, чьего ребенка он воспитывает. Однако король Ательстейн оставил мальчика у себя и хорошо воспитал его. Впоследствии он относился к юному Хакону с большой добротой, учил его хорошим манерам и всяческим доблестям и в конце концов полюбил его больше, чем любого из своих сородичей. В Англии Хакон отказался от веры в скандинавских богов и стал поклоняться Белому Христу, ибо в той стране все люди - христиане, а Тор и Один не имеют власти.

"Пока Хакон был в Англии, его старший брат, Эрик Бладэкс, на кораблях викингов объездил многие земли - Шотландию, Уэльс, Ирландию, Нормандию и север Финляндии. И в Финляндии он нашел женщину, подобной которой не встречал за все время своих скитаний. Ее звали Гуннхильд, и она научилась у финнов всем видам колдовства и чародейства. Эрик сочетался браком с этой женщиной, и впоследствии случилось так, что она принесла в Норвегию больше зла, чем даже сам Эрик. Она была его злым гением, подстрекавшим его к вероломству и насилию, из-за которых он стал ненавистен всем людям.

"Рада была Гуннхильд, когда Харальд Прекрасноволосый, умудренный годами, заявил, что больше не в силах нести бремя правления. Так он и поступил, когда ему было уже

восемьдесят лет. Он привел своего сына Эйрика на королевский престол и посадил его там королем, так что Гуннхильд стала королевой и могла творить зло по своему усмотрению.

"Через три года после этого Харальд Фейрхейр умер в своей постели, процарствовав над Норвегией семьдесят три года."

Сигурд сделал паузу в своем повествовании и сел рядом с Олафом. Он чувствовал, что интерес королевы к его племяннику теперь надежно защищен, и это сулило Олафу хорошее будущее. Аллоджия отложила иглу и кивнула стюарду, словно приказывая ему продолжать сагу. Сигурд откинулся на спинку кресла, скрестил ноги и продолжил.

"Король Эрик теперь властвовал над большей частью Норвегии, - сказал он. "Но были два его брата, которые не уступили ему и мирно правили в тех королевствах, которые им отвел отец. Олаф - сын короля Харальда и королевы Сванхильд - был государем в Викене, а его брат Хальфдан подобным образом правил в Трандхейме. Эрик был полностью недоволен тем, что не мог по праву называть себя властелином всей Норвегии. Но поскольку он не мог стать королем только благодаря своей благосклонности, он решил стать им другим путем. Через две зимы после воцарения Эрика его брат Хальфдан умер внезапной и мучительной смертью на пиру в Трандхейме. Рассказывают, что он был хитроумно отравлен королевой Гуннхильд. Эрик сразу же предъявил права на королевство своего умершего брата, но жители Трандхейма не захотели его принимать; они выступили против него и взяли себе в короли другого брата, Сигрода. Чтобы защититься от властного брата, Сигрод и Олаф объединили свои силы. Но Эрик напал на них врасплох с большим войском в Тунсберге и одержал победу. Оба Олафа и Сигрод, чемпионы в битве, были убиты. Однако сын Олафа, Тригви, спасся и бежал на Возвышенность, где оставался до тех пор, пока Эйрик Бладэкс был хозяином в этой стране. Тригви был самым крупным и сильным из мужчин, а лицо - самым красивым из всех, кого когда-либо видели."

"Эрик Бладэкс убил четырех своих братьев и стал причиной смерти пятого. Он сделал себя королем всей Норвегии, как и его отец. Однако народ сильно недолюбливал его, он постоянно пытался сместить его и поставить вместо него Тригви Олафсона. Тогда королева Гуннхильд поклялась, что если Эрик не сделает свое правление непреложным, то она, по крайней мере, не успокоится, пока не истребит весь род Харальда Фейрхейра за пределами линии ее мужа".

Тут заговорил Олаф, наклонившись вперед и вглядываясь в лицо Сигурда.

"Я думаю, - сказал он, - что если бы я был на месте своего отца, то избавил бы землю от такого убийственного предателя, как Эйрик Бладэкс".

"Твой отец был миролюбив, - ответил Сигурд, - хотя, действительно, во всей земле в то время не было более великолепного воина, чем он. Но были и другие причины. Первая заключалась в том, что Тригви был доволен тем местом, где он жил, - на Возвышенности, ибо там он стал другом великого ярла, владевшего самыми плодородными землями в Офрестеде, и завоевал любовь дочери ярла, Астрид, самой прекрасной девы во всей Норвегии. Он женился на ней, и они были очень счастливы вместе и свободны от всех государственных и военных забот. "Это мне хорошо известно, - добавил Сигурд, обращаясь к Аллогию, - ибо королева Астрид была моей родной сестрой, а ярл Эйрик из Офрестеда - моим родным отцом".

"Тогда, - сказала королева Аллоджия, - должно быть, Астрид была матерью того мальчика, за которого ты сейчас ратуешь; и в таком случае ты сам должен быть дядей нашего юного Оле?"

"Именно так", - ответил Сигурд. "А теперь я должен назвать вторую причину, по которой Тригви не пытался добиться смерти короля Эйрика. Дело в том, что королева Гуннхильд уже стремилась исполнить свою клятву и пыталась с помощью своего злого колдовства добиться смерти юного Тригви. Тогда Тригви оставил Астрид на попечение ее отца и отправился на войну в качестве викинга. Он плыл по морю на запад, в Шотландию, и там изводил берега, а затем к Оркнейским островам, где у него было много битв с викингами с этих островов. Так что когда люди искали его, желая сделать своим королем, его не могли найти.

"А тем временем появился другой, кто по праву претендовал на трон. Хакон, приемный сын Ательстейна, вернулся из Англии, узнав о смерти короля Харальда. Теперь он был уже взрослым мужчиной и доблестным воином. Когда он высадился в Тронделаге, люди встретили его с великим ликованием и объявили, что старый Харальд Фэйрхейр снова вернулся, более мягкий и великодушный, чем прежде, но не менее могучий и прекрасный. Они провозгласили его своим королем и называли Хаконем Добрым, и он правил в Норвегии много лет, не желая зла своему племяннику Тригви Олафсону, но утвердил его королем в Викене.

"Когда Хакон Добрый вернулся, это был плохой день для его старшего брата Эйрика Бладдакса, ибо народ так разгневался на него, что он не мог найти покоя. Сначала он пытался собрать войско, но никто не хотел служить ему, и он был вынужден бежать из страны с женой и детьми и несколькими слабыми последователями. После этого он сел на корабль и стал скитаться как викинг. Он отправился на запад, к Оркнейским островам, и привлек к себе многих викингов, а затем отплыл на юг и изводил все северные районы Англии. Он так сильно беспокоил английский народ, что в конце концов король Ательстейн, чтобы добиться мира, предложил Эрику владения в Нортумберленде при условии, что он станет вассалом короля и будет защищать эту часть королевства от датчан и других викингов. Эрик согласился, позволил окрестить себя и принял верный трот.

"Теперь Нортумбрия считается пятой частью Англии, и более выгодная сделка была на стороне Эрика. Он поселился в городе Йорке и хорошо охранял страну, потому что в прежние времена датчане и северяне часто устраивали там войны. Но очень скоро, подстрекаемый, возможно, королевой Гуннхильд, он захотел увеличить свое богатство и приумножить земли; и когда Ательстейн умер и король Эдмунд стал монархом Англии, Эрик Бладэкс зашел далеко в страну и силой изгнал людей из их домов. Он слишком рассчитывал на успех, ибо случилось так, что был еще один человек, который, как и он сам, был поставлен королем для охраны страны. Этот другой собрал войско и обрушился на Эрика. Произошло большое сражение, и многие англичане были убиты; но до конца дня Эрик лежал мертвым на поле, и это был последний его подвиг.

"Королева Гуннхильд больше не могла надеяться на мирное существование в Англии. Поместья ее мужа были конфискованы, и у нее не было дома. Поэтому она взяла своих детей и отплыла на восток, в Данию. Там ее хорошо принял датский король Харальд Синезубый. Но, несмотря на несчастье, ее амбиции не угасли, ведь у нее росло много сыновей, и она задумала сделать их всех королями Норвегии. Сыновья эти, как вы, наверное, догадываетесь, не питали особой любви к Хакону Доброму, который лишил их наследства. Старшие из них некоторое время скитались как викинги и уже были искусны в военном деле, поэтому Гуннхильд сумела раздобыть для них корабли и последователей и отправила их в Викин, ту часть Норвегии, где, как я уже говорил, правил король Тригви Олафсон. У них было много битв с Тригви, но они не смогли его покорить. Но наконец король Хакон пришел на помощь своему племяннику и вместе с ним преследовал сыновей Гуннхильд в Дании.

"Это нападение на датские земли привело к войне между королями Дании и Норвегии, и в битве при Сотонесе Тригви Олафсон потерпел поражение. Он был вынужден бросить свои корабли и спастись бегством. В более поздней битве был убит Хакон Добрый. Говорят, что Гуннхильд заколдовала стрелу, которой он был убит.

"Хакон никогда не старался сделать свой народ христианами и сам вернулся к поклонению Тору и Одину. Один из его друзей, когда он умирал, предложил перевезти его тело в Англию, чтобы похоронить его на христианской земле, но Хакон ответил: "Я недостойн этого. Я жил как язычник, и потому подобает мне быть похороненным как язычник".

На этом месте повествования Сигурда королева Аллоджия тяжело вздохнула, как будто думала, что этой истории не будет конца.

"Твой голос устает, херсир, - сказала она, - и, возможно, ты захочешь оставить продолжение саги на другой раз!"

"Осталось совсем немного", - ответил Сигурд, глядя на нее тревожными глазами. "И поскольку то, что осталось, - более важная часть, я прошу тебя дослушать ее до конца".

Королева согласилась, и Сигурд продолжил свой рассказ:

"Сыновья Гуннхильд не теряли времени, - сказал он, - чтобы отвоевать королевство своих отцов; но они могли спокойно владеть только средней частью Норвегии. Чтобы овладеть всей страной, им нужно было сломить власть Тригви Олафсона и Гудрода Биорнсона, внуков Харальда Фэйрхайра, которые правили как независимые короли. Сделать это в открытой войне было непросто. Гуннхильд, которая теперь принуждала своих сыновей к действиям, как раньше принуждала Эйрика Бладдакса, нашла более легкое средство - предательство; она заставила одного из сыновей притвориться враждебным к своим братьям и проявить дружбу к Тригви Олафсону. Этот сын пригласил короля Тригви отправиться с ним в плавание. Тригви уступил желанию своего лжедруга и, добравшись до места встречи, был зверски убит вместе со всеми своими людьми. Его двоюродный брат, король Гудрод Биорнсон, примерно в это же время был застигнут врасплох на пиру Харальдом Грейфеллом и убит после отчаянной схватки.

"Так сыновья Гуннхильд расчистили себе путь. Таким образом, злая королева исполнила клятву, которую она дала много лет назад, - истребить весь род Харальда Фэйрхайра вне линии ее мужа".

"Но, - добавил Сигурд глубоким и торжественным голосом, - цветок, растоптанный ногами, все же может оставить после себя семя, чтобы в свое время расцвести". Род короля Харальда еще не погиб, и королева Гуннхильд вскоре узнала, что в Норвегии есть женщина, чья истинная любовь и верность лучше всех коварств и предательств, которые только может придумать ревность. Вдова Тригви Олафсона, королева Астрид, услышав вест о его убийстве, догадалась, что Гуннхильд будет преследовать ее, и бежала из Викена на север, к Возвышенности, взяв с собой двух маленьких дочерей, Ингибьорг и Астрид, и все имущество, которое могла иметь при себе. С ней был ее приемный отец, Торальф Лусаскегг по имени, и его юный сын Торгильс. Торальф никогда не покидал ее, но всегда преданно охранял, а другие ее надежные люди ходили по окрестностям и выслеживали врагов.

"Вскоре Астрид услышала, что сыновья Гуннхильд преследуют ее с намерением убить, и она укрылась на маленьком острове посреди озера. Там, на острове, родился ее сын, и она окропила его водой и назвала Олафом, в честь отца его отца".

Сигурд сделал паузу и положил руку на плечо Олафа: "Это, - сказал он, - тот самый ребенок, Олаф Триггвисон, и он - единственный истинный цветок, родительским стеблем которого был король Харальд Фэйрхейр. Плохо будет для Норвегии, если за убийство викинга Клеркона он теперь лишится жизни. И я прошу тебя, о, королева! отнесись благосклонно к этому королевскому сыну, с которым так плохо обращаются, и договорись с королем Вальдемаром о нем, чтобы его жизнь была пощажена".

Тогда королева Аллогия ответила, глядя на юношу, что поступит так, как пожелал Сигурд.

"А теперь, - добавила она, - расскажи мне, как случилось, что мальчика привезли через море в Эстляндию".

И Сигурд рассказал, как королева Астрид отправилась дальше в горы, пока не пришла в поместье своего отца в Офрестеде; как, поселившись там, она была наконец обнаружена шпионами Гуннхильд и была вынуждена бежать, чтобы спасти юного Олафа от их убийственных рук. Ибо Гуннхильд уже узнала о рождении этого сына короля Тригви, и ничто не могло ее удовлетворить, кроме того, что он умрет, не успев вырасти до зрелого возраста, и таким образом оспорит с ее собственными сыновьями королевство, которое они теперь узурпировали.

Он рассказал, как королева Астрид, оставив двух дочерей в Офрестеде, отправилась на восток, в Швецию, и какие лишения она перенесла ради сына, и как, преследуемая врагами, она наконец нашла безопасное убежище у Хакона Гамле, друга своего отца.

"Но и здесь, - продолжал Сигурд, - вражда королевы Гуннхильд преследовала ее. На этот раз Гуннхильд пыталась добиться своего не мечом, а ласковыми словами. Она отправила послание через шведского короля с просьбой вернуть Олафа в Норвегию, чтобы он жил при ее дворе, учился и воспитывался, как подобает представителю столь высокого рода. Но Астрид прекрасно понимала, что в этом послании кроется фальшь, и отправила в Норвегию весточку о том, что ее мальчик не нуждается в такой помощи и что она сама позаботится о том, чтобы его хорошо воспитали и обучили.

"Я уже говорил вам, - сказал Сигурд, - что королева Астрид была моей родной сестрой. В то время, о котором я говорю, я уже был на службе у короля Вальдемара, и Астрид решила, что лучшее средство спастись от врагов и спасти своего сына - это приехать с Олафом в Хольмгард. Мальчику было тогда три зимы от роду, и он был совсем крепким. Поэтому Хакон Гамле набрал ей хорошую компанию людей, отвел ее к морскому побережью и отдал на попечение торговцев, чей корабль направлялся на восток.

"Но когда они вышли в море, на них напали викинги и забрали людей и деньги. Некоторых они убили, а некоторых разделили между собой в рабство. Тогда Олаф расстался со своей матерью, и капитан викингов, эстонец по имени Клеркон Плосколицый, взял его вместе с Торальфом и Торгильсом. Клеркон счел Торальфа слишком старым для раба и, не найдя в нем работы, зарубил его и выбросил за борт, а парней увел с собой и продал в рабство. Олаф и Торгильс поклялись в братстве, и в рукопожатии они дали клятву, что приведут этого викинга в рабство. Эту клятву Олаф выполнил в этот день, когда вогнал свой топор в голову Клеркона".

Сигурд поднялся со своего места и встал перед королевой.

"А теперь, - сказал он, - мой рассказ подошел к концу, и ты знаешь, из какого рода этот мальчик. Я прекрасно понимаю, о королева, что, взяв на воспитание сына короля, я нарушил закон этой страны. Я не прошу прощения для себя. Только для Олафа я прошу вашей

помощи. И если король Вальдемар приговорит его к смерти за его преступление, то я прошу лишить жизни меня, а не мальчика".

"Иди с мальчиком к себе домой", - ответила королева. "Никто не должен причинить вреда ни ему, ни тебе. Подождите в терпении до восхода солнца, и тогда вы узнаете, чем закончились мои мольбы к королю".

И, сказав это, она подала им знак покинуть зал.

ГЛАВА VI: ОБУЧЕНИЕ ОЛАФА.

Многое в этой истории, рассказанной Сигурдом, было для Олафа странно новым, и даже те части, с которыми он был знаком раньше, приобрели для него новый смысл. Он всегда знал о своем происхождении от короля Харальда Фэйрхайра, но только сейчас он полностью и ясно осознал, что после смерти отца и всех братьев отца он сам стал единственным наследником норвежского трона. Теперь он впервые осознал, что все это время, пока он жил бедным и жалким рабом в Эстляндии, он владел этим славным правом первородства.

Лежа в ту ночь на постели и обдумывая все услышанное, он пытался понять, что это должно означать для него в будущем, и по-мальчишески твердо решил, как, когда наступит подходящий момент, он переплывет море и, высадившись на берегах Норвегии, расскажет своему народу историю своего королевского рождения и наследия, чтобы они узнали его и признали своим королем, как они признали Хакона Доброго. Но во время сна к нему пришло воспоминание о преступлении, которое он только что совершил, и он начал бояться, что король Вальдемар может счесть его виновным и приказать его убить.

Всю долгую ночь этот страх преследовал его. Он убил ярла Клеркона, и чувство собственной вины теперь преследовало его, как страшный кошмар. Он гадал, каким способом они лишат его жизни. Отрубят ли они ему голову острым мечом или пустят стрелу в сердце, или будут медленно мучить его до смерти? Возможно, они сочтут его слишком юным, чтобы наказывать его лишением жизни; но если они пощадят его жизнь, он все равно будет наказан, ибо они бросят его в темную тюрьму, которую он когда-то видел под королевским замком, и там оставят томиться в цепях на долгие годы, так что силы покинут его, и он больше не сможет называться королем.

Олаф ни на миг не задумался о том, чтобы позволить своему дяде Сигурду понести наказание за свое преступление. Он знал, что Сигурд сделал не праздное предложение, когда сказал, что готов отдать свою жизнь ради него; но Сигурд был невиновен, и было бы трусостью позволить ему принести эту жертву. Олафу, в котором горели все его новорожденные надежды, было тяжело думать о смерти. Тем не менее еще до того, как прошла половина ночи, он решил принять любое наказание и, если понадобится, с мужественным сердцем встретить даже смерть.

Рано утром следующего дня он был разбужен от сна прикосновением грубых рук. Его собственные руки были схвачены, а на запястьях и лодыжках зазвенели тяжелые цепи. Затем его увели и бросили в темную камеру, холодную, сырую и безвоздушную. Ему не давали еды, и очень скоро голод сделал его диким и беспокойным. Его охватил внезапный страх, что они хотят уморить его голодом. Но недолго пробыл он в заточении, как вдруг тяжелая дверь снова отворилась, и его позвали вперед. Двое телохранителей короля ввели его в большой зал, где его встретил громкий шум голосов. Он бесстрашно смотрел на толпу горожан и викингов,

которые, как он теперь хорошо знал, собрались здесь, чтобы свидетельствовать против него и услышать его осуждение. Когда он стоял лицом к лицу с ними, викинги разразились яростными криками о скорой мести, и он почувствовал, как горячая кровь прилила к его щекам и лбу. Его ясные голубые глаза вспыхнули дерзким вызовом, когда один из моряков громко воскликнул:

"Смерть ему! Смерть убийце нашего вождя!" Тогда один из королевских законников потребовал тишины, и Олафа заставили повернуться лицом к высокому сиденью. Там сидел король Вальдемар в одежде правосудия, а перед ним на дубовом столе лежал его обнаженный меч. По правую сторону от него сидела королева Аллогия и пристально смотрела на молодого преступника.

Вскоре, когда воцарилась полная тишина, обвинитель Олафа вышел вперед и, сделав знак молотом Тора, заговорил вслух. Его звали Ранд Сильный, и викинги выбрали его своим вождем вместо погибшего ярла Клеркона. Он правдиво рассказал, как молодой пленник напал на Клеркона, и показал, что совершил он это преступление не подло и не исподтишка, а с такой смелостью, что никто не догадался, что происходит, пока не увидел, как Клеркон упал на землю с топором юноши, глубоко вонзившимся в его череп.

Тогда пришли другие, как горожане, так и приморцы, и заявили, что Ранд говорил правду. И вот, когда все, кто обвинял мальчика, высказались, Сигурду, королевскому стюарду, было велено встать и сказать все, что он знает, в пользу Олафа.

"Этот мальчик - мой собственный слуга, - сказал он, - и я купил его в качестве раба у одного йомена в Эстгонии. Я не знаю против него ничего дурного, и не в его характере совершать жестокие поступки без причины. Конечно, он поступил опрометчиво, убив этого викинга без должного предупреждения. Но ярл Клеркон был человеком, чье мастерство и доблесть сделали его хорошо известным на всех морях, где викинги любят сражаться, и я думаю, он мог бы легко защититься от этого ребенка, который, как вы слышали, напал на него лицом к лицу при полном дневном свете. Что же касается причины этого нападения, то она такова: около семи лет назад ярл Клеркон напал на некий торговый корабль, на борту которого находились мальчик Оле, его мать и приемный отец, и захватил его. Клеркон убил приемного отца мальчика, а мать и ее ребенка продал в рабство. Мальчик дал клятву отомстить, и теперь он ее выполнил. Итак, - продолжал Сигурд, повысив голос, чтобы все могли слышать, - ни один эстонский викинг не имеет права нападать на мирный торговый корабль; но Клеркон, несомненно, сделал это, и поэтому я считаю, что именно он был нападавшим. По этой причине, а также из-за его молодости, я прошу пощадить жизнь мальчика".

Пока Сигурд говорил, взгляд Олафа остановился на королеве. Он увидел, как она наклонилась и прошептала королю на ухо. Король кивнул, улыбнулся, дождался тишины, а затем коротко сказал:

"Мало кто сомневается в том, что преступник виновен. Он виновен и должен понести наказание за свое преступление. Но поскольку по годам он еще не более чем ребенок, наказанием будет не смерть, а уплата крупного штрафа. Поэтому он заплатит викингам, которых он обидел, двести золотых марок".

Олаф посчитал этот приговор очень суровым, так как у него не было денег, чтобы заплатить этот штраф. Но его жизнь была спасена, и это было очень важно. Возможно, Сигурд Эриксон, который, как он знал, был очень богат, поможет ему справиться с вагильдом.

Тем временем викинги собрались на совет. Они решили, что, поскольку смерть молодого убийцы не принесет им никакой выгоды, они примут штраф. Но что-то их все же беспокоило, и наконец Ранд Сильный предстал перед королем.

"Мы довольны твоим суждением, о царь, - сказал он, - и согласны, что, получив эти деньги, мы не станем больше досаждать мальчику из-за этого дела. Но нам сказали, что он всего лишь раб и что нет никакой надежды получить от него золото. Поэтому мы требуем, чтобы он умер смертью".

Олаф посмотрел на своего дядю, словно ожидая, что тот сразу же предложит заплатить за него золото. Но глаза Сигурда были устремлены на королеву Аллогию, которая медленно поднялась со своего места и подняла руку, чтобы заглушить громкий ропот голосов, наполнивший зал.

"Что касается этих денег, - сказала она, обращаясь к викингам чистым звонким голосом, - то вам нет нужды беспокоиться. Золото теперь будет выплачено вам сполна. Вот оно!" - крикнула она, бросая на стол мешочек с монетами. "А теперь ослабьте цепи мальчика! Ослабьте его цепи и освободите его".

Тогда надсмотрщики Олафа развязали его, и по знаку королевы он подошел к столу, взял мешочек с золотом и отнес его Ранду Сильному, который принял его с готовностью и велел мальчику больше не бояться.

В тот же день викинги уехали из Хольмгарда не слишком довольными, ибо уехали они гораздо богаче, чем приехали, и никто из них, казалось, ничуть не сожалел о потере своего вождя. Ярл Клеркон отправился в Валгаллу, говорили они, и он наверняка был счастливее их.

На следующий день после уплаты вагильда Олаф имел аудиенцию у королевы Аллогии, и он хорошо поблагодарил ее за великую дружбу, которую она ему оказала.

"Я мало заслуживаю вашей благодарности, принц Олаф, - сказала она. "То, что я сделала, - не больше того, что пожелала бы любая другая женщина сделать для своего собственного сына, если бы с ним так плохо обращались в чужой стране. А теперь, - добавила она, - поскольку я наконец узнала, какого ты великого рода, я хочу, чтобы тебя приняли здесь, как подобает твоему королевскому рождению, и чтобы ты получил образование, подобающее королевскому сыну. Ты еще слишком молод, чтобы носить оружие как воин. Поэтому пока что ты будешь прислуживать мне как мой паж, и к тебе будут относиться со всей добротой".

После этого Олафа Тригвисона стали принимать не как слугу, а как почетного придворного. Ему было двенадцать зим, когда он приехал в Хольмгард, и он пробыл на службе у короля Вальдемара еще пять зим. О его жизни в те годы можно рассказать немного. Это были годы подготовки к его великой работе в будущем; и хотя он многому научился и приобрел большую часть мастерства, которое должно было сделать его знаменитым среди людей, все же дни его проходили без приключений.

Один вопрос не давал ему покоя на протяжении многих долгих дней, и это была мысль о том, что его мать живет в рабстве. Он мало что помнил о тех ранних временах, когда она так много сделала ради него; тогда он был слишком мал, чтобы понять, на какие жертвы шла королева Астрид и какие лишения ей пришлось пережить. Но с возрастом он все чаще вспоминал о ней, и ему было очень больно сознавать, что даже сейчас, когда он живет в комфорте, хорошо питаясь и богато одеваясь, она, которой он столь многим обязан, возможно, трудится как кабатчица у какого-то жестокого хозяина.

Однажды летним утром он сидел в присутствии королевы и играл на маленькой арфе, подаренной ему Аллогией. И когда его ловкие пальцы касались дрожащих струн, он напевал песенку, рассказывая о том, как великана Локи в наказание за все зло, которое он причинил богам и людям, привязали крепкими веревками к стенам пещеры, а над ним подвесили змею, которая капала ядом ему на лицо капля за каплей; и как Сигин, его жена, пожалела его и сотни лет стояла рядом с ним, лоя капли в чашу, которую держала.

Внезапно в середине своей песни Олаф остановился. Королева оглянулась на него и увидела, что в его глазах стоят слезы.

"Почему ты плачешь?" - спросила она. "Разве ты не счастлив, Олаф?"

"Я счастлив только ради себя самого", - ответил он. "Это мысль о моей матери вызвала слезы на моих глазах. Я подумал, что то, что Сигин сделала для злого великана, было таким же добрым поступком, какой моя мать совершила бы для любого, кого она любила".

"Мне кажется удивительным, - сказала Аллоджия, - что мы никогда не узнаем, что стало с доброй королевой Астрид".

"Я думаю, - ответил Олаф, - что если я когда-нибудь отправлюсь в Эстляндию, то смогу получить о ней хоть какие-то вести. Последнее, что я слышал о ней, - это то, что ее продали богатому рыбаку по имени Халльстейн, который заставил ее чистить для него рыбу и чинить его сети".

"Жалкое занятие для королевы!" со вздохом сказала Аллоджия. "Но если у тебя есть надежда найти ее, то было бы хорошо, если бы ты отправился в путешествие, о котором говоришь. Сигурд Эриксон через три дня отправляется на север, в Эстляндию, по делам короля. Не поедешь ли ты с ним?"

"С радостью пойду с ним, - ответил Олаф, - если будет такая возможность".

Что ж, на третий день Олаф и Сигурд сели на коней и с хорошей компанией воинов отправились в путь по каменистым равнинам. Пять дней ехали они, пока не увидели синее море с его кораблями и тихими зелеными островами. Это зрелище вселило в дух Олафа беспокойную тоску. Казалось, ничто теперь не может удовлетворить его, кроме как выйти на простор океана и провести все дни в странствиях. Он так много рассказывал о кораблях и о жизни викингов, что, когда наконец пришло время возвращаться в Хольмгард, Сигурду Эриксону стоило большого труда увести мальчика с собой.

Пока Сигурд общался с людьми по делам короля, Олаф Триггвисон ходил из края в край в поисках вестей о королеве Астрид. Но ничего определенного ему узнать не удалось, ибо он не осмелился сказать, что женщина, которую он искал, была вдовой короля Тригви, а когда он рассказал о ее справедливости, те, кого он расспрашивал, лишь покачали головами. По их словам, они видели много красивых женщин, и как они могли сказать, что одна из них - та, которую сейчас ищет молодой герсир? Наконец Олаф добрался до дома рыбака Халльстейна и узнал, что Халльстейн утонул в море целых пять зим назад. Но Олаф рассказал о своей матери вдове рыбака, и та велела ему отправиться к некоему старшине по имени Эйнар Ульфссон, что живет на хуторе за холмами. Тогда Олаф сел на коня, поехал к этому человеку и расспросил его об Астрид. Эйнар вспомнил ее, ведь она была его кабальной девушкой два лета. Он продал ее, по его словам, чужеземцу, который взял ее на борт своего корабля и увез за море. Это был последний след его матери, который Олаф смог обнаружить, и он вернулся к Сигурду Эриксону и рассказал ему о том, что узнал. Сигурд очень огорчился, потому что любил свою сестру, и ему было больно думать, что она все еще в рабстве, когда, если бы ее

можно было найти, она могла бы жить в комфорте и счастье. Но он велел Олафу надеяться, "ибо, - сказал он, - я думаю, может быть, какой-нибудь дружелюбный человек купил ее и увез домой в Норвегию. А если это так, то мы скоро узнаем правду. Я пошлю гонцов в Офрестед, и мой отец, ярл Эрик, непременно найдет ее, если ее можно найти".

Когда Олаф вернулся в Хольмгард, он твердо решил, что не станет долго оставаться в этом чужом краю, а при первой же возможности отправится на запад за море, в страну своего рождения. Он видел корабли, проходящие вдоль скалистых берегов Эстляндии; он дышал свежим морским воздухом, и в нем пробудилась кровь викингов. Его дух наполнился стремлением стать командиром большого военного корабля и бороздить океан, как это делал его отец, посещать далекие земли и прославлять себя в боях. Но он прекрасно понимал, что для того, чтобы соответствовать жизни викинга, ему необходимо увеличить свою силу тела и приобрести еще большее мастерство, чем сейчас, в обращении со всеми видами боевого оружия. Поэтому он поставил перед собой задачу преуспеть в играх и упражнениях, которые тогда были известны и практиковались.

Дядя уже научил его читать руны, читать саги, играть на арфе, резать по дереву, натягивать тетиву, гнуть лук и пускать стрелы. Эти и многие другие искусства легко давались его активному уму и ловким пальцам. Все, что нужно знать человеку мира, он знал в совершенстве. Не забывал он и о религии своего времени. Каждый день он приходил в храм, чтобы поклониться языческим богам, принять участие в обрядах и церемониях своей веры и даже принести жертву Тору и Одину. Изображение Одина было для него, как и для большинства норманнов, священным и неприкосновенным. Когда он давал клятву, то клялся знаком молота Тора; он знал имена и особые силы всех богов Асгарда, а Валгалла была тем небом, куда он надеялся попасть после смерти.

Но не только эти искусства и эта религия помогли бы ему реализовать свои амбиции. Чтобы стать таким великим викингом, каким он мечтал стать, он должен был научиться пользоваться мечом, владеть боевым топором, метать копье и пускать стрелы с большим мастерством, чем может похвастаться любой другой человек. Он должен был научиться защищаться, а в случае ранения - переносить боль не дрогнув. Он был королевским сыном, и, чтобы быть достойным своего отца, ему следовало превосходить даже рослых мужчин, которые были хорошо испытаны в бою и никогда не знали, что такое поражение.

С этой целью Олаф пробыл в Хольмгарде еще три года, которые он потратил на то, чтобы окрепнуть. В соседних водах озера Ильмень он упражнялся в плавании, причем с таким успехом, что в конце концов смог оставаться под поверхностью в течение многих минут, ныряя с носа корабля и снова всплывая под его рулевым щитом. Он плавал так быстро и сильно, что ни один человек, гребущий в лодке, не мог с ним поравняться. Он мог оседлать самую дикую лошадь в королевской конюшне. В беге и прыжках его не мог превзойти ни один человек. В обращении с мечом он был настолько искусен, что мог владеть оружием любой рукой, и мог метнуть сразу два копья. Не было случая, чтобы он выпустил стрелу, не попав в цель. Пока световой день был в его распоряжении, он всегда мог совершить какой-нибудь мужественный подвиг.

Но не только тренировки помогали ему в этих делах. Природа наделила его очень красивым и мощным телосложением, хорошо сложенными конечностями, ясным быстрым зрением и удивительной силой, способной выдержать любую усталость. Кроме того, на протяжении всей своей жизни он не боялся никакой опасности и не робел перед врагом. Другие люди его рода снискали себе неувядаемую славу, но Олаф Триггвисон всегда считался самым

красивым, самым высоким и самым сильным из всех героев Скандинавии, а по доблести превосходил всех воинов, о которых рассказывается в сагах.

ГЛАВА VII: КАПИТАН ВОЙСКА.

Случилось так, что, когда Олаф пробыл на службе у королевы около четырех лет, Сигурд Эриксон отправился в дальние края королевских владений, чтобы взимать с людей ежегодные налоги, и среди тех, кто отправился с ним в путь, были Торгильс Торальфсон и молодой Эгберт Английский. Эти двое, благодаря благосклонности Олафа к королю Вальдемару, были освобождены от рабства и тяжелого труда, и Сигурд взял их к себе на службу в качестве воинов-оруженосцев. Храбрыми и красивыми выглядели они, сидя на своих колесницах, с мечами наперевес, и солнце освещало их шлемы и кольчужные плащи из бронзы. Олаф смотрел на них восхищенными глазами, пока они ехали через город, и мечтал оказаться в их компании. Но их путешествие было мирным, и только их воинское снаряжение вызвало у него на мгновение зависть.

Ожидалось, что Сигурд будет отсутствовать не более двух недель, но время шло, недели переходили в месяцы, а он все не возвращался.

В один из дней Олаф находился за воротами и тренировал пару молодых гончих. Наблюдая за тем, как одна из собак бежит за зайцем, которого она завела, он заметил вдалеке всадника, быстро скачущего по равнине, почти скрытого в облаке пыли. Он приближался все ближе и ближе, пока наконец Олаф не разглядел его лицо и не узнал в нем своего юного друга Эгберта. Оставив собак на попечение двух слуг короля, которые присматривали за ним, он быстрым шагом направился навстречу всаднику.

"Что привело тебя одного, Эгберт?" - крикнул он, подъезжая к нему.

Эгберт натянул поводья. Одежда его была изорвана и запылена, шлем и меч он потерял, а лицо было так измождено и испачкано в дороге, что его едва можно было узнать.

"Я принес дурные вести, - ответил он, - и спешу с ними к королю Вальдемару. Вот уже пять дней, как я расстался со своими товарищами. Все они в плену - херсир Сигурд, Торгильс Торальфсон и остальные - и только я один спасся".

Олаф повернулся и, взяв в руку ремень стремени Эгберта, рысью направился к лошади.

"Семь дней назад, - продолжал Эгберт, - мы переправились на одном из королевских кораблей на остров, который лежит к западу от Эстляндии. Даго - так называется этот остров.

"Сигурд высадился на берег, намереваясь собрать с народа налоги и дань. Но не успел он сойти на берег, как люди заявили ему, что они больше не подданные короля Вальдемара, а нового короля, которого они выбрали сами. Сигурд оспорил их право самим избирать нового короля и попросил показать ему этого человека и узнать имя того, кто осмелился выступить против Вальдемара. Тогда в толпе поднялась суматоха, и один вышел вперед и воскликнул: "Я король, и имя мое - Ранд Сильный!" И все мы знали, что это тот самый викинг, который четыре лета назад был здесь, в Хольмгарде, в обозе Яна Клеркона. Сигурду стало не по себе, когда он увидел огромную толпу островитян, собравшуюся здесь, но он заговорил смело и сказал им, что они - стая мятежников, и что король Вальдемар быстро докажет им, что не потерпит вмешательства этого зазнавшегося морского скитальца. Тогда Ранд выхватил меч и призвал своих людей отстаивать свои права и прогнать этих нарушителей от своих берегов. Произошла короткая схватка, в которой я не знаю, сколько человек было убито или ранено, и

в конце концов островитяне одержали победу. Сигурд храбро сражался, пока его не обезоружили и не взяли в плен. Торгильтс и еще пятеро наших людей были уведены с ним. Наш корабль тоже был захвачен. Темнота наступила еще до окончания боя, и под покровом ночи я прокрался к берегу и зашел в море. При свете звезд я сориентировался и поплыл на восток, к материку. Всю ночь я плыл все дальше и дальше. Взошло солнце, а земля все еще была далеко. Но в полдень я выбрался на берег. На одной из ферм я раздобыл еду и лошадь, и вот уже два дня я путешествую без отдыха".

"Ты поступил замечательно", - воскликнул Олаф. "И я завидую твоему приключению".

"У меня мало поводов для зависти", - ответил Эгберт. "Мои конечности так измождены, что я едва могу сидеть прямо на спине своего коня, а он, бедная тупая скотина, так измучен ветром, что от него мало проку. Что касается приключений, то их у вас теперь будет в избытке, если только король согласится, чтобы вы были одним из тех, кто должен отправиться на помощь нашим товарищам. Ты молод и не имел опыта ведения войны, но, несмотря на это, умеешь владеть мечом не хуже любого человека на службе у Вальдемара".

Олаф промолчал, а когда они вошли в ворота, не стал сопровождать Эгберта к королю. Вместо этого он направился в покои королевы Аллогии и там рассказал о только что услышанных новостях.

Не успел он войти в зал, где сидела королева, как дверь открылась и вошел король Вальдемар с очень серьезным видом. Олаф поднялся со своего места и склонился перед ним.

"Каков твой возраст, мой мальчик?" - спросил Вальдемар.

"Шестнадцать лет, господин", - ответил Олаф, недоумевая по поводу причины вопроса.

Король оглядел его с головы до ног.

"Это еще очень рано", - сказал он с улыбкой. "Но твоя сила превосходит твои годы. Нечасто я видел столь юного человека с такими крепкими конечностями и такой благородно прямой фигурой. Я подумал, что вы уже достаточно долго возитесь с юбками наших женщин. Такие умения, как у тебя, должны найти более достойное применение, чем игра на арфе и ношение кубка с вином, и теперь у меня есть желание посмотреть, что ты можешь сделать в активной войне. На острове Даго неспокойно. Я получил известие, что там вспыхнуло восстание и что жители острова выбрали себе нового короля и отказываются признать своего законного государя. Этих мятежников необходимо немедленно подавить, поэтому я решил направить против них отряд и заставить их подчиниться. Что вы скажете о том, чтобы принять командование экспедицией?"

"Командование?" - повторил Олаф, отступая назад в изумлении. "Но я не более чем мальчик. Мое сердце готово и смело, но, конечно, я слишком молод, чтобы оказывать столь серьезное доверие!"

"Да", - вскричала королева, побелев губами при мысли о том, что ее фаворит оказался в столь опасной ситуации. "Да, - вскричала она, - он, несомненно, слишком молод для такого поручения!"

Но король Вальдемар покачал головой.

"Не так, - уверенно сказал он. "Пусть он и молод годами, но я уверен, что в этом королевстве нет человека, который бы лучше подходил для руководства вооруженным отрядом, и я доверюсь ему в полной мере". Затем, повернувшись к Олафу, он добавил: "Вопрос уже решен. Так получилось, что сейчас в гавани за Одинсхольмом стоят шесть наших лучших военных кораблей с полным набором моряков и воинов. Вы отправитесь туда на рассвете с теми вооруженными всадниками и пешими, которых вы решите взять в свою компанию. Прежде чем ты достигнешь берега, капитанам кораблей сообщат, что я назначил тебя их начальником и командиром".

С трудом веря в реальность услышанного, Олаф стоял перед королем в молчаливом недоумении. Он не верил в свою личную силу, ибо она не раз была доказана в играх и упражнениях, которыми он ежедневно занимался, и мужество не подвело его. Но оказаться во главе нескольких сотен испытанных воинов и повести их против врага - об этом он пока только смутно мечтал. Долгие мгновения он стоял в сомнениях. Но вдруг, казалось, в его ясных голубых глазах зажегся новый свет, а в сильных молодых конечностях появилась бодрость.

"Если ты так хочешь, повелитель, - сказал он наконец, - то я возьму на себя это доверие. Мой великий праотец, король Харальд Фейрхейр, был моложе меня, когда вел в бой своих воинов; и, поскольку во мне течет кровь короля Харальда, я буду стремиться стать достойным воином".

После этого король Вальдемар увел юношу, и долгое время они сидели вместе, строя планы, как войска Олафа должны вторгнуться на остров и спасти Сигурда Эриксона из рук мятежных островитян.

В один из тихих летних вечеров Олаф Триггвисон, восседая на великолепном белом коне и сопровождаемый двумя десятками отборных воинов, въехал в маленький городок, где четыре года назад он жил покорным рабом. Теперь никто не знал в нем того дикого, своенравного мальчишку, которого привыкли видеть босоногим на пляже или пасущим овец своего хозяина на склоне холма. Даже сам Реас Бондер, который не раз порол его за непослушание и безделье, а теперь смотрел, как он скачет вниз к кораблям, не узнал в красивом и нарядно одетом молодом воине своего бывшего раба. Люди говорили между собой о прекрасных светлых волосах Олафа, о его гребневом шлеме из начищенной меди, о красном шелковом плаще, развевающемся на ветру, и о сверкающем боевом топоре, висевшем подвешкой к седлу. Они восхищались его легкой посадкой на лошади, а когда он говорил, удивлялись богатству его голоса. Но никто не мог сказать, что никогда прежде не видел его.

В средней бухте стояли на якоре шесть королевских кораблей со спущенными парусами и щитами от носа до кормы. На носу самого большого корабля возвышалась фигура крылатого дракона, украшенная золотом. Это был самый длинный корабль, который Олаф когда-либо видел, и, по его подсчетам, он был рассчитан на двадцать пар весел. Корпус корабля был выкрашен в красный и зеленый цвета, а шатер, покрывавший палубу, был сшит из полосатой красной и белой ткани. Пока он стоял, глядя на нее с удивлением и восхищением, с дальней стороны подошла небольшая лодка, которую гребли шесть моряков, а управлял ею крепкий, рыжебородый воин, которого молодой командир однажды уже видел при дворе короля в Хольмгарде. Его звали ярл Асбиорн. Когда корабль причалил к пристани, Асбьерн очень скромно поприветствовал Олафа и велел ему подняться на борт. Олаф подозвал к себе Эгберта, и вместе они вышли на корабль-дракон и были с великим почетом приняты шестью капитанами, каждый из которых в свою очередь дал ему клятву покорности и послушания.

Затем, пока корабли готовились к выходу в море, Олафу показали большую комнату под крышей и сказали, что это будет его личная каюта. Здесь он советовался со своими офицерами по поводу экспедиции, в которую они сейчас отправляются.

Это был гордый момент для Олафа, когда на закате солнца по его приказу весла шести кораблей оттолкнулись от фальшбортов, и суда начали медленно выходить из бухты.

Воинственный дух, который до этого покоился в нем, теперь наполнился странной новой энергией. Свежий морской воздух и ощущение собственной силы, казалось, проникли в каждую жилку его тела, возбуждая в нем неистовое желание славы, доходившее почти до безумия. Когда он ступал по палубе своего корабля, моряки и бойцы с интересом наблюдали ним и заявляли между собой, что сам Бальдер не мог бы быть красивее. Сначала они думали, что он слишком молод, чтобы доверить ему единоличное командование шестью большими военными кораблями, но очень скоро он показал им, что вполне способен выполнить все, что от него требовалось; и было что-то в его голосе, в быстром взгляде и настороженности, что заставило их признать в нем того, кто рожден быть вождем людей. Поэтому они слушались его во всем и подчинялись его воле так, что у него не было никаких проблем.

До этого времени у него не было никакого опыта в управлении кораблем, поэтому в начале плавания он посвятил свой ум изучению всех вопросов, в которых, как он знал, был наиболее невежествен. Он наблюдал за постановкой парусов и задавал множество вопросов о них, пока не смог понять, почему в тот или иной момент натягивают или ослабляют тот или иной канат, почему при сильном ветре берут риф. Он всегда с большим интересом следил за работой весел. На его корабле было четыре десятка гребцов - по двое за каждым веслом, - и, наблюдая за ними, он удивлялся, как они выдерживают тяжелую работу, не ломая спины и не вырывая рук; а чтобы доказать себе, какой силы требует эта работа, он спустился в корабельную талию и, сняв рубаху из цепной ткани, встал на одну из скамеек, чем заслужил похвалу всех на борту. Но больше всего он любил брать в руки румпель и управлять судном, преодолевая опасности ветреного моря.

Вечером третьего дня корабли подошли к острову Даго, и молодой командир приказал своим людям приготовить оружие, чтобы островитяне не оказали сопротивления. Ночью он привел свой флот на якорную стоянку под небольшим островом, высокие скалы которого скрывали корабли от взгляда большого острова. Спустив на воду небольшую лодку и переодевшись в грубый матросский плащ, он взял с собой Эгберта и четырех человек, и они на веслах переплыли канал и высадились на берег.

Олаф расспросил пастуха, которого встретил на горных пастбищах, и узнал от него, что Ранд Сильный по-прежнему признан островитянами своим королем и что власть короля Вальдемара сломлена. Тогда Олаф вернулся на корабли и привел их в широкую бухту, на берегу которой был построен город.

Недолго собирал Ранд Сильный свое небольшое войско викингов, ибо увидел шесть приближающихся кораблей; он знал, что это корабли короля Вальдемара, и быстро догадался, с какой целью они прибыли.

Увидев островитян, сгрудившихся в боевом порядке на берегу, Олаф велел гребцам подплыть поближе к мелководью. Тогда с обеих сторон зазвучали боевые рога, воины наложили стрелы на тетиву, и началась ожесточенная схватка. Не раз островитяне отступали под ливнем стрел и камней, но снова и снова поднимались и нападали на корабли. Многие викинги бросались в воду и плыли к кораблям, но прежде чем они успевали взобраться на

фальшборты и ступить на палубу, их рубили мечники Олафа или убивали стрелами или копьями, пока они плыли.

Сам Олаф стоял на носу своего драконьего корабля, окруженный берсерками, чьи щиты защищали его, и с хладнокровием извлекал из ножен стрелу за стрелой, посылая их с безошибочной точностью в гущу островитян. Камни и стрелы сыпались на него непрерывным дождем, разбиваясь о его шлем и ломаясь о тесные кольчуги почтового плаща. Наконец он различил высокую фигуру Ранда Сильного, который, собрав своих викингов, повел их ближе к урезу воды. Олаф выбрал одну из своих лучших стрел и закрепил ее на тетиве, затем со всей силой согнул лук, прицеливаясь очень уверенно. Тесла взвизгнула, и стрела со свистом пролетела по воздуху. Олаф следил за ее быстрым полетом, пока она не попала в намеченную цель и не уперлась в оголенную часть горла викинга. Ранд зашатался и упал. Тогда островитяне, видя, что их вождь убит, снова отступили к более высокому берегу, а Олаф подвел свои корабли еще ближе к мелководью и приказал высадиться на берег. С мечом в руке он повел своих людей в атаку. Завязалась острая рукопашная схватка, в которой погибло много людей с обеих сторон, но в конце концов островитяне сдались перед захватчиками, и Олаф одержал победу.

Когда битва закончилась, Олаф призвал к себе главных мятежников и заставил их признать короля Вальдемара своим законным и единственным государем. Когда мир был восстановлен, он потребовал, чтобы Сигурд Эриксон и те, кто был его сторонником, были отпущены на свободу. Среди первых, кто был освобожден из темницы в крепости Ранда, был Торгильс Торальфсон. Но Сигурд Эриксон был найден мертвым в своей камере. Островитяне заявили, что он умер от ран, но Олаф считал, что причиной тому были голод и лишения.

Олаф Триггвисон очень горевал о потере своего дяди. Сигурд был ему как отец, поднял его из гнусной жизни в рабстве и вознес до нынешнего высокого положения при дворе. А теперь он умер, и вся его любящая доброта закончилась.

Весь остаток того дня Олаф занимался погребением павших в битве храбрых островитян и викингов; он соорудил над ними курган и воздвиг над ними камни, чтобы обозначить место. Но ночью он приказал вынести тело Сигурда Эриксона на берег вместе со всеми остальными людьми, которые были в рядах короля Вальдемара. Затем к берегу подвели один из малых кораблей, и на его верхней палубе разложили костер из смолистого дерева и сухого торфа. Олаф положил на костер тело своего дяди со всеми доспехами, которые были на Сигурде. Корабль еще больше нагроутили мертвецами и оружием. Затем, когда поднялся прилив и судно оказалось на плаву с поднятым парусом, Олаф в одиночку взошел на борт с зажженным факелом и зажег костер. Ветер подул с берега, и корабль медленно поплыл по темному морю. Раздался громкий треск сухих веток, и пламя поднялось в облаке черного дыма, показав Олафа, стоящего на корме с румпелем в руке. Очень скоро огонь охватил поленницу смолистых дров, и когда костер запылал и жар стал слишком сильным, он закрепил рулевую доску концом веревки, бросил прощальный взгляд на распростертое тело дяди, а затем, шагнув к поручню, бросился за борт в море и поплыл обратно к суше. Выбравшись на скалы, он взобрался на травянистый холмик и уселся там, глядя на горящий корабль. Прыгающие языки пламени освещали небо и отбрасывали длинный шлейф света на покрытое рябью море. Вскоре парус и мачта с треском рухнули, и туча огненных искр поднялась высоко в черную ночь. Олаф сидел и смотрел, не отрываясь, пока наконец корабль не догорел до самой кромки воды, и не стало видно только крошечный отблеск света, далеко сияющий на темных и безмолвных волнах.

На следующее утро, закончив работу по усмирению мятежных островитян, Олаф вывел свой флот из бухты и отправился в обратный путь на материк. Через три дня он снова был в Хольмгарде. Там он оставался еще два года, пользуясь большим расположением двора и выполняя множество важных поручений. На свои средства он содержал большую рать воинов из богатств, доставшихся ему от дяди Сигурда, и из тех, что даровал ему король; и руководство этой ратью шло так хорошо, что все молодые люди королевства стекались к нему, желая поступить к нему на службу.

И вот случилось - как часто случается, когда люди из глубинки завоевывают славу и могущество, превосходящие здешние, - что многие завидовали Олафу, которого очень любил король и не меньше - королева. Его храбрость и большой успех во всем, за что он брался, навлекали на него множество тайных врагов, которые нашептывали королю Вальдемару всякие недобрые слухи. Они заявляли, что Олаф лишь усиливает свое влияние и власть, чтобы в конце концов причинить вред королю и королевству. Они оклеветали его и наговорили на него всякого зла, представляя его опасным соперником Вальдемара в привязанностях королевы и народа. И король, услышав эти ложные обвинения и поверив им, стал холодно смотреть на молодого Олафа и грубо обращаться с ним. Тогда Олаф понял, что ему пора уходить, ибо доверие, утраченное однажды, уже никогда не вернуть. Тогда он отправился к королю Вальдемару и поговорил с ним, сказав, что, поскольку он уже вырос и окреп, он хочет отправиться в путь и увидеть землю, где правили его предки, а его собственный отец был государем.

Ревнивый Вальдемар мало опечалился, услышав об этом решении. И чтобы ускорить отъезд Олафа, он преподнес ему великие дары в виде хорошо сделанного оружия: великолепный меч, инкрустированный золотом на клинке и украшенный в рукояти дорогими драгоценными камнями, и щит из чеканной меди. Кроме того, он подарил ему драконий корабль и четыре баркаса, укомплектованные и снаряженные для морских путешествий, и велел ему отправиться в путь, куда он пожелает, в поисках приключений и житейского благополучия.

Королева Аллоджия, однако, была очень опечалена мыслью о том, что теряет своего любимца, и долго не решалась отпустить Олафа от себя. Но в конце концов она поняла, что это для его же блага и продвижения по службе, и подарила ему прекрасное знамя из шелка, вышитое ее собственными руками, сказала, что он будет считаться благородным и храбрым человеком, где бы он ни оказался, а затем попрощалась с ним.

ГЛАВА VIII: МОЛОДЫЕ ВИКИНГИ.

Так Олаф покинул Хольмгард, сел на корабль и вышел со своим флотом викингов в Балтийское море. Теперь он не был обязан подчиняться никому, но мог свободно путешествовать, куда ему заблагорассудится, будучи королем на своей собственной палубе. В это время ему не исполнилось и восемнадцати лет, но его конечности были так хорошо сплетены и крепки, а сам он был так высок и мужественен, что казалось, он уже достиг мужского достоинства. Однако, чувствуя, что молодость может сыграть против него, он решил, что все его товарищи по кораблю должны быть как можно ближе к его возрасту. На каждом из кораблей у него было по десятку бородатых берсерков - людей, которые не боялись ни огня, ни стали, но прославляли войну и не любили ничего лучше, чем быть в гуще великой битвы. Это были полные мужчины в возрасте, но в остальном его команда моряков и отряд обученных воинов состояли из молодых людей, ни один из которых не был старше Торгильса Торальфсона или моложе самого Олафа.

Олаф назначил своего приемного брата командиром под своим началом, дав ему власть как над моряками, так и над воинами. Своего друга Эгберта он назначил мастером парусов, а Колбиорна Сталларе - мастером оружия.

Колбьёрн был сыном могущественного викинга из Согнфьорда в Норвегии. Он был ровесником Олафа Триггвисона, и эти двое были так похожи друг на друга, что в разлуке их часто принимали за братьев. У обоих были длинные светлые волосы и голубые глаза норвежцев, оба были почти одинакового роста, и Колбиорн имел привычку стараться, надевая похожую одежду, увеличить сходство между собой и своим молодым господином. Но когда они оказывались рядом, сходство прекращалось, ибо тогда Олаф становился и выше, и мускулистее; его волосы были более золотистыми и шелковистыми, а кожа - более светлой; его глаза тоже были ярче и больше, чем у Колбиорна, а зубы - ровнее и белее. И когда дело доходило до проверки мастерства, Олаф всегда имел преимущество, несмотря на то что Колбиорн все свои молодые годы провел на корабле, был обучен викингами всевозможным подвигам и участвовал во многих сражениях на суше и на море.

В одно спокойное утро, вскоре после того как Олаф отправился в свой первый викингский поход, он стоял вместе с Колбьорном у поручней корабля и смотрел на залитое солнцем море, по которому ползло его судно, подгоняемое сорока длинными веслами, а за ним следовали четыре баркаса.

"Я думаю, - сказал он, - что сегодня мы развлечемся и попробуем свои силы в какой-нибудь новой игре".

"Я не гожусь для того, чтобы испытывать свое мастерство против твоего, - скромно ответил Колбиорн, - ведь ты уже победил меня в шахматах, в плавании, в стрельбе и в метании копья. Тем не менее, все будет так, как ты пожелаешь".

"Тогда выбирай, какой подвиг мы совершим, - сказал Олаф, - я готов участвовать в любом упражнении, которое ты знаешь, и не сомневаюсь, что есть много таких, в которых твое мастерство должно превосходить мое".

"Есть одно, - сказал Колбиорн, - которое я был бы рад увидеть, как ты попытаешься выполнить, хотя в нем есть опасность, и я могу поступить неправильно, предложив его".

"Если это будет для меня ново, то я буду тем более рад, - сказал Олаф, - и тем более, если риск будет велик".

Колбиорн повел молодого командира к тенистой стороне корабля.

"Мы перелезем через фальшборты, - сказал он, - и будем идти по борту вдоль весел, пока люди гребут".

Олаф посмотрел на борт и несколько мгновений наблюдал за равномерным движением весел, когда они погружались в зеленую воду и поднимались в воздух. Он измерил взглядом расстояние между двадцатью лопастями.

"Похоже, это не так сложно, как я надеялся, - сказал он, - но дай мне посмотреть, как ты это сделаешь, а потом я последую за тобой".

Колбиорн перелез через борт корабля и пробрался к скамье первого гребца. Удержавшись на мгновение на одной руке, он опустил двумя ногами на крайнее весло и стал переступать с весла на весло, пока не добрался до ближайшего к форштевню. Затем, все еще балансируя на вытянутых руках, он повернулся и тем же путем прошел на корму, где стояли Олаф и

многие из корабельной компании, наблюдая за ним. Все сочли это замечательным подвигом.

Олаф похвалил мастерство Колбиорна, но тут же приготовился последовать его примеру. Сбросив с себя красный шелковый плащ, чтобы не повредить его падением в море, он перелез через борт и, не раздумывая, опустился на квадратный хвостовик крайнего весла, а затем, выйдя рядом с лопастью, побежал вперед быстрыми, четко отмеренными шагами. Раз или два, когда весла погружались, он оступился и едва не потерял равновесие, но дотянулся до крайнего без происшествий и вернулся с большей легкостью. Когда он снова ступил на палубу, то обратился к Торгильсу Торальфсону, чтобы тот решил, кто из них проявил больше мастерства. Но Торгильс не смог определить, в чем дело.

"Игра еще не прошла достаточного испытания, - сказал Олаф, - ее нужно повторить. Но на этот раз я сам стану ведущим, а Колбиорн или любой другой из нашей компании пусть следует за мной".

Затем он попросил Торгильса и Кольбьерна одолжить ему их ручные топоры, а сам, сняв с пояса свой, снова перелез на борт и, пройдя вдоль ряда движущихся весел, стал играть тремя кортиками, поочередно подбрасывая их в воздух, так что один был всегда на высоте, а рукоять - в его руке. Так он играл, шагая вперед, ни разу не выронив ни одного из орудий и не потеряв надежной опоры. Перебравшись на синоптическую палубу, он вернулся по веслам на другой берег и вышел на палубу в сухих ботинках.

Никто на борту не мог понять, как Олафу удалось совершить этот удивительный подвиг, не попрактиковавшись в этом много раз, и когда он вернул два кортика их владельцам, Колбиорн стоял перед ним и молча смотрел на него.

Олаф сказал: "Почему ты стоишь и не пытаешься повторить за мной?"

"Потому что я сам себя победил", - ответил Колбиорн. "И все же, - добавил он, - я не могу поверить, что ты совершил этот подвиг только благодаря своему мастерству и без какой-то тайной силы. Либо тебе помогает благосклонность Одина, либо ты происходишь от какого-то могущественного короля, чьи природные способности ты унаследовал. Мне кажется удивительным, что за какое бы упражнение ты ни взялся, ты непременно превзойдешь всех остальных людей".

Олаф облегченно рассмеялся и отвернулся к своей каюте, а его товарищи по кораблю продолжали обсуждать между собой этот новый пример его великой ловкости.

Таким образом, еще в начале своей свободной жизни морского скитальца он произвел на своих товарищей столь глубокое впечатление, что они все до одного стали уважать его и открыто признавать его своим начальником во всем.

Но больше всего их интересовало, какого рода он был рожден, чтобы так легко и без особых усилий превзойти всех известных им людей. Ибо хотя они прекрасно знали, что он был любимцем при дворе короля Вальдемара, никто даже не догадывался, что он - кровный потомок великого Харальда Фэйрхайра; и уж тем более никто не предполагал, что он уже сейчас является наследником норвежского престола. Никто, кроме Торгильса Торальфсона, не знал его настоящего имени. В то время, да и на протяжении всех его последующих приключений в Британии, он был известен лишь как Оле Эстонец.

Хотя Олаф и говорил о своем желании вернуться в страну отцов, но теперь, когда он был на своем драконьем корабле и волен следовать туда, куда его приведет судьба, он не спешил

высаживаться в Норвегии. Он взял курс на Финский залив, а затем на запад, среди множества зеленых островов и скалистых холмов, что лежат в среднем море между Финляндией и Швецией, и в течение многих солнечных дней и спокойных звездных ночей просто наслаждался праздными удовольствиями своей новой свободной жизни.

Это был летний сезон, когда все морские каналы свободны ото льда, и за границей было много торговых судов, которые могли бы стать легкой добычей, если бы Олаф решил на них напасть. Но хотя он и был викингом, и в нем была вся жажда войны и грабежа, он все же помнил, как его собственную мать схватил ярл Клеркон и продал в рабство. Поэтому он решил оставить в покое все мирные торговые корабли и вступать в бой только с теми судами, которые были настроены на войну. В знак этой решимости он опустил с носа огромную голову дракона, чтобы его широко раскрытая пасть и грозный вид не вселяли страх в сердца мирных торговцев; а щиты, стоявшие вдоль его внешних фальшбортов, были щитами мира, выкрашенными в белый цвет, чтобы показать, что он не желает зла тем, кто может случайно встретиться с ним в море.

Его берсерки и многие молодые люди, вступившие в его дружину в надежде на выгоду, иногда роптали, видя, как он позволяет какому-нибудь богато нагруженному кораблю пройти мимо, не нападая на него, и заявляли, что, в конце концов, он викинг только по имени. Олаф заставлял их терпеливо ждать, напоминая, что на борту нет недостатка в хорошей еде и эле, и что им незачем испытывать недовольство, пока их повседневная жизнь проходит в телесном комфорте.

"А что касается сражений, - добавил он, - то я не думаю, что кому-то из вас доставит удовольствие воевать против людей, не обученных военному делу".

Им не пришлось долго ждать, пока их инстинкт к борьбе не был частично удовлетворен.

Однажды в хмурый полдень его корабли с полностью поднятыми парусами неслись под сильным ветром по широкому морскому каналу, разделяющему два больших острова - Готланд и Эйланд. Торгильс стоял у румпеля корабля-дракона - пост, который во времена викингов всегда занимал главный человек на палубе. Когда он стоял там, его глаза обшаривали широкую полосу серого моря в поисках кораблей; Олаф Триггвисон уже выставил на фальшборты свои красные боевые щиты, а крылатый дракон, словно угрожая, поднял на носу свою огромную позолоченную голову. Сам Олаф находился внизу, в своей каюте под крышей, и наблюдал за шахматной партией, в которую играли Колбиорн и Эгберт.

Шахматная доска была очень красивой, ее квадраты были инкрустированы серебром и золотом, в центре каждого квадрата были маленькие колышки, на которых можно было закрепить фигуры, чтобы они не расшатывались и не менялись местами при качке судна. Спутники Олафа считали большой привилегией получить разрешение играть на этой дорогой доске, и Олаф поставил условие, чтобы все, кто ею пользовался, делали это без споров. Долгое время Колбиорн и Эгберт мирно продолжали свою игру. Но, наблюдая за ними, Олаф заметил, что Эгберт становится все более и более раздраженным, так как его постоянно сбивает с толку лучшая игра соперника. Мастерство Колбиорна было столь велико, что Эгберт в конце концов пришел в отчаяние и только усугубил ситуацию своими поспешными ходами. Он хотел отвести назад коня, которого обнажил, но Колбиорн не позволил. Олаф посоветовал им оставить коня на месте и не ссориться. Гнев Эгберта разгорелся, и, заявив, что не последует совету Олафа, он провел рукой по доске, расшатал ее на полу хижины и, наклонившись вперед, ударил Колбиорна по уху, так что потекла кровь.

Колбьорн поднялся со своего места и спокойно направился к двери. Там его встретил один из товарищей по кораблю, который взволнованным голосом сообщил, что в поле зрения находится большой корабль викингов и что он приближается к ним, словно для того, чтобы дать бой.

Олаф последовал за Колбьорном из каюты, и они вместе поднялись на палубу. Окинув взглядом море, они увидели, что корабль викингов гребет к ним против ветра. Следом за ним дрейфовало второе судно, беспомощное и неухоженное, с развевающимся на ветру парусом и веслами. Олаф быстро заметил, что на ее передней палубе находятся люди и что она медленно тонет. Ему стало ясно, что это торговое судно, на которое викинги только недавно напали и разграбили. На мгновение он замешкался, размышляя, стоит ли ему поспешить на помощь или сразу вступить в бой с викингами. Он увидел, что его люди уже с нетерпением готовятся к бою. Одни, по своему обычаю перед битвой, деловито умывались и расчесывали волосы, другие ели и пили. Готовить оружие не было нужды, так как оно было хорошо приготовлено с самого начала плавания, и ничего не оставалось делать, как вынести стрелы на палубу и раздать их по лукам - по двадцать стрел в колчан каждого; что же касается мечей, копий и доспехов, то каждый человек на борту хорошо знал, куда приложить руку.

Приказав Колбиорну выйти на авансцену и собрать берсерков и лучников, Олаф достал свой боевой рог и громко затрубил в него. В тот же миг на верфь водрузили выкрашенный красной краской щит. Затем он пошел на корму, взял румпель у Торгильса и направил свой корабль навстречу приближающемуся врагу. Но когда он оказался на расстоянии выстрела из лука от незнакомки, то внезапно изменил курс, перекрестив ее луки. Викинги, которые еще не могли заметить четыре корабля супругов, остававшихся далеко позади, несомненно, решили, что он хочет скрыться, и пустились в погоню. Но вот Олафу удалось протиснуться между двумя другими кораблями, и, подняв ветер в паруса и работая веслами, он быстро обогнал викингов и с огромной скоростью устремился к тонущему торговому судну. Он не замедлил подойти к нему, так как викинги успели его затопить, и он уже осел на дно, а его четверть фальшборта находилась на одном уровне с урезом воды. Он спас с палубы целый десяток беспомощных людей и стоял рядом с ней, пока она не пошла ко дну. К этому времени корабль викингов снова подошел к нему на расстояние выстрела из лука, а четыре его баркаса показались из-за мыса одного из островов.

Теперь Олаф закрепил парус на верфи, а нос корабля повернул в сторону приближающегося врага. Поручив штурвал одному из своих матросов, он облачился в боевые доспехи и вышел вперед к носу. Здесь расположились самые сильные и опытные из его людей, вооруженные мечами и копьями и защищенные щитами. Среди них стоял знаменосец Олафа, вокруг которого они выстроились в боевой порядок. На месте защитников ствола стояли берсерки, а за мачтой - копьеносцы, лучники и метатели камней.

Олаф и Колбиорн, вооруженные длиннолуками и большим количеством отборных стрел, а также мечами, стояли бок о бок со знаменосцем. Олаф снова затрубил в свой боевой рог, а Колбьорн выпустил стрелу вызова высоко над мачтой корабля викингов. Когда два корабля сблизились, Олаф увидел, что на передних палубах чужого корабля собралось множество людей, по их темным волосам и смуглой коже он безошибочно определил, что это датчане. Корабли столкнулись форштевнем к форштевню, затем с каждого борта были брошены крючья для захвата, и суда были связаны между собой, чтобы ни один из них не смог сбежать, пока бой не закончится.

Так в тесном кругу началась битва, и очень скоро воздух наполнился шумом летящих стрел и дождем копий и камней. Вожди с обеих сторон громко кричали, призывая своих товарищей к

бою, и много испытанных воинов было отправлено в тот день в чертоги Одина. Долгое время казалось, что датчане одерживают верх, ведь их численность значительно превышала численность людей на драконьем корабле Олафа. Но по мере того как бой становился все ожесточеннее, берсерки Олафа довели себя до дикой ярости и, ведомые Олафом и Кольбьерном, бросились на вражеский форштевень, увлекая за собой всех, как осенний ветер уносит увядшие листья. Три долгих часа продолжалась битва, человек за человеком, но наконец Олаф одержал победу и взял датский корабль в качестве приза, со всеми сокровищами и дорогими доспехами, со всеми рабами и товарами на его борту. Четыре его баркаса не участвовали в поединке, потому что всегда считалось нечестным противостоять противнику с неравными силами. Но теперь они сблизились, и когда все обломки боя были убраны, он посадил на борт приза несколько своих людей, разделил добычу между всеми своими товарищами и снова отплыл, довольный своим первым успехом.

Он плыл на юг, вдоль шведского побережья, и встретил там столько приключений, что и не пересказать. В конце концов он добрался до Боргундхольма, острова, лежащего в Балтийском море к югу от Швеции. К тому времени его запасы подошли к концу, и он набрел на этот остров и устроил на нем поход. Земляне пришли в большом количестве и вступили в бой с ним, но Олаф снова одержал победу и получил большую добычу в виде лошадей и скота.

Он пролежал у Боргунд-хольма много недель, расставив шатры в порядке вдоль берега, а корабли подтянув к высокой воде. Каждый день его люди устраивали состязания, а по вечерам все сидели в своих шатрах, пили и бросали кости или слушали рассказы сагамена о великих подвигах ушедших воинов. Сам Олаф всегда участвовал в пирах и веселье, и он всегда был самым веселым и игривым в компании.

Однажды, когда его корабли еще находились в Боргундском гольме, два его главных человека, Кольбьерн и Торгильс, хвастались своим мастерством скалолазания. Они спорили, кто сможет взобраться на самую крутую скалу, и в конце концов заключили пари. Кольбьерн поставил свое золотое кольцо на шею против лучшего бронзового рога для питья Торгильса. После этого они оба взобрались на высокую скалу. Торгильс зашел так далеко, что ему грозила опасность сорваться вниз, и он в страхе вернулся, с трудом спасаясь. Колбиорн взобрался на середину пропасти, но там он не смел ни идти вперед, ни назад, ни даже пошевелиться, потому что не мог ухватиться за скалу ни ногами, ни руками. Его положение было настолько опасным, что он предвидел верную смерть, если сделает хоть малейшее движение. В страхе он закричал, чтобы Олаф или его люди спасли его. Олаф позвал какого-нибудь храбреца, чтобы тот решился на этот поступок, и предложил большую награду; но никто из его компании не сдвинулся с места. Тогда Олаф сбросил плащ, взбежал по склону скалы, словно это была ровная равнина, взял Колбьерна под руки и пошел с ним дальше. Затем он повернулся, чтобы спуститься с человеком под мышкой, и положил его невредимым на землю. Все восхваляли этот подвиг как великий, и слава о нем широко распространилась. Спустя долгое время он совершил похожий подвиг, взобравшись на самую вершину горы под названием Смалсархорн в Норвегии и подвесив свой сверкающий щит на вершине, так что он сиял, как солнце над морем.

О его силе и ловкости рассказывают много историй - о том, как он мог наносить одинаковые удары любой рукой, как он мог стрелять сразу двумя копьями. Говорят, что он мог прыгнуть выше собственного роста и назад, и вперед, и это при полном вооружении и в доспехах. Он был самым быстрым и сильным пловцом во всей Скандинавии, а в беге и лазании ему не было равных.

И все же он не был хвастуном. Его великие деяния происходили от его рвения во всем, а не от желания принизить своих товарищей. Он был добр и смирен сердцем, щедр на дары, славен в одежде, а в бою отличался высоким сердцем. Возможно, он был и жестоким, ведь рассказывают, что он был суров и гневлив со всеми, кто его обижал, и что в наказании своих врагов он не знал пощады. Однако он стремился лишь к тому, чтобы делать все то, что обычно делали викинги. Завоевать славу, получить богатство, грабить и убивать - вот страсти, которые владели им. Океан был его единственным домом. Он презирал уют теплого костра и презирал человека, который должен спать под сажей на стропилах или умирать на соломенной подстилке. Отдать свой последний вздох среди шума битвы было его единственным непреложным стремлением; ведь только те, кто умирал таким образом, орошая себя кровью, могли надеяться завоевать благосклонность языческих богов или войти в священные залы Валгаллы. В духе своего времени он верил, что жизнь викинга - самое благородное и почетное занятие для человека; он верил, что самое верное право на все имущество дается путем завоевания его мечом, и очень скоро он стал таким же диким и безрассудным, как любой морской скиталец на Балтике. Никакие опасности, сколь бы велики они ни были, не могли утратить его или ослабить его радость от свежей свободы открытого моря с его дикими хрипылыми ветрами и бушующими опасными штормами.

Именно в осеннюю пору Олаф столкнулся с первым серьезным штормом. К тому времени к его флоту прибавилось много кораблей, захваченных в бою, и несколько, построенных его корабельщиками; он решил, что теперь выйдет из Балтийского моря и направится к берегам Норвегии, где, имея за спиной огромную силу людей и кораблей, он, несомненно, сможет завоевать желанную славу. На борту своего драконьего корабля он оставил любимых спутников и избранных воинов, чтобы они всегда были рядом с ним в случае необходимости. Но Эгберт Британский и Колбиорн Сталлар, поссорившись из-за игры в шахматы, не были дружны друг с другом, поэтому Эгберта поставили командовать одним из кораблей флота - лонгшипом по имени *Змей*.

В один из дней корабли шли на запад под легким парусом, когда на них внезапно обрушился шторм с холодным ветром с севера, который быстро вздыбил море в огромные волны. Град и снег сыпались с такой силой, что люди на носу каждого корабля были скрыты от тех, кто находился на корме, а море переливалось через фальшборты, заливая палубы и каюты, так что люди в прессовальной комнате постоянно работали с совками и ведрами. Все взывали к морскому богу Ньорду, а также к Тору и Одину, чтобы они спасли их от гибели; но буря продолжалась всю ночь и весь следующий день, и все это время Олаф стоял у штурвала, мужественно противостоя буре и держа нос судна направленным на север, навстречу вздымающимся волнам. Часто казалось, что он будет выброшен за борт диким потоком воды, но его огромная сила выдержала это напряжение, и, хотя он был почти ослеплен градом, он все еще держался.

К вечеру второго дня сила ветра ослабла, и тяжелые тучи, омрачавшие небо, растаяли в золотом сиянии заката. Тогда Олаф оглядел широкое беспокойное море и пересчитал свои корабли. Некоторые из них потеряли свои мачты, другие были унесены далеко к тусклому горизонту. Не хватало только одного из них: это был баркас Эгберта Британского. Олаф почти не сомневался, что он затонул со всеми людьми на борту, но он знал, что Эгберт был храбрым и умелым моряком, и ему казалось странным, что он не справился с бурей, поэтому, не найдя другого объяснения, он заявил, что эта катастрофа произошла именно потому, что Эгберт был христианином. Если бы он искренне верил в могущественных богов северян, сказал Олаф, он непременно преодолел бы все опасности, а его корабль и команда были бы спасены! И все, кто их слышал, сочли слова молодого вождя за мудрость, ибо не знали они,

да и сам Олаф в тот миг не мечтал, что Эгберт и его корабельная дружина целы и невредимы в укрытии высокого мыса Боргунд-хольм. После этого Олаф и Эгберт не встречались много лет, а когда встретились, то оказались лицом к лицу, как враги, на боевой равнине Мальдона, в далекой Англии.

Когда буря утихла и море успокоилось, Олаф собрал свои корабли, произвел необходимый ремонт и направился на юг, к берегам Вендланда. Там он получил хорошее пристанище и, ведя вполне мирный образ жизни, прожил там все зимние месяцы.

ГЛАВА IX: ВИКИНГИ ИЗ ЙОМСБУРГА.

Бурислаф - так звали короля в Вендланде. Он был очень богатым монархом и пользовался большим уважением во всех странах Балтики, а его двор был местом частых встреч великих людей того времени. У Бурислава было три очень красивые дочери - Гейра, Гуннхильд и Астрид, которых многие знатные и королевские особы тщетно пытались заполучить в жены. Гейра, старшая из трех, властвовала и управляла страной, ибо в те времена у могущественных королей было принято, чтобы королева или старшая дочь имела половину двора и содержала его за свой счет из тех доходов, которые поступали на ее долю. И когда Гейра услышала, что в Вендланд пришли чужеземцы с большим флотом кораблей викингов и что вождь их - юноша необычайной доблести и благородных манер, она послала на побережье дружественных гонцов и попросила новоприбывших быть ее гостями в тот зимний сезон, ибо лето уже давно прошло, а погода была суровой и бурной. И Олаф Тригвисон последовал ее приказу и отправился со своими отборными капитанами ко двору, где его хорошо приняли и очень гостеприимно угостили.

Рассказывают, что когда Гейра увидела, как царственно выглядит Олаф, как красив и обходителен, она сразу же возжелала его любви и захотела, чтобы он сочетался с ней браком и стал правителем страны. Во многих легендах, дошедших до нас с тех времен, даже говорится, что она сразу же полюбила его, и в конце концов они поженились и стали править королевством бок о бок. Но нелегко поверить, что наследник норвежского престола будет довольствоваться тем, что остается в Вендланде по велению нелюбимой женщины, к тому же следует помнить, что Олаф был еще совсем юн, а Гейра - уже в преклонных годах. Кроме того, в это же время Олаф встретил Тиру, дочь короля Дании - принцессу, которая была не только красивее, но и намного моложе Гейры, и которая впоследствии стала его женой и королевой. Как бы то ни было, Олаф прожил в Вендланде всего несколько месяцев, когда Гейра поразила болезнь и она умерла.

Среди гостей короля Бурислава были два человека, которые впоследствии сыграли большую роль в формировании судьбы Олафа, сначала как его друзья, а затем как враги. Их звали граф Сигвальди Йомсбургский и Свейн Датский.

Ярл Сигвальди был сыном Струта-Харальда, некогда короля Сканея, и во время встречи с Олафом в Вендланде он был владыкой большой компании викингов, имевших свою крепость в Йомсбурге. Он был очень могущественным человеком, а его богатство и личная доблесть были таковы, что дочь Бурислава Астрид поощряла его ухаживания за ней, в результате чего они поженились.

Граф Свейн был моложе, сын Харальда Синезубого, короля Дании. Он прибыл в Вендланд в компании своего друга Сигвальди, так как они вместе воевали и, потерпев поражение в

большой морской битве, укрылись при дворе Бурислава. Они воевали против родного отца Свейна, короля Харальда. Свейн жаждал властвовать в королевстве своего отца, но Харальд Синезубый предпочел сохранить свой трон безраздельным. Тогда Свейн собрал военные корабли и, заручившись помощью йомсбургских викингов, выступил к Зеландии, где лежал король Харальд со своим флотом, готовый к войне против Норвегии. Тогда Свейн обрушился на корабли своего отца, и произошла великая битва, в которой Харальд Синезубый одержал победу, но получил и смертельную рану. На стреле, которой был убит король Харальд, были следы, указывающие на то, что она была сделана его собственным сыном, и Свейн бежал, чтобы не настигла его месть.

Сигвальди, зная, что пройдет немного времени, и датчане объявят Свейна своим королем, хотел заключить мир между Вендландом и Данией, и с этой целью он привел Свейна в своей компании ко двору короля Бурислава, и тогда было решено, что Свейн должен жениться на Гуннхильд, дочери Бурислава, и после этого между двумя землями будет мир. И вот, когда свадьба была сыграна, король Свейн вернулся домой в Данию вместе с Гуннхильд, своей женой, и они стали родителями Канута Могучего - того самого, который в зрелом возрасте сражался с Эдмундом Железнобоким и правил как король Англии.

В те дни датчане и их соседи венды грозились отправиться с войском в Норвегию, и Олаф Тригвисон слышал много разговоров об этой угрожающей экспедиции от ярла Сигвальди. Узнал он и о том, что происходило в его родной стране со времен смерти короля Тригви.

Королева Гуннхильд и сыновья Эйрика Бладэкса, как они думали, положили конец роду Харальда Фэйрхайра, ибо они потеряли все следы королевы Астрид и ее сына Олафа, и не осталось никого, кто мог бы оспаривать трон Норвегии. Однако в провинции Трандхейм правил некий ярл Сигурд, который по-прежнему доставлял им большие неприятности. Чтобы избавиться от опасности, исходящей от него, они прибегли к предательству. Они убили короля Тригви и четырех его братьев и не побрезговали прибегнуть к тому же средству в отношении ярла Сигурда, заманили его в ловушку и предали смерти. После этого поступка Харальд Грейфелл правил Норвегией пять беспокойных и неплодотворных лет. Однако, убив ярла Сигурда, сыновья Эйрика подняли против себя врага, который оказался для них опаснее всех, с кем они еще не сталкивались. Это был ярл Хакон, сын Сигурда, самый сильный и умный воин, единственным желанием которого было отомстить за смерть отца и изгнать весь род Эйрика Бладдакса с этой земли. Он не заставил себя долго ждать, чтобы осуществить задуманное. Путем дерзкой интриги и при помощи Дании ему удалось не только навлечь на себя гнев короля Харальда Грейфелла, но и самому пробиться к трону Норвегии. Королева Гуннхильд и двое ее оставшихся в живых сыновей бежали за море к Оркнейским островам, и на этом все закончилось.

Когда Олаф услышал все это и понял, что ярл Хакон, хотя и не имеет королевского происхождения или рода, все же признан королем в Норвегии, он решил объединить усилия с датчанами и вендами в их предполагаемой экспедиции и поговорил с ярлом Сигвальди, предложив ему поддержку всеми своими кораблями и людьми. Сигвальди был очень доволен, услышав это предложение, и с радостью принял его, ибо быстро понял, что Оле Эстонец - молодой воин, чья помощь будет очень ценной, даже помимо огромного количества кораблей и воинов, которые были под его командованием.

И вот, когда прошла зима и море очистилось ото льда, Олаф переоборудовал свои корабли, собрал людей и отправился вдоль побережья Вендланда к острову Воллин, расположенному в устье реки Одер, на котором стояла великая крепость Йомсбург.

Йомсбург был основан и построен королем Дании Харальдом Синезубым, который владел большим графством в Вендланде. Он поставил здесь гарнизон из викингов с условием, что они будут защищать землю и всегда готовы поддержать его в любом военном походе. В бурге была устроена прекрасная гавань или док, в котором могли одновременно стоять триста кораблей, запертых в прочных гранитных стенах с массивными железными воротами. Джомсбургские викинги были хорошо дисциплинированной компанией пиратов, которые делали войну своим исключительным делом, живя грабежами и разбоем. Их твердая вера в языческих богов оправдывала такой образ жизни, и часто они сражались просто ради того, чтобы сражаться. Они были обязаны подчиняться своему вождю по очень строгим законам. Ни один человек старше пятидесяти или моложе восемнадцати зим не мог быть принят в братство; все они должны были находиться между этими двумя возрастными. В группу не мог вступить ни один человек, о котором было известно, что он когда-либо уступал в бою противнику, равного ему по силе оружия. Каждый принятый член клялся молотом Тора мстить всем остальным как своим братьям. Клевета была запрещена. Ни одна женщина или ребенок не должны были подвергаться насилию или уводиться в плен, а все военные трофеи и награбленное делилось поровну. Один из очень важных законов гласил, что ни один член группы не должен произносить ни слова страха, не должен вздрагивать от боли или пытаться перевязать свои раны, пока они не будут кровоточить в течение четырех и двадцати часов. В бурге не должно было происходить ничего такого, над чем вождь не имел бы полной власти распоряжаться по своему усмотрению. Если кто-либо нарушал эти правила, он должен был быть наказан немедленным изгнанием из общины.

В течение двух дней после того, как флот Олафа бросил якорь поблизости от ворот Йомсбурга, шла работа по проверке всех его людей, кораблей и оружия. Около двух десятков человек были отвергнуты ярлом Сигвальди: одни враждовали с викингами, которые уже входили в отряд, другие убили ближайшего родственника одного из членов отряда, третьи отказывались следовать или подчиняться любому другому вождю, кроме Олафа Тригвисона. Но корабли и их снаряжение были признаны годными к плаванию и в хорошем состоянии; поэтому после принесения клятвы был устроен большой пир, и Олаф был избран капитаном под началом ярла Сигвальди, получив в командование свою часть флота Йомсбурга.

В летние месяцы того же года Олаф отправился в поход на викингов в Ботнический залив. У берегов Йемтланда и Хельсингьяланда он встретил множество шведских кораблей, очистил их, убил множество людей и забрал все их богатства. Он имел обыкновение прятаться за скалистым мысом или в устье какого-нибудь вика, или ручья, и оттуда выныривать на ничего не подозревающую добычу; так он пробирался вдоль побережья от вика к вику, преследуя и грабя все, что попадалось ему на пути. И во всех своих сражениях он не получал ни одной раны, не терял ни одного корабля, но всегда одерживал победу. Боги считали его самым благосклонным среди всех викингов Йомсбурга, и слава о нем распространилась далеко и широко.

Когда в начале зимы Олаф вернулся в Йомсбург, он узнал, что отец ярла Сигвальди, Струт-Харальд из Сканея, только что умер. В те времена было принято, что высокородный, прежде чем вступить во владение наследством, оставленным ему отцом, должен был устроить арвель, или наследственный пир. Король Свейн в это время готовился устроить такой пир перед вступлением во владение датским королевством, поэтому было решено, что Свейн и Сигвальди устроят один арвель, который будет служить им обоим, и Свейн послал Сигвальди весточку, приглашая его со всеми его капитанами и избранными воинами присоединиться к нему в Зеландии, и так устроить, чтобы мертвому была оказана как можно большая честь.

Сигвальди вышел из Йомсбурга с большим отрядом викингов и двумя десятками кораблей. Среди его капитанов были Олаф Тригвисон, Колбиорн Сталларе, Буй Толстый из Боргундского холма, Торкель Высокий и Вагн Акисон. Стояла зима, море было бурным, но флот без бед прошел через датские острова и встал на якорь в большой бухте, возле которой сейчас стоит город Копенгаген. Король Свейн принял ярла Сигвальди и всех его людей с большой добротой.

Пир проходил в очень большом зале, специально построенном для приема гостей, украшенном великолепной резьбой по дереву и увешанном мирными щитами и занавесями из красивого гобелена. Король Свейн был одет в очень красивые пурпурные одежды, на его руках и шее были золотые кольца, а на голове - лента из обожженного золота, усыпанная драгоценными камнями. Его борода, которая была еще совсем короткой, была подстрижена особым образом - разделена на два зубца, - за что его прозвали Свейном Вилобородым. Столы были завалены вареной едой и белым хлебом, которых хватило бы на три дня для всей большой компании. Эль и медовуха лились обильным потоком, и в зале царило веселье. Присутствовало много высокородных женщин, и гости сидели парами, каждый мужчина и женщина вместе. Олаф Триггвисон взял себе в спутницы принцессу Тиру, сестру короля.

В разгар пира Тира обратилась к Олафу и спросила его настоящее имя.

"Люди зовут меня Оле Эстонец, - ответил Олаф.

"Я уже многое знала", - ответила Тира. "Это то же самое имя, которое ты носил, когда мы впервые встретились в Вендланде. Но когда я смотрю на тебя, вижу твои шелковистые волосы и светлую кожу, мне кажется, что ты должен быть королевского происхождения".

"Не всегда хорошо судить по внешности", - с улыбкой сказал Олаф. И он снял золотое кольцо с толстой части своей обнаженной левой руки. Тира на мгновение задержала взгляд на его руке и увидела на ней клеймо, свидетельствующее о том, что он был рабом; с этого момента она перестала относиться к нему с личным интересом.

На подобных пирах было принято, чтобы высокое кресло или трон человека, которого собрались почтить гости, оставался свободным до тех пор, пока не прозвучат поминальные тосты за усопшего и за самых могущественных из их ушедших родственников. В соответствии с этим обычаем король Свейн встал и выпил чашу памяти за своего отца. Затем он взошел на высокое сиденье и этим вступил во владение своим наследством. Кубок наполнялся и опустошался до последней капли каждым мужчиной по очереди.

В тот первый вечер йомсбургские викинги пили жадно, и каждый раз, когда их рога опустошались, они наполнялись вновь, переполняясь самым крепким. Когда так продолжалось некоторое время, король Свейн увидел, что его гости почти все пьяны.

"Здесь большое веселье", - сказал он, поднимаясь и держа на весу свой серебряный рог для питья. "И я предлагаю найти новое развлечение, которое надолго останется в памяти".

Сигвальди ответил: "Мы считаем самым подходящим и лучшим для развлечения, чтобы ты, повелитель, сделал первое предложение, ибо все мы должны слушаться тебя и следовать твоему примеру".

Тогда король рассмеялся и сказал: "Я знаю, что на больших пирах и собраниях всегда было принято, чтобы все присутствующие давали обеты совершать великие и доблестные деяния, и я готов попробовать сделать это сейчас. Ибо, как вы, йомсвикинги, гораздо более знамениты, чем все остальные люди в этой северной половине мира, так и клятвы, которые

вы дадите здесь, будут настолько же более знамениты, чем другие, насколько вы более велики, чем другие люди. И чтобы показать вам пример, я сам начну".

Он наполнил свой рог для питья до краев и держал его высоко, а все с нетерпением и молчанием ждали, какую клятву он произнесет.

"Вот она, - сказал он громким голосом, который хорошо слышали те, кто находился в самом дальнем конце зала. "Я клянусь, что до того, как пройдет третья зимняя ночь, я изгоню короля Англии Этельреда из его королевства, или же убью его, и таким образом получу его королевство себе!"

И, сказав так, он отпил из своего глубокого рога.

Все удивились этой великой клятве, ибо мало кто слышал даже имя короля Этельреда.

"Теперь твоя очередь, Сигвальди, - воскликнул Свейн, вытирая мокрые губы тыльной стороной ладони, - и произнеси не меньшую клятву, чем я".

Затем носильщики принесли викингам самые большие рога самого крепкого напитка, который там был, и Сигвальди поднялся на ноги. Сначала он предложил помянуть своего умершего отца, а перед тем как поднести напиток к губам, добавил к нему эту клятву:

"Клянусь, - сказал он, - что, прежде чем пройдут три зимы, я приплыву в Норвегию и убью ярла Хакона, а то и вовсе изгоню его из страны".

Это была та самая клятва, которую Олаф Триггвисон решил дать, когда придет его черед, и он был раздосадован тем, что ярл Сигвальди как бы вырвал ее из его уст. Теперь он обдумывал, какую еще клятву можно дать вместо нее. Но случилось так, что, когда подошел его черед, все собравшиеся либо спали, либо были настолько пьяны, что не могли слушать, так что в конце концов он не дал никакой клятвы. Однако до последнего он был так же трезв, как и тогда, когда впервые вошел в зал, и до сих пор помнил о прозвучавших хвастливых клятвах. Многие из его товарищей-викингов - Торкель Высокий, Буй Толстый и Вагн Акисон - заявили, что последуют за своим вождем в Норвегию, а другие из последователей Свейна поклялись сопровождать короля в Англию; и, дав эти обещания, никто не посмел от них отступить.

На следующий день, когда викинги пришли в себя, они решили, что наговорили достаточно громких слов, и собрались на совет, как им организовать поход против ярла Хакона, и закончили его тем, что решили начать его как можно раньше. Всю оставшуюся зимнюю пору люди Йомсбурга усердно готовились к путешествию. Они снарядили свои лучшие военные корабли и нагрузили их оружием, а воинов набрали до восьми тысяч хорошо обученных людей и восемьдесят отборных боевых кораблей.

И вот, когда снега той зимы растаяли в долинах, а моря очистились от льдин, Сигвальди повел свое войско на север через Эйр-Саунд и на некоторое время залег в Лайм-Фирте. Там он разделил свои силы, оставив в лимане двадцать баркасов Олафа Триггвисона, чтобы они могли перехватить ярла Хакона, если тот ускользнет от основного флота. Это была непродуманная мера, но Сигвальди не знал, что силы ярла Хакона значительно превосходят по численности его собственные. Корабли Олафа были оставлены на попечение Колбиорна Сталларе, а сам Олаф отправился на борт драконьего корабля Вагна Акисона.

Затем ярл Сигвальди отплыл в море с шестьюдесятью кораблями и прибыл в Агдир, что на юге Норвегии. И там он занялся грабежом во владениях ярла Хакона.

ГЛАВА X: БИТВА ПРИ ЙОМСВИКИНГАХ.

Слух о смелых клятвах, которые дали йомсвикинги, быстро распространился по всей земле, и весть о готовящейся большой войне вскоре достигла Норвегии. Ярл Эрик Хаконсон услышал их в свое время в том месте, где он жил в королевстве Раум, и сразу же собрал вокруг себя своих людей и отправился на Возвышенность, а оттуда на север через горы в Трандхейм, чтобы встретиться с ярлом Хаконем, своим отцом. Ярл Хакон очень боялся викингов Йомсбурга и, услышав эту новость, послал военную стрелу по всей стране Трандхейма, в Мере и Раумсдейл, а также на север, в Наумдейл и Халогаланд; и в ответ на этот призыв собрался огромный флот военных кораблей на сто восемьдесят килей и одиннадцать тысяч воинов. Такого количества кораблей и воинов никогда прежде не видели вместе во фьордах.

Жил да был один человек по имени Гирмунд, который плавал на рыбацком ялике среди островов Ее. Он плыл на север к Мере, и там он встретился с ярлом Хаконем и рассказал ярлу о войске, пришедшем в эти земли из Дании.

"Откуда мне знать, что то, что ты рассказываешь, правда?" - спросил граф. "И что ты можешь показать?"

Гирмунд вытянул вперед правую руку с кистью, отрубленной у запястья.

"По этому знаку ты можешь узнать, что эти корабли пришли", - сказал он.

Тогда ярл Хакон подробно расспросил его об этом новоприбывшем враге, и Гирмунд рассказал ему, что это викинги из Йомсбурга, и что они убили многих людей из этой земли и грабили далеко и широко.

"Быстро идут они на север, - сказал он, - и с большим нетерпением, и не пройдет много времени, как они настигнут тебя".

И тогда граф поплыл через лиманы со своим флотом навстречу врагам.

Йомсвикинги плыли на север вдоль побережья, грабя и опустошая все, где бы они ни высадились. Они совершали большие набеги на побережье и часто сжигали города и селения. Они лежали в Ульфасаунде, недалеко от Стада, когда они и Хакон ярл слышали друг о друге. В это время им нужна была еда, и Вагн Акисон и Олаф Триггвисон отправились на ялике к острову Хоэд, не зная, что граф лежит в бухте неподалеку от острова. Вагн и Олаф высадились на берег со своими людьми, желая, если удастся, совершить вылазку, и случайно встретили пастуха, который вел трех коров и двенадцать коз.

Вагн крикнул своим людям: "Возьмите коров и коз и зарежьте их для наших кораблей".

Пастух спросил: "Кто командует людьми на твоем корабле?"

"Вагн Акисон из Йомсбурга", - был ответ.

"Тогда я думаю, что недалеко от тебя есть более крупный скот для забоя, чем мои бедные коровы и козы", - сказал пастух.

Вагн не понял его смысла. Но Олаф Триггвисон с опаской посмотрел на него и сказал:

"Если ты знаешь что-нибудь о путешествии Хаконя ярла, расскажи нам немедленно. И если ты сможешь правдиво сказать нам, где он, то твои коровы и козы будут в безопасности".

Пастух молчал много мгновений, но наконец спокойно ответил: "Ярл Хакон лег сегодня ночью с одним или двумя кораблями под укрытием острова Хоэд, и вы можете убить его, когда захотите, потому что он все еще стоит на якоре в бухте и ждет своих людей".

"Значит, твой скот в безопасности", - ответил Вагн. "И ты получишь хорошую награду, если поднимешься на борт нашего корабля и покажешь нам дорогу в бухту".

Ульф - так звали пастуха - отправился на борт ялика рано утром, а Вагн Акисон, как только смог, вернулся в Йомсбург и рассказал новости, которые быстро распространились по кораблям. Ярл Сигвальди сразу же бросил якорь и отплыл к северу от острова, дав тем временем команду своим викингам готовиться к бою.

Олаф Тригвисон очень обрадовался этой перспективе напасть и победить гордого человека, который шестнадцать лет властвовал в Норвегии. Если, как сообщил пастух Ульф, у ярла Хакона всего один или два корабля, то йомсбуржцам будет очень легко его победить, и кто может сказать, какие славные результаты за этим не последуют? Несмотря на то что Олаф не сам возглавлял нынешнюю экспедицию, он был уверен, что ожидаемая победа должна привести к осуществлению его личных планов. Не исключено, что ярл Сигвальди, оказавшись легким завоевателем, попытается вступить во владение королевством и присвоить себе имя и достоинство короля Норвегии. Но Олаф, всегда исполненный надежд и бодрости, верил, что, не прилагая особых усилий, он сможет легко доказать людям, что он, прямой потомок Харальда Фэйрхайра, имеет такие права, которыми не могут похвастаться ни Сигвальди, ни даже великий ярл Хакон.

Во время своего путешествия на кораблях викингов вдоль побережья Западной Норвегии Олаф впервые увидел дикое великолепие фьордов с их глубокими синими морскими просторами, уходящими далеко вглубь страны между крутыми обрывами, оплетенными сверкающими водопадами. Он увидел гигантские горы, вздымающиеся высоко в небо, с их суровыми вершинами, покрытыми снегом, и нижними склонами, покрытыми обширными лесами высоких сосен. Часто перед ним открывалась плодородная долина с зеленеющими пастбищами и узкими полосками пахотной земли. Это была страна, которой правил король Харальд Фейрхейр, и сейчас Олаф впервые осознал величие своего наследия. Он решил смело и бесстрашно сражаться в предстоящей битве, чтобы таким образом приблизиться к владению своим родовым правом и цели своих растущих амбиций.

Его назначили командиром одного из самых больших драконьих кораблей, и пока флот огибал остров - его судно шло бок о бок с судном Вагна Акисона, - он спустился вниз, облачился в свои самые крепкие доспехи, взял в руки тяжелый боевой топор и хорошо закаленный меч, подаренный ему королем Вальдемаром. Погода стояла яркая и теплая, и на нем не было плаща, а только тесно связанный плащ из кольчуги, медный шлем с крылатым драконом на гребне и щит с бородкой. Его длинные светлые волосы, ниспадавшие на широкие плечи, точеные черты лица, прекрасные голубые глаза и чистый румяный цвет кожи в этот день были заметны как никогда раньше, а крепкие мускулистые конечности и мужественная фигура выделяли его как самого благородного и красивого человека из всей компании викингов.

Вернувшись на палубу, он сразу же занял свое место у румпеля и окинул взглядом синее, освещенное солнцем море. В этот момент с носа драконьего корабля Сигвальди донесся истошный крик. Флот находился на расстоянии вытянутой руки от низкого берега острова Хоэд, и теперь было видно, что широкая бухта за ней сплошь заполнена военными кораблями. Пастух Ульф предал викингов в руки ожидающего их врага. Когда его предательство обнаружили, он подбежал к поручням корабля Вагна Акисона и прыгнул за

борт, намереваясь доплыть до берега, не дожидаясь награды. Вагн метнул в него копье, но не попал. Олаф Тригвисон, увидев, что пастух плывет за кормой, подхватил копье левой рукой и метнул в него. Оно попало ему в середину и убило его.

Йомсвикинги со своими шестьюдесятью кораблями вошли в большой залив. Они разделились на три части, и ярл Сигвальди поставил свой флагман в центре боевой линии. К северу от него расположились двадцать кораблей под командованием Буя Толстого и Сигурда Капы, а Вагн Акисон и Олаф Тригвисон держали южное крыло.

Ярл Хакон решил, кто из его капитанов должен сразиться с этими чемпионами. Обычно в таких битвах корабль сражался с кораблем, а человек с человеком; но в большинстве случаев Хакон, чьи силы значительно превосходили силы его врагов, выставлял три своих корабля против одного корабля викингов. Сам он не был поставлен ни против кого, но должен был поддерживать всю линию и командовать ею. Его сын Свейн занимал главную позицию в центре сражения, напротив предводителя викингов. Против подразделения Буи был поставлен великий норвежский воин по имени Торкель Лейра. Крылу, которое держали Вагн Акисон и Олаф Тригвисон, противостоял старший сын ярла Хакона, Эрик. У каждого вождя было свое знамя в щитовом бугре на носу.

Зазвучали боевые рога, над враждующими флотами взвились стрелы вызова, берсерки с обеих сторон сцепились оружием и закусали края своих щитов, приходя в дикую боевую ярость. Затем флоты сблизились под шквалом стрел, и началась жестокая битва.

Корабли викингов были выше в корпусе, чем у норвежцев, и это давало им преимущество, так как, сбросив захваты и сцепив корабли, йомсбуржцы могли обрушить стрелы и копья на головы своих врагов. Наступление и атака были проведены безупречно, и долгое время казалось, что нет уверенности в том, какая из сторон одержит верх. Но в конце концов ярл Хакон, поддерживавший своего сына Свейна против Сигвальди, увидел, что его северное крыло отходит назад, и поспешил ему на помощь. Тем не менее Буй Толстый по-прежнему теснил норвежцев тяжелыми ударами и непрекращающимся дождем стрел и копий, и казалось, что в этот момент викинги быстро одерживают победу. Однако на южном фланге бой был более равным, и ярл Эрик решил отправиться на помощь брату. Он отправился туда, но не смог сделать ничего, кроме как снова выстроить крыло в линию. Затем Хакон вернулся, чтобы сразиться с Сигвальди.

В результате этого короткого отсутствия ярл Эрик ослабил южное крыло, а когда вернулся, чтобы защитить свои корабли, то обнаружил, что Вагн Акисон и Олаф Тригвисон прорвались сквозь строй и устроили большой хаос. Однако Эрик был храбрым воином, и он без колебаний предпринял смелую атаку на корабли этих двух чемпионов. Он встретил их с четырьмя своими лучшими кораблями против двух. Битва в этот момент приобрела яростный характер, и резня с обеих сторон была огромной. Вагн и Олаф со своими берсерками вскочили на корабль Эрика, и каждый пошел по обе стороны от него, расчищая себе путь, так что все отступили перед могучими ударами. Эрик видел, что эти два воина так свирепы и безумны, что он не сможет долго противостоять им, и что нужно как можно скорее прийти на помощь ярлу Хакону. И все же он подгонял своих людей, и они оказывали мужественное сопротивление. На Олафа часто нападали сразу трое или четверо берсерков, но он отражал каждый удар и почти не пострадал. Он сражался то мечом, то боевым топором, а иногда даже обоими видами оружия, по одному в каждой руке, нанося множество тяжелых ударов и убивая многих. И когда палубы были очищены, на борт поднялись другие отряды мужчин с соседних кораблей. Олаф хотел сойтись в рукопашном бою с ярлом Эриком, но Эрик всегда избегал его.

В разгар этого конфликта один из людей Эрика вышел вперед и перерезал крепления, скреплявшие корабли, так что драконий корабль Олафа разлетелся в стороны. Олаф заметил это и с боем пробился через палубу к месту, где находился Вагн Акисон. В этот момент норвежцы бросились врассыпную, и Вагн с Олафом устремились к одному из своих кораблей. Они вскочили на него и отплыли на некоторое расстояние, чтобы отдохнуть и подготовиться к новой атаке.

В битве наступила пауза, и стало видно, что корабль ярла Хакона отнесло на сушу, вне досягаемости стрел йомсвикингов. Легенда рассказывает, что, видя, что битва идет против него, он взял с собой на берег несколько человек, а также своего маленького сына Эрлинга - отрока семи лет. Выйдя на лесную поляну, он помолился богам и предложил умиловить их человеческой жертвой. Когда ему показалось, что его клятвы и молитвы услышаны, он взял юного Эрлинга и предал его смерти. Затем он вернулся к битве, и тут внезапно изменилась погода. Небо на севере начало темнеть, и с моря надвинулась тяжелая черная туча, быстро распространяясь. Сразу же последовал ливень с градом, и йомсвикингам пришлось сражаться лицом против слепящей бури, которая была настолько ужасной, что некоторые из мужчин не могли ничего сделать, кроме как стоять против нее, так как они уже сняли одежду из-за жары. Они начали дрожать, хотя в основном сражались достаточно храбро.

Теперь преимущество было на стороне Хакона ярла, который был уверен, что боги приняли жертву его сына и намерены даровать ему победу. Говорят, что некоторые видели, как девы Одина, валькирии, стояли на носу корабля Хакона и посылали смертоносный град метких стрел.

Викинги сражались вслепую, хотя их сильно теснили, а палубы были скользкими от слякоти крови и тающего града, но, несмотря на сумерки и бушующий шторм, они все еще держались. Но в конце концов граф Сигвальди начал падать духом.

"Мне кажется, - воскликнул он, - что сегодня нам предстоит сражаться не с людьми, а с самыми страшными извергами".

Кто-то напомнил ему о клятве, которую он дал на наследственном пиру у короля Свейна.

"Я не клялся сражаться с извергами!" - ответил он; и, увидев, что ярл Хакон готовится к новому натиску, добавил: "Теперь я бегу, и все мои люди со мной, ибо битва еще хуже, чем когда я говорил о ней раньше, и я больше не выдержу".

Он отвернул от своего корабля и крикнул Вагну и Буи, чьи корабли теперь находились рядом с его собственным, чтобы они поспешили за ним. Но эти два чемпиона оказались храбрее своего вождя. Вагн Акисон увидел, что Сигвальди отступает, и в ярости закричал ему вслед:

"Почему ты бежишь, злая гончая, и бросаешь своих людей на произвол судьбы? Этот позор будет висеть на тебе все дни твоей жизни!"

Граф Сигвальди ничего не ответил, и хорошо, что не ответил, потому что в тот же миг из руки Вагна вылетело копье в того, кто стоял у руля, на месте, которое обычно занимал вождь. Но Сигвальди, замерзнув, взял одно из весел, чтобы согреться, и вместо него был убит человек у руля.

Теперь смятение охватило весь флот викингов. Строй нарушился, и пять и двадцать их кораблей последовали за ярлом Сигвальди. Наконец остались только Вагн Акисон и Буй Толстый. И вот ярл Хакон остановился рядом с кораблем Буи, и завязался бой, равного которому не было во всех битвах северян. Два великих берсерка из Йомсбурга - Хавард

Хьюэр и Аслак Рокскулл - перелезли через борт корабля Хакона и устроили огромный хаос, пока один из исландцев не схватил наковальню, лежавшую на палубе, и не обрушил ее на голову Аслака. Гаварду отрубили обе ноги, но он продолжал яростно сражаться, стоя на коленях. Копья и стрелы свистели вокруг головы ярла Хакона, а его почтовый плащ был так изрезан и измят, что упал с него. Казалось, теперь немногие оставшиеся йомсвикинги получают славу победы в свои руки. Но в самый разгар боя ярл Эрик Хаконсон с толпой людей поднялся на борт галеры Буи Толстого, и в первом же натиске Буи получил рассечение мечом по губам и подбородку. Он не вздрогнул, а попытался отмахнуться от ранения шуткой.

"Теперь красотки из Боргундского хольма не будут так любить меня целовать", - сказал он.

Тогда норвежцы навалились на него огромной толпой, и он увидел, что дальнейшее сопротивление бесполезно. Он взял два сундука с золотом, по одному в каждую руку, и, взобравшись на борт своего корабля, закричал: "За борт весь народ Буи!" и бросился в море. После этого многие из его людей последовали его примеру, а остальные были убиты. Так корабль Буи был очищен от форштевня до кормы.

Вагн Акисон и Олаф Тригвисон остались единственными чемпионами из всех викингов Йомсбурга, и на их стороне было не более пятидесяти человек. Ярл Эрик поднялся на борт их драконьего корабля, и завязалась ожесточенная схватка. Но норвежцев было больше, и когда все викинги, кроме тридцати, были убиты, Вагн Акисон сдался и призвал Олафа последовать его примеру.

"Никогда не скажут, что я сдался кому-то!" - гордо воскликнул Олаф. "Скорее я умру в бою".

И, схватив свой боевой топор, он приготовился противостоять всем, кто приблизится к нему. Но как ни был он силен и доблестен, ему не удалось выстоять против толпы воинов, собравшихся вокруг него. Его схватили сзади, обезоружили и связали по рукам и ногам крепкими веревками. Таким же образом связали Вагна Акисона и всех остальных пленников.

В сумерках их отвели на берег, где ярл Хакон высадился и разбил свои шатры.

Теперь перед ярлом Хаконом встал вопрос, что делать с этими тридцатью пленниками. Он не сомневался, что, поскольку это все, что осталось от йомсбуржцев, они были самыми храбрыми и стойкими из всех викингов, участвовавших в великой битве, и опасался, что если оставить их в живых, они непременно навлекут на него большую беду. Поэтому он приказал их зарубить. Этот приказ, а также тот факт, что ради победы он пожертвовал собственным сыном, норвежцы припомнили ему впоследствии, и он снискал ненависть своего народа.

Рано утром Вагна и Олафа с их тридцатью товарищами вывели перед шатрами для казни. Их заставили сесть в ряд на ствол поваленного дерева. Ноги связали веревками, но руки оставили свободными. Палачом был назначен Торкель Лейра, крепкий воин, совершивший великие подвиги в битве. Этот же Торкель был старым врагом Вагна Акисона, и на арвеле короля Свейна Вагн дал торжественную клятву, что умрет от его руки. Казалось, что Вагна, как и других викингов, которые так смело говорили на том пиру, обманут в его клятве, но он решил встретить свою смерть храбро.

Когда все было готово, Торкель появился перед пленниками с большим топором. Он поставил Вагна Акисона на конец бревна, намереваясь держать его до последнего, чтобы увеличить его мучения. Но Вагн сидел, болтая и шутя со своими спутниками, и было много смеха. Ярлу Хакону хотелось знать, так ли выносливы эти люди и так ли стойко они относятся к смерти, как рассказывают, и каждому из них, когда наступал его черед, палач задавал какой-нибудь вопрос, например: "Как ты хочешь умереть?", и каждый отвечал по-своему.

"Я не был бы достойным йомсвикингом, если бы боялся смерти", - сказал один; и тогда Торкель нанес ему удар. Другой сказал: "Умереть от руки храброго воина - большое удовольствие, хотя я бы предпочел, чтобы мне дали возможность первым нанести ему удар". Третий: "По крайней мере, я умру в хорошей компании; но сначала позвольте мне затянуть пояс". Один из них сказал: "Я очень хочу умереть, но бейте меня скорее; у меня в руке застёжка моего плаща, и я воткну ее в землю, если что-нибудь узнаю после того, как с меня снимут голову". И вот голова его была снесена, а застёжка упала с бессильной руки.

Восемнадцать викингов были убиты, когда дошла очередь до Олафа Тригвисона, и в этот момент на сцену вышел ярл Эрик. Олаф обнажил шею и взметнул над головой длинные золотистые волосы.

"Пусть ни одна капля крови не попадет на мои волосы!" - сказал он. Торкель велел одному из прохожих подержать моток волос, пока он будет отрубать голову Олафу. Тот взял прекрасные волосы в две руки и держал их, а Олаф вытянул шею. Торкель поднял свой топор. Тогда Олаф резко откинул голову назад, и так получилось, что удар пришелся по человеку, державшему его волосы, и топор отрубил ему обе руки.

"Кто этот славный юноша?" - спросил ярл Эрик, выходя вперед перед Олафом.

"Ребята зовут меня Оле Эстонец", - ответил Олаф.

"Ты не эстонец по происхождению", - ответил Эрик. "Из какой же ты земли?"

"Какая разница, раз я из Йомсбурга?" - спросил Олаф.

"Я думал, что ты из Норвегии, - сказал Эрик, - а раз так, то нехорошо, что ты умер. Каков твой возраст?"

Олаф ответил: "Если я проживу эту зиму, мне будет три и двадцать зим".

Эрик сказал: "Ты проживешь эту зиму, если на то будет моя воля, ибо я не люблю, когда такой красивый и сильный человек подвергается такой смерти. Будешь ли ты жить спокойно?"

"Это зависит от того, кто предложит мне жизнь", - ответил Олаф.

"Тот, кто предлагает ее, обладает властью - сам эрл Эрик", - ответил граф.

"Тогда я с радостью принимаю предложение", - сказал Олаф. И ярл Эрик приказал своим людям освободить Олафа от привязи.

При этом Торкель Лейра разгневался, опасаясь, что, раз граф в прощающем настроении, ему самому помешают отомстить Вагну Акисону.

"Хоть ты, ярл Эрик, и даруешь мир всем этим людям, - вскричал он, - но Вагн Акисон никогда не уйдет отсюда живым!" И, размахивая топором, он бросился на своего врага. Однако один из людей на бревне, видя опасность, грозящую его вождю, бросился вперед, так что Торкель споткнулся и упал, выронив топор. Мгновенно Вагн Акисон вскочил на ноги, схватил топор и нанес Торкелю Лейру смертельный удар.

Таким образом, Вагн Акисон стал единственным из йомсвикингов, кто выполнил то, что поклялся сделать.

Ярл Эрик, преисполненный восхищения этим подвигом, сказал Вагну:

"Хочешь ли ты мира, Вагн Акисон?"

"Я приму мир с радостью, если все мои товарищи также получают его", - ответил викинг.

"Пусть их всех освободят", - приказал граф. Так и было сделано. Восемнадцать пленников уже были казнены, но четырнадцать получили мир.

Оставшиеся четырнадцать человек в качестве платы за свою свободу должны были поступить на службу к ярлу Хакону. Даже Олаф сделал вид, что согласен с этим условием, и помог норвежцам расчистить опустошенные в битве берега и завладеть различными кораблями викингов, которые либо были покинуты их экипажами, либо все их бойцы были убиты. Но он не собирался соблюдать свой договор. В общей суматохе он сумел пробраться на борт своего собственного разбитого драконьего корабля. Там он обменял свои потрепанные доспехи на добротную одежду моряка, большой плащ, меч и мешок с золотом. Он оставался на борту до ночи, а затем, погрузившись в небольшую парусную лодку, которой он предусмотрительно снабдил себя, вышел из бухты и вскоре был уже далеко среди шхер, в безопасности от преследования.

Исчезновение Олафа Тригвисона почти не было замечено норвежцами, которые в это время устраивали пиршества в честь своей победы. Но если бы ярл Хакон из Ладе мог заглянуть в будущее и увидеть бедствия, которые ожидали его от рук этого светловолосого молодого викинга, он наверняка переплыл бы все фьорды и каналы Норвегии, пытаясь вернуть беглеца и предать его той участи, которой он так легко избежал.

ГЛАВА XI: ЗАПАД-ПЕРЕД СЕВЕРОМ.

Когда граф Сигвальди, обнаружив, что шансы на войну складываются прямо против него, бежал из битвы, многие викинги последовали за ним, полагая, что он лишь намеревается сделать новый рывок и в скором времени вернуться в бой. То, что вождь Йомсбурга мог быть виновен в подлой трусости, превосходило их разумение; к тому же они были обязаны поклясться во всем ему подчиняться. Около двадцати его кораблей вышли за ним из бухты, и капитаны следили за ним, готовые по первому сигналу повернуть назад. Но Сигвальди не подал никакого сигнала и лишь показал своей крайней поспешностью, что он действительно намерен совершить недостойное и трусливое отступление.

Юстин и Гутмунд, два капитана викингов, плывших вслед за вождем, повернули свои корабли и громко закричали своим соседям, чтобы они вернулись вместе с ними на битву и на помощь храбрецам, которые были так беспечно покинуты; и многие поставили носы. Но было уже слишком поздно: мало того, что удача в битве теперь была полностью в руках норвежцев, так еще и буря с градом и ветром, которая с каждым мгновением становилась все сильнее, не позволяла кораблям продвигаться вперед против ее ярости. Поэтому всех, кто последовал за Сигвальди, впоследствии обвиняли в трусости, несмотря на то, что большинство из них желали и стремились вернуться.

Сигвальди поспешно плыл на юг, пока не вошел в один из широких каналов, и тогда буря прекратилась так же внезапно, как и началась. Вечером корабли укрылись под одним из островов и встали там на якорь, чтобы очистить палубы и привести их в порядок. Этой ночью, не зная вождя, состоялся совет, и капитаны во главе с Гутмундом решили, что больше не будут служить и подчиняться вождю, который настолько забыл о строгих законах викингов, что проявил страх перед лицом врага.

Поэтому ранним утром, когда ярл Сигвальди поднял свой штандарт и вышел в открытое море, никто не последовал за ним. Он быстро догадался о причине и, вместо того чтобы попытаться вернуть своих бывших друзей, поставил парус по ветру и отправился на запад через море.

Гутмунд был избран командиром двадцати баркасов, и когда корабль Сигвальди скрылся из виду, якоря были подняты, и маленький флот двинулся на юг среди островов. Здесь, где каналы были узкими и опасными из-за скрытых скал, паруса были малопригодны, а у людей, изможденных боем и болевшими от ран, оставалось мало сил для работы на веслах, так что продвижение было медленным.

На третье утро корабли находились всего в нескольких милях к югу от Ульфасаунда, когда они столкнулись с небольшой парусной лодкой далеко за пределами видимости суши. В лодке был только один человек, и он сидел на корме, держа в одной руке простыню, а в другой - румпель. Его голова была склонена, а подбородок лежал на груди. Он крепко спал.

Гутмунд, чей корабль был ближе всех, громко позвал его, спрашивая, не поймал ли он рыбу этой ночью. Но лодочник по-прежнему спал. Тогда Гутмунд поднял стрелу и выпустил ее так, что она попала в мачту лодки. В одно мгновение человек поднялся на ноги, сбросил плащ и встал. Утреннее солнце освещало его голову со спутанными золотыми волосами и часть кольчуги. Он выглядел очень благородно и красиво, и все корабельщики с изумлением смотрели на него.

"Клянусь воронами Одина! Это молодой Оле Эстонец!" - воскликнул Гутмунд. И он позвал Олафа подняться на борт.

Олаф сначала отказался, сказав, что, хотя он уже два дня не ел и был болен и слаб от потери крови и недостатка отдыха, он никогда не унижит себя, принимая гостеприимство людей, бросивших своих товарищей в пылу битвы.

"Где граф Сигвальди?" - вскричал он. "Дайте мне увидеть его, чтобы я мог сказать ему в лицо, что он трус!"

"Мы откололись от него и больше не являемся его людьми", - ответил Гутмунд. "Он уплыл на запад через море к Оркнейским островам. Теперь мы остались без вождя и были бы очень довольны, если бы ты, хорошо зарекомендовавший себя чемпион, принял командование над нами; и мы все до единого дадим клятву служить тебе и следовать за тобой, куда бы ты ни решил нас повести".

"Если это так, и если среди вас нет ни одного храбреца, - сказал Олаф, - то я поступлю так, как ты предлагаешь".

И он подвел свою лодку к борту и взобрался на борт.

Когда он принял питье и еду, умылся и причесался, он рассказал, как закончилась битва и как он спасся.

Викинги были рады, что у них есть такой вождь, как Олаф Триггвисон, ибо они не только были уверены в его доблести, в его умении руководить людьми и в его неизменной храбрости, но и помнили, что ему принадлежит эскадра линкоров, оставленная в Ютландии под командованием Колбиорна Сталларе; и они справедливо полагали, что Олаф с этим объединенным флотом не будет долго отдыхать, прежде чем отправится в какой-нибудь новый воинственный поход.

Во время плавания на юг Олаф ничего не говорил о своих планах. Но когда он присоединился к другому своему флоту в Лайм-Фирте, то сразу же поднялся на борт своего драконьего корабля и провел совет с Колбиорном. Колбиорн был рад снова видеть своего господина, и они приветствовали друг друга как братья.

"Мне кажется, - сказал Кольбьерн, когда Олаф рассказал ему о поражении йомсвикингов, - что теперь с этими сорока кораблями, которые принадлежат нам, мы могли бы отправиться в Норвегию и отомстить ярлу Хакону. Если мы сможем застать его врасплох, наши шансы победить его будут велики, и кто может сказать, что ты преуспеешь там, где потерпел неудачу Сигвальди, и сделаешь себя королем Норвегии?"

Но Олаф покачал головой.

"Не так, - сказал он, - ярл Хакон гораздо более великий человек, чем ты думаешь, Кольбьерн. Его власть прочно укрепилась в стране, а люди довольны и процветают под его властью. Я не боюсь встретиться с ним в бою. Но наши силы очень малы по сравнению с огромной армией людей и кораблей, которую Хакон может собрать в любой момент, и попытка совершить это путешествие, которое ты предлагаешь, приведет лишь к катастрофе. Я уже три дня вынашиваю в голове план получше".

"Что это за план?" спросил Кольбьерн.

Олаф ответил: "Когда мы были на наследственном пиру у короля Свейна, Свейн дал клятву, что намерен отправиться за моря в Англию и изгнать короля Этельреда из его королевства. Теперь мне кажется, что Англию гораздо легче завоевать, чем Норвегию, иначе Свейн Форкборд никогда бы не решился на такую попытку. Я слышал, что король Этельред всего лишь юноша - на пять лет моложе меня, - что он не боевой человек, а слабый дурак. Я уверен, что у него очень мало кораблей для защиты своих берегов. Кроме того, жители Англии - христиане, и мне кажется, что мы окажем большую услугу Одину и Тору, а также всем остальным нашим богам, если снесем все христианские храмы и восстановим поклонение богам Асгарда. Если же мы ведем войну в Норвегии, то сражаемся против тех, кто поклоняется так же, как мы сами, убиваем людей, говорящих на том же языке, что и мы, чья кровь - наша собственная кровь, а дома - родные места. Многие норманны наворовали в Англии и создали большие поселения на английских берегах. Почему бы нам не последовать их примеру, почему бы нам не завоевать все королевство?"

Колбиорн расхаживал по каюте, не высказывая поначалу никакого мнения об этом смелом замысле.

"Сейчас у нас от семи до восьми тысяч человек, - продолжал Олаф.

"Это достаточно мало для вторжения в такую великую страну, как Англия", - сказал Кольбьерн. "Я думаю, что у нас будет гораздо больше шансов на успех, если мы объединимся со Свейном Форкбердом".

"Мой опыт общения с графом Сигвальди уже научил меня, что я могу управлять с большим успехом, когда я сам себе хозяин", - сказал Олаф. "Кроме того, король Свейн сейчас враждует с датским народом, и ему будет нелегко отправиться на войну в чужие земли, не рискуя потерять свой собственный трон. Слава или неудача этой экспедиции должна принадлежать только нам, и как только мы сможем подготовить корабли, я намерен отплыть".

Примерно в это время последователи Олафа Тригвисона дали ему имя короля. Это был титул, который морские скитальцы севера часто давали человеку, которого они выбирали своим

вождем, и он подразумевал, что это вождь, управляющий воинами и обладающий большим количеством боевых кораблей. Нечасто такой король владел землями. Его царством было море - "земля Рана", а его владениями - корабли. В английских хрониках и историях этого периода Олаф упоминается как король норвежцев; но он еще не был королем в том смысле, в каком Свейн Форкбоард был королем Дании или Этельред - королем Англии. То, что он был королевского происхождения, держалось в секрете до тех пор, пока он не вторгся в Англию и не подружился с королем Этельредом. Тем не менее, его спутники называли его королем Оле, и это имя приклепилось к нему на протяжении всех его странствий.

На борту кораблей было много раненых, и, пока Олаф лежал в Лайм-Ферте, некоторые из них умерли; другие, чьи конечности были искалечены и кто уже не мог работать на веслах или участвовать в сражении, остались в Ютландии. Только тем, кто был во всех отношениях здоров и силен, разрешили остаться на флоте. Когда все было готово, Олаф водрузил свой штандарт и боевые щиты и вышел в море.

Сначала он отправился в Саксландию. Там он промышлял вдоль побережья и получил хороший запас скота и кукурузы, а также завоевал много людей и два других корабля. Затем он направился во Фрисландию и те края, которые сейчас покрыты рекой Зюйдер-Зее, и так далее на юг, к землям фламандцев. К тому времени осень уже далеко зашла, и Олаф решил поискать во Фландрии какой-нибудь ручей или реку, где можно было бы затаиться на зиму.

В один из солнечных вечеров он вышел в глубокое море на одном из своих быстроходных парусных яликов. Он случайно посмотрел через воду в сторону заходящего солнца, и вдали на линии горизонта увидел гряду белых скал. Торгильтс Торальфсон был рядом с ним, и приемные братья вместе заговорили об этой земле, которую они видели. Вскоре они пришли к выводу, что это может быть не что иное, как Англия. Тогда они поставили свой ялик и вернулись к флоту.

В полдень следующего дня сорок два корабля оказались в нескольких милях от северного побережья Кента. На фоне серого осеннего неба возвышались белые, как снег, скалы, а там, где линия мыса понижалась, виднелись травянистые склоны плодородной долины, усеянной пасущимися овцами.

Олаф Тригвисон вел свой драконий корабль вдоль побережья, пока наконец не увидел голубую дымку, поднимавшуюся в спокойном воздухе над маленьким морским портом Сэндвич. Город стоял в устье широкого ручья, берега которого уходили назад, превращаясь в песчаные дюны и поросшие вереском холмы. Река терялась в лесу из буковых деревьев, еще хранивших трепетные листья, которые летнее солнце окрасило в насыщенный красно-коричневый цвет. На одном из лугов стадо скота гнали домой, в безопасное место одной из ферм. Олаф повернул корабль головой к берегу и громко затрубил в свой боевой рог. Пронзительные звуки донеслись до него из дальнего леса. Его флот сомкнулся вокруг него, и он направился вглубь ручья, гребя прямо к стенам, окружавшим город. Было выпущено несколько стрел. Но жители уже бежали из своих домов, встревоженные видом столь многочисленного войска, и захватчики высадились, не пролив ни капли крови.

Когда корабли были надежно пришвартованы в гавани, мачты опущены, а фигурные головы сняты, Олаф велел отправить на берег свои шатры и разбил лагерь вдоль берега реки и в укрытии букового леса. Его оружейники построили кузницы, а всадники - конюшни. Из тяжелых камней был сложен небольшой храм, посвященный Одину; так северяне обустраивали свои зимние жилища и готовились к повседневной жизни в соответствии с обычаями старого времени. Чистую воду можно было в изобилии добывать в верховьях реки, а рыбу - в море. Когда не хватало кукурузы и мяса, можно было просто устроить набег на

какую-нибудь ферму или монастырь в глубине страны. В такие моменты Олаф посылал одного из своих капитанов или сам отправлялся в путь с компанией всадников, и они скакали через Кент или даже Суррей, беспрепятственно грабя и преследуя, и возвращались в лагерь через много дней, ведя за собой скот и свиней, которых они захватили, причем каждый бык и лошадь были нагружены мешками с кукурузой или мукой.

Эти путешествия предпринимались только для того, чтобы обеспечить викингов едой, а не с мыслью о завоевании. И действительно, Олаф нередко давал большую плату тем, кто был достаточно благоразумен, чтобы не оказывать ему сопротивления, ведь на его кораблях было много золота и богато выделанных тканей, а сердце его всегда было щедрым. Но в монастыри и святые места он не заходил, ибо был великим врагом христианства.

Всю ту зиму он оставался непоколебимым, мирно владея двумя городами - Сандвичем и Ричборо.

Монахов Кентербери и Рочестера сильно раздражало близкое присутствие языческих пиратов, и они отправили гонцов к своему королю, сообщая ему, что норманны обосновались у его берегов, и прося его защиты. Однако для короля Этельреда это не было большой новостью. Датчане и норвежцы так часто спускались к английским берегам, что ему казалось бесполезным противостоять им; поэтому он послал монахам весточку, что если их монастыри и церкви в опасности, то хорошо бы построить их покрепче, но что, со своей стороны, у него достаточно проблем, чтобы не собирать армию для борьбы со стаей волков. С таким же успехом, сказал он, можно бороться с морскими птицами, которые поедают червей на наших полях.

Такое спокойное безразличие английского короля только придало еще больше смелости Олафу Тригвисону, который совершенно естественно решил, что монарх, который позволит чужеземному врагу обосноваться на его берегах, должен быть совсем ребенком в слабости - человеком, в котором духу не больше, чем в землеройке.

Не без оснований король Этельред был прозван Неподкупным. Это прозвище означает не то, что он был не готов, а то, что он был без совета, или "redeless". Его советники были немногочисленны и, по большей части, предательски недостойны; они склоняли и направляли его так, как это было нужно для их собственных целей, а у него не было мужественной силы воли, которая позволила бы ему действовать самостоятельно. Энергии у него было более чем достаточно, но она всегда была неуместна. По личному характеру он был одним из самых слабых королей Англии, а его правление было самым худшим и позорным в английской истории. В золотые времена его отца, Эдгара Миротлюбивого, в стране все шло как по маслу. Имелся сильный и хорошо дисциплинированный флот, защищавший берега, а все намерения захватчиков держались с остервенением. Эдгар много сделал для порядка и процветания своего королевства, он лично следил за отправлением правосудия и созданием хороших законов; торговля и земледелие поощрялись им, а торговля с чужими землями росла. Архиепископ Дунстан был его другом и советником. После смерти Эдгара наступило короткое правление Эдуарда Мученика, убийство которого в замке Корф привело к падению Дунстана и воцарению Этельреда.

На момент коронации в Кингстоне Этельреду было всего десять лет. О первых годах его правления известно немного, и ничто не говорит в пользу юного короля. Уже исчез большой флот, собранный Эдгаром, а северные викинги снова начали грабить побережья. Были и другие беды. Лондон был сожжен дотла, впервые в истории английского государства случился великий мор скота, а страшная чума унесла многие тысячи людей. По неизвестной

причине Этельред осадил Рочестер и, не сумев взять город, опустошил земли епископства. А теперь, с приходом Олафа Тригвисона, надвигалась новая опасность.

Олаф был первым из викингов, кто попытался предпринять что-то похожее на масштабное вторжение, и его частичный успех стал сигналом к еще большему наступлению северян, целью которого было завоевание всего королевства. Именно Олаф Тригвисон, если и потерпел неудачу в своей попытке, то, по крайней мере, указал путь, по которому датский король Свейн и его великий сын Канут в конце концов завладели тронот Англии и влили в нацию кровь, которая сегодня течет в жилах каждого истинного британца. Любящие океан северные викинги были предками современных англоязычных людей. Наша любовь к морю и кораблям, бродячий дух, заставивший нас основать великие колонии в дальних странах, наше умение сражаться, наша любовь к мужественным видам спорта, даже, возможно, наша физическая сила и выносливость - все эти черты пришли к нам от наших предков из Скандинавии. Не стоит забывать и о том, что норманны, завоевавшие Англию всего через пять и семьдесят лет после высадки Олафа, сами были сыновьями викингов. Рольф Гангер был знаменитым воином на службе у короля Харальда Фейрхейра. Изгнанный Харальдом из Норвегии, он основал поселение на севере Франции, куда последовали многие его соотечественники. Впоследствии эта часть Франции стала называться Норманией, или Нормандией - землей норманнов. Там Рольф стал герцогом. Его сын Вильгельм стал отцом Ричарда Бесстрашного, который был дедом великого Вильгельма Завоевателя.

И вот, когда прошла та самая зима и на деревьях появились новые почки, Олаф Триггвисон собрал свои корабли и приготовился к выходу в море. Оставив часть своих старших людей в Сэндвиче, он отправился на север мимо Танета и через устье Темзы в Восточную Англию, где, как он понимал, обитали самые храбрые англичане. Его четырем лучшим драконьими кораблями командовали он сам, Колбиорн, Гутмунд и Юстин. Его младший брат Торгильс командовал одним из баркасов. Флот насчитывал сорок кораблей, и на каждом из них служило около двухсот воинов и моряков. Когда люди высаживались на берег, чтобы сражаться, треть компании оставалась позади, чтобы охранять корабли. Таким образом, силы, которые Олаф обычно брал с собой на берег, насчитывали от пяти до шести тысяч воинов.

Первое место, где высадились викинги, находилось в устье широкого вика, ведущего далеко вглубь страны. Первым на берег выпрыгнул человек по имени Харальд Биорнсон. Олаф назвал это место Харальдов вик, но в наши дни оно пишется как Харвич. Олаф прошел по берегу реки много миль, разграбил несколько стад и унес много сокровищ из одного монастыря. Монахи и монахи хорошо сражались с ним, но вскоре были побеждены, а их дома и амбары были охвачены пламенем. Северяне пошли дальше вглубь страны, пока не вышли к дороге, которая пересекала реку по каменному мосту. Олаф решил, что эта дорога должна вести к какому-то большому городу, и повел свои войска по ней на север, в Суффолк, и в конце концов оказался в пределах видимости Ипсвича и решил атаковать это место. Но он не был готов вступить в бой, так как многие из его людей сошли на берег без доспехов и щитов, посчитав их слишком тяжелыми, чтобы нести их в солнечную погоду. Поэтому они вернулись на корабли и подошли к городу по морю. Они отплыли вверх по реке Оруэлл и обрушились на город сначала со стрелами и копьями, а затем с мечом и топором. Мужчины Ипсвича встретили своих врагов в центре города, и там произошла великая битва. Но еще до захода солнца Олаф одержал победу. Он разграбил дома и церкви и, опустошив их, унес добычу на свои корабли. Он решил, что это хорошее место для стоянки его флота, и оставался в Ипсвиче до тех пор, пока не опал цвет с деревьев.

ГЛАВА XII: БИТВА ПРИ МАЛДОНЕ.

Разграбление города Ипсвича вселило ужас в сердца жителей Восточной Англии, которые прекрасно понимали, что им бесполезно обращаться за помощью к королю Этельреду. Однако в этой части страны нашлись храбрецы, которые при первой же тревоге о высадке норманнов приготовились защищать свои дома и дома своих соседей. Главным среди них был некий святой и доблестный человек по имени Брихтнот. В это время он был эрлдорменом Восточной Англии. Он уже успел проделать огромную работу по распространению христианской веры среди бедных и невежественных людей, над которыми стоял во главе, а его благодетельные дары монастырям Эли и Рэмси снискали ему славу почти святого. Монахи считали его человеком тихой и задумчивой жизни, поглощенным делами милосердия; но он доказал, что может быть и человеком действия, так как вскоре стал героем одной из самых известных и катастрофических битв, когда-либо происходивших на английской земле.

Когда Брихтнот услышал, что викинги овладели Ипсвичем, он отложил свои книги и, выхватив меч, поскакал по стране, собирая вокруг себя людей. Он собрал хорошую армию воинов, лучников и меченосцев, и двинулся к побережью. Рассказывают, что во время этого похода он пришел в один монастырь и попросил еды для своего войска. Аббат заявил, что охотно накормит эрлдормена и тех знатных людей, что были с ним, но не возьмется кормить все войско. Брихтнот ответил, что не возьмет ничего, чем не могли бы поделиться все его воины, и отправился в следующий монастырь, где ему сопутствовал больший успех.

До Олафа Тригвисона быстро дошло, что против него собирают войско, и он разослал лазутчиков, которые со временем вернулись с вестью, что Брихтнот расположился лагерем на склоне холма близ города Малдон в Эссексе.

Олаф сразу же бросил якорь и повел свой флот на юг, за Назе, пока не подошел к устью реки Панта (сейчас она называется Блэкуотер). Он повел свои корабли внутрь по приливу. Через два часа гребли он увидел дома Мальдона. Город стоял на холме, откуда открывался вид на реку, которая в этом месте разветвлялась на два отдельных потока, один из которых протекал у подножия холма, а другой - на небольшом расстоянии к северу и проходил под крепким каменным мостом. Олаф привел свои корабли в ближайший к городу рукав, и его люди, высадившись, собрались в беспорядочную толпу, заняв пространство между двумя потоками.

Брихтнот уже занял выгодную позицию к северу от моста, чтобы оба потока оказались между его армией и городом. Он расположил свои войска компактной массой в форме клина или треугольника, узкое место которого находилось напротив проезжей части моста. Люди, занимавшие внешние линии, стояли, сцепив свои большие щиты, так тесно, что создавали мощный вал или щитовую крепость, за которой лучники и копьеносцы могли оставаться в безопасности, атакуя наступающих врагов. В начале битвы считалось очень важным, чтобы щитовая крепость не была сломана или открыта, и пробить ее можно было только с помощью непреодолимой силы или хитрости. Сев на крепкую белую лошадь, граф проскакал взад-вперед перед строем, чтобы убедиться, что его люди стоят в строю. Когда все было готово, он сошел с коня, отослал его в тыл и занял свое место среди войска, решив разделить все опасности своих товарищей. Со своего места он мог видеть, как светловолосые викинги высаживаются на берег. Их многочисленность ужасала его, но он не произнес ни слова страха. Вскоре он заметил двух мужчин, которых по их сверкающим золотым шлемам и красивым щитам принял за вождей. Они отошли на некоторое расстояние от толпы

корабельщиков и заняли позицию на травянистом холме, откуда открывался вид на противоборствующие армии.

"Неправду мы слышали об этих морских волках, - сказал он юноше, стоявшему рядом с ним. "Посмотрите на этих двух вождей, стоящих поодаль друг от друга! Они великаны и спокойны. Тот, что помоложе, - со струящимися желтыми волосами и золотым поясом на толстой руке - несомненно, на голову и плечи выше любого восточноанглийца, которого я видел. Нам придется нелегко, если мы сойдемся с ним лицом к лицу. Но давайте все будем храбрыми, ведь нам нужно защищать свои дома, и Бог не оставит нас в трудную минуту. И на нашей стороне много хороших шансов. Очень часто более многочисленное войско не одерживает победы, если против него выступают смелые и бесстрашные люди".

Желтоволосым вождем был Олаф Тригвисон, а его спутником - Гутмунд. Они поднялись на возвышенность, чтобы лучше рассчитать шансы в предстоящей битве, и велико было их удивление, когда они увидели, как умело Брихтнот расставил своих людей. Треугольник, в котором стояли англичане, скандинавы называли "свиным строем", и считалось, что его ввел сам Один. Олаф хорошо знал, насколько прочным всегда оказывался этот строй против нападения врага и как почти невозможно было прорваться сквозь него человеческой силой.

"Человек, собравший эту маленькую армию, - недостойный противник, - сказал он, - и я думаю, что нам следует тщательно обдумать наши планы, прежде чем идти вперед. Он хорошо предвидел, что мы высадимся в этом месте, и так расположил свое войско на дальнем берегу реки, что мы не доберемся до него без особого труда. Вода глубока, и прилив идет быстро и сильно".

"Но ведь есть мост, по которому мы можем переправиться", - ответил Гутмунд.

Олаф улыбнулся и покачал головой.

"Мост очень узкий, - сказал он, - и старый вождь мудро поставил там трех своих воинов, чтобы они защищали его и препятствовали нашему проходу".

"Хотя он и поставил там трех чемпионов, я не вижу опасности в нашей переправе", - сказал Гутмунд.

"Тем не менее, мост все равно будет надежным для тех, кто его удержит", - ответил Олаф. "Я бы и сам взялся удерживать такую позицию своими руками против гораздо большей силы, чем наша. Это лишь вопрос выносливости, а один хороший меч, которым хорошо владеют, не уступает самым крепким воротам, когда-либо созданным".

Пока он говорил, он заметил фигуру эрлдормена Брихтнота, который покинул свое место в строю и направился к трем чемпионам на мосту. Старик постоял немного, давая какие-то указания защитникам моста. Он уже собирался вернуться, когда увидел, что Олаф посылает к нему Гутмунда с каким-то посланием, и стал ждать.

Когда Гутмунд ступил на мост, он положил свой меч на землю. Брихтнот вышел ему навстречу.

"Какова твоя воля?" - спросил ярлдорман.

"Я пришел с посланием от моего короля", - ответил викинг.

"Что говорит твой король?"

"Он говорит, что, поскольку в этой стране короли и графы обычно откупаются от непрошеного врага предложением золота, он согласится отступить и вернуться на свои корабли, если ты заплатишь ему сумму денег, которую он назовет".

Брихтнот в гневе отступил от такого предложения, не догадываясь, что король Олаф просто проверяет его храбрость.

"И кто же это сказал твоему вождю, что такова привычка наших английских королей?" - спросил он.

"Не было нужды рассказывать об этом, - ответил Гутмунд, - ибо во всех странах викингов хорошо известно, что у короля Этельреда не так много храбрых воинов, чтобы он мог позволить себе потерять их ради нескольких мешков золота. Не раз, а много раз он пытался таким образом откупиться от норманнов".

"Возвращайся к своему вождю, - возмущенно вскинул руку Брихтнот, - вернись и скажи ему, что сталь, а не золото - единственный металл, который может теперь рассудить нас с ним!"

"Король Олаф всегда отдавал предпочтение именно этому металлу, - ответил Гутмунд, - и он будет очень рад услышать, что среди англичан есть хотя бы один человек, который достаточно храбр, чтобы придерживаться того же мнения".

И когда гонец Олафа вернулся, из глубоких глоток викингов раздался громкий крик. Не успел этот крик утихнуть, как воздух наполнился стрелами, которые посыпались на англичан тяжелым дождем. Тогда лучники Брихтнота ответили на вызов, и битва началась всерьез. Долгое время две армии стояли лицом друг к другу, между ними протекала река, а из оружия использовались только стрелы. Но наконец один из капитанов Олафа - это был Джастин - с мечом в руке и щитом наперевес устремился к мосту. За ним следовали многочисленные викинги.

Три чемпиона храбро стояли на своем посту. Твердо стоя на ногах и держа перед собой щиты, они встретили натиск врагов, орудуя длинными мечами с такой точностью и силой, что Юстин и пятеро его товарищей пали замертво, не нанеся ни одного удара. Викинги шли вперед, перепрыгивая через тела своих павших товарищей, но под страшными ударами отступали назад. Очень скоро проезжая часть моста была настолько запружена убитыми, что многие из них падали через парапет в глубокую воду реки. На ближнем конце моста стояла группа лучников Олафа, поражая стрелами трех отважных защитников. Северяне снова бросились в атаку. На этот раз их возглавлял Колбиорн Сталлар, который шел медленно, а не в беспечной спешке, как остальные. Он занес свой тяжелый боевой топор, но не успел он поднять оружие для удара, как ближайший из защитников неожиданно шагнул вперед и нанес ему мощный удар, от которого он попятился назад. Удар был отражен крепким щитом, и он не пострадал; но, отступая назад, он споткнулся о руку одного из своих павших товарищей, и его повалило на землю под тяжестью людей, которые, следуя за ним, бросились навстречу смерти, которой он избежал. Долго лежал Кольбьерн, и Олаф Тригвисон, видевший его падение, считал его мертвым.

Теперь уже Гутмунд, а не Олаф, отдал норманнам приказ попытаться взять мост, и Олаф был очень зол, видя, что столько его лучших людей погибло. Он видел, что прилив в ручье ослабевает и что очень скоро мост перестанет быть важным пунктом. Поэтому он приказал отвести тех, кто еще пытался переправиться.

Трех чемпионов, которым удалось удержать мост, звали Вульфстан, Элфер и Маккус. Вульфстан был тем человеком, который поразил Колбиорна Сталлара, и он знал, что этот

удар не мог убить его. Поэтому, когда викинги покинули мост, он вызволил Колбьорна из-под тяжести навалившихся на него убитых, и Колбьорн, прихрамывая, вернулся в тыл к норвежским лучникам, которые все это время не прекращали обстреливать англичан стрелами.

Когда, наконец, прилив спал и можно было перейти брод, защитники моста отступили, и Брихтнот позволил северянам беспрепятственно переправиться. Олаф повел своих отборных людей по дороге, а большая часть его воинов перешла вброд через ручей. И вот теперь битва началась с отчаянной силой.

Разделив свои силы на три части, Олаф перешел в наступление. Левое крыло под командованием Гутмунда он направил на правый фланг Брихтнота; правое крыло под командованием Харальда Биорнсона развернулось для атаки на левый фланг Брихтнота. Он оставил за собой позицию, которую считали самой сложной - место, где стоял сам английский вождь, окруженный своими самыми сильными и опытными воинами. Это была самая узкая часть строя, и Олаф знал, что если ему удастся прорваться сквозь стену щитов в этом месте, то вся масса людей, такая компактная и неприступная, быстро придет в замешательство.

По правую руку от Олафа сражался Колбиорн, а по левую - Торгильс Торальфсон. Позади и вокруг них стояла тысяча самых доблестных викингов и берсерков.

Атака началась со всех сторон с метания копьев, но очень скоро северяне приблизились к своим врагам и вступили в более тесный бой на мечах, и поначалу викингам досталось больше всех.

Олаф и его товарищи уже заметили белобородого Брихтнота и направились к нему, когда Торгильс Торальфсон упал вперед, пронзенный копьем в сердце. Это было копье, которое Олаф сам бросил в ряды англичан, но теперь оно было возвращено так, что Олаф сразу понял, что его метнул человек, обученный викингами владению этим оружием. Подойдя еще ближе, он окинул быстрым взглядом лица стоящих перед ним людей. В этот момент в него метнули еще одно копье; на этот раз оно было направлено в Колбьорна, который поймал его на свой поднятый щит.

Колбиорн увидел лицо того, кто его вычислил, и, отбросив щит в сторону, схватил свой боевой топор и, бросившись со всей силы на стену людей, прорвался сквозь строй. Олаф видел, как он пробивается сквозь ряды воинов, которые падают назад перед тяжелым топором. Наконец Колбьорн добрался до того, кого искал, и вступил с ним в рукопашную, а Олаф с викингами последовал за ним в пролом. Через несколько мгновений Олаф был рядом с Колбьорном, и тогда он тоже увидел лицо человека, убившего Торгильса. Это было лицо его товарища по рабству в далекой Эстонии, его товарища по Хольмгарду, его товарища по кораблю Эгберта, которого он считал утонувшим.

Поединок между Колбьорном и Эгбертом длился несколько минут, но было видно, что Колбьорн просто играет со своим противником, ведь он давал ему много шансов.

"Вы не так искусны, как во время нашей последней встречи, - сказал он со смехом, - и запястье у вас не такое сильное. Я бы с радостью дал тебе еще несколько уроков, если бы представилась возможность; но теперь я должен отплатить за удар, который ты нанес мне во время нашей игры в шахматы".

Эгберт упал, а Колбьорн обратился за помощью к Олафу, который теперь был занят английским вождем и тремя его особыми товарищами.

Брихтнот хотел сразиться с Олафом на мечах, но Олаф уважал его храбрость и седину и предпочел встретиться с широкогрудым англичанином, который уже зарубил трех викингов. Когда Колбиорн вступил в схватку, он увидел, как Брихтнот отвернулся от Олафа и скрестил мечи с одним из берсерков. Берсерк упал, получив огромную рану на голове. Его место занял один из его товарищей по кораблю, которого старый вождь тоже одолел. Граф был ранен, но продолжал храбро сражаться, пока наконец его не зарубил викинг по имени Харек Ястреб.

Место, где пал английский вождь, стало центром сражения. Здесь, защищая тело своего вождя, сражались и пали самые храбрые из англичан. Вульфстан, Маккус и Эльфхер - трое, удерживавшие мост, - снова сражались плечом к плечу на этом месте. Вульфстан был побежден Олафом, а двое его товарищей пали от клинка Колбиорна. Среди других английских воинов называют Альфвина, повелителя мерсийцев, Эсеферта, Брихтвольда, Эдуарда Длинного, Леофсуна и Даннере; все они пали, защищая тело Брихтнота. Один из викингов, думая, что Олаф намерен завладеть им, унес тело погибшего героя, но Олаф не позволил своим людям обесчестить столь храброго врага, и впоследствии передал тело друзьям Брихтнота, которые отвели ему достойное место в соборе Эли.

Тем временем на других участках поля битва складывалась неудачно для восточных англичан. Прорыв крепости щитов привел ряды в смятение. Викинги под командованием Гутмунда и Харека воспользовались своим преимуществом и сражались с ожесточенным натиском. Англичане были вооружены плохо: у многих из них были била и мечи, у других - копья и стрелы, а у третьих не было оружия лучше того, что они сами придумали из своего крестьянского инвентаря.

Когда стало видно, что северяне одерживают победу на всех фронтах, многие англичане начали терять мужество, а один из них, катиф по имени Годрик, сел на коня, на котором Брихтнот выехал на поле, так что многие подумали, что это сам граф бежал. После этого началось всеобщее отступление, и так закончилась битва при Малдоне.

Олаф Тригвисон не стал штурмовать город, а разбил свои шатры на возвышенности между двумя ручьями, где он высадился. Он позволил восточным англичанам унести своих мертвых и похоронить их по-христиански. Его собственных мертвецов было более четырехсот, и он положил их в курган вместе со всеми доспехами и оружием, соорудив над ними каирн по языческому обычаю.

Остаток лета он простоял со своими кораблями у Малдона и беспрепятственно совершал набеги на Эссекс и Саффолк.

Теперь можно было подумать, что король Этельред, узнав, как он вскоре узнал, о взятии Ипсвича и поражении восточных англичан при Малдоне, не теряя времени, соберет армию, чтобы изгнать захватчиков.

Дух народа был готов к энергичному сопротивлению северян, и с несколькими такими людьми, как Брихтнот, во главе англичане могли бы без особого труда изгнать всех викингов из страны. Но Этельред был человеком совсем другого сорта, чем доблестный граф Восточной Англии, и он принял роковую систему, когда золото выполняло работу стали.

Однажды Олаф Тригвисон с группой своих капитанов вернулся в лагерь после большой охоты на кабана и обнаружил, что в их отсутствие прибыли посланцы из Андовера, где король держал свой двор. Олаф велел привести этих людей к нему в шатер и там завел с ними разговор. Войдя в шатер, гонцы поставили перед вождем викингов два тяжелых мешка с

десятью тысячами фунтов золота, которые, по их словам, были посланы королем Этельредом в подарок вождю норманнов.

"А по какой причине король Этельред должен посылать такой подарок мне, который не оказал ему никакой доброй услуги, а только опустошал его земли и беспокоил его мирных подданных?"

"Это потому, что король хочет, чтобы ты прекратил свои опустошения в Восточной Англии и забрал свои корабли и людей", - ответил представитель. "Это условие, которое он выдвигает, чтобы вы приняли золото".

"А что, если я откажусь от золота и скажу, что мне не подходит уводить свои корабли?" - спросил Олаф. "Пойдет ли тогда твой король со своими войсками против викингов и даст ли нам еще одну хорошую битву?"

Гонец пожал плечами.

"Король Этельред не сомневается, что вы возьмете золото", - сказал он. "А что касается его похода против вас, то об этом он не сказал ни слова".

"В таком случае ты можешь оставить деньги у меня", - сказал Олаф. "И я поручаю тебе поблагодарить короля Этельреда за его щедрость. Так случилось, что в этой части страны уже не хватает продовольствия, и мы томимся в ожидании новых сцен. Поэтому я думаю, что еще до наступления зимних дней мы бросим якорь и отправимся в путь. Но отплытие не должно быть ни на день раньше из-за желания Этельреда избавиться от нас".

Посланники хотели получить от Олафа более определенное обещание, что он не только уплывет в настоящее время, но и не будет больше вторгаться к английским берегам. Но на это Олаф не согласился. Либо король должен быть уверен, что викинги намерены покинуть берега Восточной Англии через несколько недель, либо он может забрать свое золото и допустить, чтобы его королевство подверглось вторжению и опустошению в любом месте, которое выберут для высадки норманны.

Долгое время казалось, что они не могут прийти к соглашению; но в конце концов дело было улажено так, что золото было передано в руки Олафа, и посланники уехали, лишь наполовину пообещав мир и заверив, что Олаф уведет свои корабли в течение двадцати дней. Олаф не считал себя обязанным выполнять эти условия, но все же решил их придерживаться. Он уже понял, что его силы слишком малы, чтобы с уверенностью в успехе пытаться целенаправленно завоевать Англию; более того, еще до прибытия посланцев Этельреда он решил вывести свой флот до тех пор, пока не соберет вокруг себя достаточно большое и сильное войско, чтобы осадить Лондон. Таким образом, его отплытие из Малдона произошло по его собственному желанию, а не в результате каких-либо угроз со стороны английского короля.

Между тем Олаф не упускал из виду, что глупая политика короля Этельреда, вместо того чтобы обезопасить королевство от вторжения, лишь послужила сильным стимулом для викингов, чтобы они повторяли свои набеги, как только у них появлялась нужда в деньгах. Этельред и его советники, похоже, так и не усвоили этот урок, и в течение многих лет после битвы при Малдоне морские разбойники, как датские, так и норвежские, продолжали бороздить английские берега с неизменным результатом: как только они грабили несколько монастырей и превращали в пепел несколько деревень, им обязательно предлагали очень хорошую взятку в качестве побуждения снова выйти в море.

ГЛАВА XIII: ОТШЕЛЬНИК С ОСТРОВА СКИЛЛИС.

В один из дней поздней зимы следующего года Олаф Тригвисон провел свой флот через бурные воды Пентландского залива и взял курс на Оркнейские острова. По пути на север вдоль берегов Англии он не раз высаживался на берег, чтобы разграбить какую-нибудь прибрежную деревню и пополнить запасы продовольствия и воды. Он наводил страх на обоих берегах Хамбера и в Нортумберленде, штурмовал крепость короля Ида в Бамборо и совершил набег на Бервик. В Шотландии он также разорял и грабил. Но об этих приключениях не сохранилось никаких записей. К моменту перехода к Оркнейским островам он потерял пять своих кораблей и большое количество людей, и по этому можно судить, что он либо столкнулся с очень бурной погодой, либо потерпел поражение от рук своих врагов.

Снег все еще лежал на островах, когда он вошел в широкий канал Скапа-Флоу и поставил свой флот на якорь под укрытием высокого острова Хой. Многие из его кораблей к тому времени нуждались в ремонте, поэтому он пересек пролив и поставил их на мель неподалеку от того места, где сейчас находится порт Стромнесс, и в этом месте он расположился до наступления лета.

Оркнейские острова тогда и на протяжении многих последующих поколений были заселены скандинавскими викингами и их семьями, которые платили налоги и дань Норвегии. Поэтому Олаф оказался среди людей, говоривших на его родном языке, которые были рады подружиться с вождем, о котором можно было сказать, что он совершил великие и доблестные подвиги в бою. Больше всего этих людей покорило одно: они знали, что это тот самый Оле Эстхондец, который вместе с Вагном Акисоном до конца выстоял в великой морской битве с Законом Ладейским. Теперь ярл Хакон был правителем жителей Оркнейских островов, но его начали так люто ненавидеть, что на всех его врагов они смотрели как на своих особых друзей. Некоторое время они возлагали свои надежды на графа Сигвальди Йомсбургского, который недавно нашел убежище на Оркнейских островах. Но теперь Сигвальди вернулся в свою крепость на Балтике в надежде восстановить разрозненное войско викингов. Поэтому к приезду Олафа оркадские викинги отнеслись с большой благосклонностью, считая возможным, что он присоединится к ним в попытке сместить ярла Хакона с норвежского престола.

Чтобы отсрочить отъезд Олафа с островов, люди уговорили его помочь им в строительстве большого храма на берегу одного из озер, а когда храм был закончен и должным образом посвящен Одину, они предложили Олафу возглавить экспедицию в Норвегию. Олаф ответил, что не считает время подходящим для такой попытки и что в настоящее время у него есть другие планы; но тем временем он велел им заняться строительством кораблей.

Пока Олаф находился в Оркнее, в Скапа-Флоу однажды пришел один из кораблей датского короля Свейна Форкбарда. От его капитана Олаф узнал, что датчане восстали против Свейна, потому что, приняв христианство и заставив свой народ последовать его примеру, он теперь отбросил истинную веру и вернулся к поклонению языческим богам, требуя, чтобы его подданные снова признали Одина и Тора более великими, чем Бог христиан. Чтобы не делать этого, датчане решили изгнать своего неверного короля, а Свейн Вилобородый, лишившись трона, занялся викингством.

Услышав об этом, Олаф Тригвисон передал капитану корабля послание, чтобы тот отнес его своему господину, попросив Свейна вспомнить клятву, которую он дал на наследственном пиру, и сказав, что если у него есть желание исполнить эту клятву, то он может сделать это сейчас, ибо он - Оле Эстгонский - готовит свои силы для большого вторжения в Англию и

будет рад, если Свейн присоединится к нему в этом походе. Местом сбора войск должен был стать Ипсвич в Восточной Англии, а временем встречи - середина урожайного месяца следующего лета.

Олаф не стал ждать ответа на это послание в Оркнеях. Его викинги уже устали от безделья и жаждали снова выйти в море. Корабли были приведены в готовность, и когда подул попутный ветер, якоря были взвешены, паруса поставлены, и флот понесся на запад через Рой Саунд к мысу Гнева. Оттуда они поплыли к Гебридам - или Южным островам, как их всегда называли норманны. Здесь Олаф провел много битв и отвоевал много кораблей у потомков мятежных подданных Харальда Фэйрхайра, которые основали поселения на островах. Здесь же он привлек в свои ряды несколько сотен человек. Он также нападал на северные районы Ирландии и провел несколько сражений на острове Мэн. К тому времени лето было уже далеко, поэтому он отплыл на восток, в Камберленд, и там отдыхал всю зиму.

Его люди считали, что эта часть Англии с ее горами и озерами так похожа на их родную землю в далекой Норвегии, что не желали ее покидать. Многие из них действительно остались, и поселения, которые они создали в стране озер, оставили следы, которые можно узнать и по сей день, причем не только в остатках языческих храмов и гробниц, но и в названиях мест и в некоторых норвежских словах, которые встречаются в обычной речи камбрийцев.

Из Камберленда Олаф отплыл на юг, в Уэльс. Там он снова навел шороху, а также в Корнуолле, и в конце концов прибыл на Сциллийские острова. За полвека до этого король Ательстейн завоевал эти острова и основал там монастырь, руины которого можно увидеть и сейчас.

Когда Олаф Тригвисон лежал на Скилли, укрываясь от бури, которая сбила его с намеченного курса, он услышал, что на острове Треско живет некий прорицатель, который, как говорят, хорошо умеет предсказывать то, что еще не свершилось. Олаф загорелся желанием испытать прорицания этого человека.

"Я испытаю его хитростью, - сказал однажды Олаф Колбиорну, - и вот каким образом: Ты придешь к нему вместо меня и скажешь, что ты - король Оле Эстхонион; и если он тебе поверит, значит, он не прорицатель".

Олаф уже прославился во всех землях тем, что был справедливее и благороднее всех других людей, и он выбрал Колбьорна своим посланником, потому что тот был самым красивым и большим из его людей и больше всего походил на него самого, и отправил его на берег, одетого в самую красивую одежду.

Колбиорн долго искал среди деревьев и скал, пока не нашел маленькую пещеру, в которой жил одинокий отшельник; когда он вошел туда, то увидел седого бородатого старика, погруженного в раздумья перед распятием и одетого в облачение христианского священника.

Отшельник окинул взглядом высокую фигуру своего гостя и подождал, пока тот заговорит. Колбиорн ответил, как велел ему Олаф, и сказал, что его зовут король Оле. Но отшельник покачал головой.

"Не король ты, - сказал он серьезно, - но мой тебе совет: будь верен своему королю".

Больше он не сказал ни слова, а Колбьорн повернулся и пошел обратно к Олафу, который, услышав ответ, еще больше захотел встретиться с этим отшельником, который, как он теперь верил, действительно был прорицателем.

И вот на следующий день, когда поднялся сильный ветер и волны с грохотом разбивались о скалы, Олаф оделся очень просто, без всяких доспехов, и вышел на берег в сопровождении двух щитоносцев. Когда он вошел в келью отшельника, тот сидел за дубовым столом с рулоном пергамента, на котором было начертано какое-то священное предание. Он приветствовал Олафа очень любезно, и когда они немного поговорили, Олаф спросил его, что он может сказать о том, как ему ускорить получение законного наследства или любой другой удачи.

Тогда отшельник ответил:

"В грядущее время ты станешь очень славным королем и совершишь славные деяния. Многих людей ты приведешь к верности и крещению, помогая тем самым и себе, и ближним своим".

"Что касается первой части твоего пророчества - что я стану великим королем, - то в это я вполне могу поверить, - ответил Олаф, - но в то, что я когда-нибудь помогу людям креститься, я поверить не могу, ибо я сейчас и всегда буду верным поклонником богов Асгарда и врагом всех верующих в Христа".

"Тем не менее, - ответил отшельник, - вторая часть сказанного мною сбудется с еще большей уверенностью, чем первая; а чтобы моим словам можно было доверять, прими в знак этого следующее: На корабле твоем ты попадешь в западню к толпе людей, и тогда начнется битва, и ты будешь сильно ранен, и от этой раны ты, похоже, умрешь, и тебя перенесут на корабль на щите; однако ты справишься от своей раны в течение семи ночей и после этого быстро окрестишься."

Олаф посмеялся над добрым человеком и вскоре отправился в путь. Но когда он спускался вниз к лодке, которая ждала его среди скал, его встретил отряд немирных людей, которые внезапно набросились на него с мечами. Олаф позвал двух своих стражников, которые отстали, но прежде чем они пришли ему на помощь, он, не имея оружия, получил сильный удар мечом в грудь. Нападавшие разбежались, увидев двух стражников, приближающихся из-за деревьев, а Олаф остался истекать кровью на месте своего падения. Двое стражников подняли его на один из своих щитов, спустили в лодку и понесли раненого на корабль. Шесть дней он лежал без сознания и, как все думали, был на грани смерти. Но на седьмую ночь опасность миновала, и после этого он быстро поправился.

Тогда Олаф решил, что, предсказав все так точно, старый отшельник оказался действительно очень мудрым прорицателем. Тогда он вышел на берег во второй раз, и они долго и много беседовали.

Оказалось, что отшельника звали Сердик. Когда-то он был кабальером у норманнов и знал отца Олафа, короля Тригви, на которого Олаф был очень похож. Он умел хорошо говорить на норвежском языке, и его мягкий и нежный голос успокаивал всех, кто его слышал. Сначала он рассказывал о путях язычников, об их мстительном духе и жестокости в войне, осуждал их кровавые жертвоприношения и поклонение нарисованным изображениям. Такие боги, как Один и Тор, Ньорд и Фрей, были, по его словам, лишь творениями поэтической фантазии людей и не имели реального существования. Когда-то Один был всего лишь земным человеком, со всеми его недостатками и грехами. Землетрясение и гром не имели ничего

общего с качением колесницы Тора или метанием молота Тора. Волны океана то вздымались в гнев, то затихали, хотя имя Ньорда никогда не произносилось; и времена года сменялись по своему порядку, поля и пастбища росли без благосклонности Фрея.

Так говорил отшельник, а потом рассказал историю сотворения мира и грехопадения Адама и поведал о том, как Христос пришел проповедовать мир на земле и спасти мир. Принцип христианской веры, сказал Сердик, состоит в том, что люди должны помнить день субботний и свято хранить его, не кланяться истуканам, не красть, не быть любостяжательными, не совершать убийств и не давать ложных показаний, любить своих врагов и благословлять тех, кто их проклинаят.

Олаф терпеливо выслушал все это, задавая множество вопросов. Наконец Сердик обратился к нему и стал убедительно просить его покаяться и стать верным последователем Христа, чтобы по окончании земной жизни быть достойным войти в Царство Небесное.

До этого времени Олаф Тригвисон всегда жил в твердой надежде, что после смерти он попадет в сияющий зал Валгаллы, где его ожидает встреча со всеми великими героями прошлых времен. Он верил, что Один примет его там и достойно вознаградит за все славные деяния, которые он совершил. Поэтому он совсем не хотел отказываться от веры этого норсмана в будущую жизнь, которая, как обещали люди, должна быть полна войн днем и веселых гуляний ночью.

Однако было очевидно, что слова Сердика не прошли даром: Олаф согласился - как и многие скандинавы в те времена - сразу же принять крещение при одном условии: называя себя последователем Христа, он не должен отказываться ни от веры в Одина, ни от надежд на Валгаллу. Святой человек из Скилли прекрасно понимал, что эта разделенная вера не продлится долго, но он также был уверен, что в поединке победа непременно останется за Христом.

Поэтому Олаф был крещен вместе со всеми своими воинами и корабельщиками. После этого он много дней лежал среди островов Скилли и так хорошо усвоил истинную веру, что она оставалась его путеводной звездой до конца жизни и сделала его, как мы увидим, одним из самых ревностных христиан своего времени.

И вот, когда прошли летние дни и приблизилось время сбора урожая, Олаф вспомнил о своем свидании с королем Свейном Форкбердом, поднял якорь и отправился в открытое море, огибая предгорья, и так на север до Ипсвича. Прошло три года с тех пор, как он впервые осадил этот восточноанглийский город, и за это время жители вернулись в свои опустошенные жилища и построили их заново. Теперь Олаф во второй раз силой овладел городом. Он еще не был таким христианином, чтобы не бояться нападать на христиан и изгонять их из своих домов.

Он пролежал со своими кораблями в Оруэлле три недели, а по истечении этого срока из Балтики прибыл король Свейн со своим флотом. Олаф уже собрал около пятидесяти пяти военных кораблей, полностью укомплектованных и снаряженных; а с теми, что добавил к ним Свейн, у него было девяносто четыре корабля всех размеров, от небольших яликов с десятью веслами и командой из ста человек до огромных драконьих кораблей с тридцатью парами весел, двумя высокими мачтами и полной командой из четырехсот моряков и воинов. Все девяносто четыре корабля насчитывали около тридцати тысяч человек.

Это был не один из старых грабительских набегов авантюристов, стремящихся лишь улучшить свое положение, завоевав новые дома острием меча. Это была экспедиция,

превосходящая все, что Брихтнот когда-либо встречал сталью или Этельред золотом, и ее цель заключалась в намеренно спланированном вторжении и завоевании.

Поначалу, когда Олаф и Свейн встретились и объединили свои флоты и армии, между ними возникли разногласия по поводу того, кто из них должен взять на себя командование. Свейн заявил, что первенство принадлежит ему по праву короля, и он должен обладать большей властью во всем, чем Олаф, который (как полагал Свейн) был низкого происхождения. Но Олаф упорно утверждал, что, поскольку именно он предложил экспедицию и у него было больше людей и кораблей, единоличное командование должно принадлежать ему, а Свейн должен был занять второе место. В конце концов было решено, что так и будет, и что в случае успеха они разделят между собой королевство Англия: Свейн возьмет северную половину, включая Нортумбрию и верхнюю часть Мерсии, а Олаф - южную, включая Восточную Англию и весь Уэссекс.

Первым пунктом атаки должен был стать Лондон - город, который, хотя еще и не был столицей королевства, являлся главным оплотом страны и с каждым днем становился одним из важнейших центров торговли в Западной Европе. Альфред Великий, который сам спас город от датчан, построил сильную крепость для его защиты, а его жители всегда считались одними из самых доблестных и патриотичных во всей Англии. Олаф Тригвисон прекрасно понимал, что если ему удастся взять Лондон, то завоевание остальной части королевства Этельреда будет сравнительно легким делом. К несчастью для своих планов, он не предвидел препятствий, которые должны были его встретить.

Он повел свою процессию линкоров вверх по Темзе. Никогда прежде на этих водах не было такого великолепного количества кораблей. Раннее утреннее солнце освещало позолоченных птиц и драконов на верхушках мачт. На носу каждого судна возвышалась высокая фигура какого-нибудь странного и страшного животного, сделанная из резного и позолоченного дерева или из кованной латуни, серебра или даже янтаря. Паруса многих кораблей были сделаны из тончайшего шелка, вытканного в красивых узорах. Палубы были заполнены людьми, чьи сверкающие копья и начищенные шлемы придавали им воинственный вид и вселяли ужас в сердца тех, кто видел их с берегов реки.

Тревога быстро распространялась из пункта в пункт, и прежде чем захватчики приблизились к городу, ворота были надежно закрыты и забаррикадированы, а доблестные горожане были полностью готовы оказать упорное сопротивление.

Когда корабли подошли к Тауэру, их атаковали залпы метких стрел, выпущенных с крепостных стен. Не обращая внимания на планы Олафа, король Свейн подвел свою дивизию еще ближе под стены, намереваясь предпринять штурм цитадели. Но попытка оказалась бесполезной. Защитники были спрятаны за валами и недостижимы для всех ракет, а войска Свейна оказались под непрерывным градом стрел и камней, которые, казалось, вылетали из самих стен. Так много его людей пало, что Свейн был вынужден отступить.

Гарнизон мог сорвать штурм крепости, но не мог помешать огромному количеству кораблей пройти выше по реке и напасть на старый римский вал. В то время как король Свейн переправился на противоположный берег и возглавил атаку на Саутварк, Олаф высадился у ворот Биллинга и направил все свои силы на стену. Он потерял много людей, но в конце концов брешь была пробита, и во главе многих сотен отчаянных воинов он вошел в город. Он рассчитывал, что Свейн последует за ним, и если бы датский король послушался, Лондон действительно мог бы быть взят силой. Однако Олаф быстро убедился, что совершил роковую ошибку. Огромные толпы вооруженных горожан встречали его в конце каждой узкой улочки и наносили захватчикам такие мощные удары дубинами, мечами и залпами

тяжелых камней, что те, кого не покалечили или не убили, были вынуждены отступить под натиском превосходящей силы, и их ряды пришли в безнадежное замешательство. В какой-то момент Олаф Тригвисон с шестью или семью своими людьми оказался в окружении нескольких десятков защитников. С боем он пробился сквозь них к городской стене, где через образовавшуюся брешь его люди бежали на корабли. Осаждающие были полностью разбиты. Лондонцы вновь спасли свой город от врагов.

У Свейна Форкберда дела шли не лучше, чем у Олафа. Он предпринял дерзкую попытку сжечь город, но, как и Олаф, был отброшен к своим кораблям с большой резней.

В тот же день оба побежденных вождя отплыли в гнев и печали, потеряв семь кораблей и две тысячи человек.

При Альфреде или Ательстане за таким поражением, которое захватчики потерпели перед Лондоном, несомненно, последовала бы сокрушительная победа. Но при несчастном Этельреде не было предпринято никаких попыток предотвратить более страшное опустошение других частей королевства. Олафу и Свейну спокойно позволили отомстить за поражение, опустошая побережье по своему усмотрению, и грабить, жечь и убивать, не встречая ни малейшего сопротивления. В устье Темзы оба вождя разделили свои силы: Свейн поплыл на север, к Хамберу, а Олаф взял курс на юг и опустошал далеко окрестности старых королевств Кент и Сассекс.

В конце лета Олаф переправился в Хэмпшир, и теперь наконец-то король Этельред воспрянул духом, ведь захватчики угрожали не только королевскому городу Андоверу, но и королевской особе. У короля не было достаточно сильной армии, чтобы противостоять норвежскому врагу, а его флот был еще менее значимым. Поэтому единственным выходом для него, похоже, стала старая трусливая политика - снова купить мир золотом. Олафу было позволено поставить свой флот на якорь в Саутгемптоне на зиму, а чтобы предотвратить любые набеги на близлежащие страны, Этельред обложил жителей Уэссекса специальным налогом, чтобы обеспечить экипажи продовольствием и жалованием. Он также ввел общий налог для всей Англии, чтобы собрать сумму в шестнадцать тысяч фунтов в качестве взятки захватчикам, чтобы они покинули королевство.

Эта крупная сумма была передана Олафу Тригвисону послами короля, среди которых был некий епископ Эльфхей - ревностный христианин, который не только получил от Олафа торжественное обещание соблюдать мир, но и взял на себя задачу обратить молодого вождя в христианскую веру. Олаф уже был крещен добрым отшельником с острова Сциллис, но еще не прошел обряд конфирмации. Теперь он заявил, что готов полностью стать христианином и отбросить свою веру в старых скандинавских богов. Затем епископ отвел Олафа ко двору в Андовере, где Этельред принял его со всеми почестями и обогатил королевскими дарами. На конфирмации Олафа, которая проходила с большой помпой, присутствовал сам король Этельред и даже выступил поручителем.

Олаф прожил много недель в Андовере в качестве дружеского гостя короля Этельреда, а перед отъездом к своим кораблям подписал договор, в котором обязался никогда больше не вторгаться в Англию. Это обещание он честно выполнил, и на некоторое время в стране воцарился мир. Этельред считал, что теперь он избавил свое королевство от опасности со стороны викингов. Но он не стал считаться с королем Свейном Вилобородым. Соблазнившись большими деньгами, которые удалось вымогать у англичан, Свейн возвращался снова и снова и в конце концов добился изгнания Этельреда из страны. В течение многих лет Свейн был фактическим правителем Англии и таким образом подготовил

почву для своего сына, Канута Могучего, который впоследствии стал избранным королем английского народа.

В то время, когда Олаф Тригвисон все еще находился в гостях у короля Этельреда, при дворе жила принцесса по имени Гида. Она была сестрой короля Дублина, что в Ирландии, и считалась очень красивой. Многие сватались к ней, и среди них был человек по имени Алфвин, прославленный чемпион и человекоубийца. Был назначен день, в который Гида обещала выбрать себе мужа, и многие высокородные мужчины собрались вместе, надеясь быть избранными. Все были великолепно одеты.

Олаф Триггвисон, одетый в грубый плащ с меховым капюшоном для сырой погоды, стоял в стороне с несколькими своими товарищами, чтобы просто смотреть.

Гида ходила туда-сюда среди своих ухажеров, но, похоже, не нашла ни одного, который бы ей понравился. Но в конце концов она подошла к тому месту, где стоял Олаф с головой, наполовину скрытой под меховым капюшоном. Она подошла к нему, приподняла капюшон и долго и пристально смотрела ему в глаза.

"Более высокого и красивого мужчины я никогда не видела", - сказала она. "Кто ты и откуда?"

"Я здешний житель, - ответил он, - и зовут меня Оле Эстонец".

Гида сказала: "Хочешь ли ты получить меня? Тогда я выберу тебя в мужа".

Олаф ответил, что не прочь поверить ей на слово. Так они обсудили этот вопрос и, будучи единомышленными, сразу же обручились.

Альфвин был недоволен этим и в сильном гневе вызвал Олафа на поединок. В те времена в Англии существовал обычай: если двое мужчин спорили по какому-либо вопросу, то каждый из них должен был привести двенадцать человек и оспаривать свои права в поединке. И когда эти два соперника встретились, Олаф дал слово своим людям поступить так, как он. У него был большой топор, и когда Альфвин напал на него с мечом, он быстро одолел его, а затем связал веревками. Таким же образом были побеждены все люди Альфвина, и Олаф заставил их уйти из страны и никогда не возвращаться. Альфвин был очень богатым человеком, и его богатство было конфисковано в пользу Олафа. Тогда Олаф женился на принцессе Гиде, и отправился с ней в Ирландию, и жил в великом счастье много дней.

ГЛАВА XIV: ТОРИР КЛАККА.

Все это время странствий Олафа Тригвисона ярл Хакон из Ладе продолжал властвовать в Норвегии, и в стране царил великий мир, урожаи были богатыми, а рыбалка - хорошей. В первые годы жизни он был очень популярен благодаря своей доброте и щедрости, бесстрашной храбрости и огромной силе в бою. Но, похоже, большая власть, которую он приобрел впоследствии, нарушила тонкое равновесие его ума, и он стал лживым, даже с самыми близкими друзьями, и жестоким до такой степени, что вскоре снискал ненависть своего народа, который втайне роптал против него, опасаясь вступить в открытое восстание.

Ярл Хакон ничего не знал о сильных чувствах, которые поднимались против него, и не сомневался, что до конца своих дней будет пользоваться своей властью без всяких ограничений. Лишь одна мысль нарушала его спокойствие. До него дошли слухи о некоем викинге, который называл себя Оле и, как говорили, снискал большую славу в царстве короля Этельреда. Хакону сказали, что этот самый Оле провел свои молодые годы в

Гардарике, и он решил, что парень должен быть из рода норвежских королей, ибо не секрет, что у короля Тригви Олафсона был сын, который отправился на восток в Гардарику и вскормился там при дворе короля Вальдемара, и что его звали Олаф.

Ярл Хакон долго искал Олафа Триггвисона, но тщетно. Некоторые люди, правда, говорили, что в битве с йомсвикингами они видели молодого чемпиона по имени Оле Эстонец, чей облик напоминал облик Харальда Фэйрхайра, и говорили, что этот самый чемпион был одним из тех, кто был взят в плен и предан смерти. Но, несмотря на эту историю, Хакон все же поверил в более поздние слухи. Он верил, что авантюрист Оле Викинг - не кто иной, как Олаф Триггвисон, и не сомневался, что этот смелый молодой скиталец рано или поздно предъявит права на королевство Норвегия.

По мере того как его собственная популярность становилась все меньше и меньше, Хакон с растущей тревогой ожидал неизбежного конфликта. Он прекрасно понимал преданность норвежского народа семье Харальда Фэйрхайра и теперь считал, что его собственная безопасность может быть обеспечена только смертью этого возможного соперника.

У ярла Хакона был большой друг по имени Торир Клакка, человек, который много лет занимался викингами и часто отправлялся в торговые плавания в Англию, Ирландию и другие земли, граничащие с Западным морем. Граф поговорил с Ториром и рассказал ему о своем плане: он велел ему отправиться в торговое путешествие в Дублин, где, как предполагалось, жил Оле Эстонец, и если выяснится, что этот Оле действительно сын короля Тригви или любого другого отпрыска северного короля, то Торир должен был либо убить его, либо переманить в Норвегию, где с ним расправится сам Хакон.

Поэтому, не откладывая, Торир отправился выполнять свою миссию и поплыл на запад, в Ирландию. Ранней весной он добрался до Дублина и не сразу узнал, что Оле живет при дворе короля Куарана, своего шурина.

В один из дней Торир был на рынке и покупал ирландских лошадей, выставленных на продажу. Там был прекрасный белый пони, который ему очень понравился, и он предложил за него высокую цену. Но был еще один, кто предлагал еще больше, - высокий молодой человек с длинными светлыми волосами и очень ясными голубыми глазами, одетый в очень красивый плащ из малинового шелка, окаймленный золотыми кружевами. Торир сразу узнал в нем норманна и догадался, что это и есть тот человек, которого он искал. Наконец-то пони подчинился приказу Торира. Тогда Торир взял животное за поводья, подошел и встал рядом с красивым норсманом.

"Прошу тебя принять пони в дар от меня, - сказал он на английском языке, - ибо я вижу, что ты великий владыка в этой земле, и такое прекрасное животное лучше подходит такому, как ты, чем простому мореплавателю, которому оно мало пригодится".

"А почему я должен принимать такой подарок от незнакомца, который ничем мне не обязан?" - ответил Олаф Триггвисон. "Пони твой, дружище, ибо ты купил его и заплатил за него на честном рынке. Если у тебя нет желания оставить животное у себя, я с радостью куплю его у тебя по той цене, которую ты заплатил. Но я не могу принять его в качестве бесплатного подарка".

Олаф заплатил ему цену золотом чеканки Этельреда и отослал пони под присмотром одного из своих слуг. Но даже когда дело было закончено, Торир, казалось, не собирался уходить, а стоял рядом с Олафом, пристально вглядываясь в его лицо.

"Почему ты задерживаешься?" - спросил Олаф. "Есть ли во мне что-то необычное, что ты так пристально смотришь на меня?"

"В тебе много необычного, господин, - ответил Торир, - и нет ничего удивительного в том, что я смотрю на тебя с интересом. Нигде, кроме родной Норвегии, я не видел такого высокого, сильного и красивого человека".

"Конечно, в Норвегии много таких мужчин, - сказал Олаф, - но и в этих западных землях их немало; тому свидетели те, кто находится рядом с нами на этом рынке".

Он бросил взгляд в сторону, где стоял его друг Колбьорн Сталларе.

"У тебя за спиной стоит один, который кажется не менее сильным, чем я".

Торир оглянулся на Колбиорна, потом на Олафа. "Ты почти на голову и плечи выше того, - сказал он, - и в тебе есть что-то такое, что говорит мне о том, что ты провел большую часть своей жизни в Норвегии".

Олаф сказал: "С тех пор как я был младенцем на руках, я был в той стране лишь однажды, и то только во время двух смен луны или около того. Тем не менее я не стану отрицать, что во мне действительно есть жилка норвежской крови, и по этой причине мне было бы весьма приятно услышать от тебя некоторые новости о том, что происходило в Норвегии в последние несколько лет".

"Рассказывать особо нечего, - ответил Торир, - ибо с тех пор, как безрассудные сыновья Эйрика Бладэкса были изгнаны из страны, больших войн не было. Правда, в последнее время ярл Сигвальди Йомсбургский предпринял попытку завоевать власть в Норвегии. Он повел свое войско викингов с не знаю каким количеством кораблей против ярла Хакона, но был разбит с большой резней и обратился в бегство".

"О той знаменитой битве я уже получил известия", - сказал Олаф. "Я слышал, что многие известные викинги были побеждены в тот день, и что Вагн Акисон был единственным вождем, который стоял на своем до конца".

Торир быстро взглянул в лицо Олафу и сказал: "Да, Вагн показал себя доблестным воином в той схватке. Но был и тот, кто был столь же храбр и могуч, как он, - тот, кто назвался Оле Эстонцем. Люди говорят, что этот Оле с тех пор снискал большую славу в Англии".

Олаф улыбнулся, но несколько мгновений молчал. Затем, наконец, он начал задавать множество вопросов о королях Возвышенности, о том, кто из них еще жив и какое владычество они имеют. Спросил он и о ярле Хаконе, и о том, насколько он любим в стране.

Торир ответил: "Граф настолько могущественный человек, что теперь вся Норвегия в его власти, и никто не осмеливается произнести ни слова, кроме его похвалы. И все же, - добавил он, вспомнив условия своей миссии, - ярл Хакон - не все, чего желал бы мирный народ. Многие предпочли бы другого монарха, если бы только знали, где найти того, кто больше им по вкусу. Жаль, что нет в живых человека крови короля Харальда Фэйрхайра, которого норманны могли бы посадить на трон. Нет такого человека и у нас; и по этой причине мало пользы от того, кто не имеет королевского происхождения, чтобы спорить с ярлом Хаконем".

Когда Олаф Триггвисон услышал все это, в нем проснулось нетерпеливое желание отправиться в Норвегию и провозгласить себя прямым потомком Харальда

Прекрасноволосого и законным наследником престола. Поэтому на следующий день он снова разыскал Торира, и когда они немного поговорили, Олаф сказал:

"Давным-давно, как я слышал, был маленький сын короля Тригви Олафсона, который бежал со своей матерью, королевой Астрид, в Швецию. Никто не слышал, жил ли тот юноша или умер? Почему никто из норвежцев не разыскивает его и не ставит править ими вместо этого Хакона, который не имеет ни королевского происхождения, ни королевского воспитания?"

Торир ответил: "Не из-за недостатка стараний королева Гуннхильд не довела ребенка до смерти. Она преследовала его далеко и долго; но боги защитили его, и он спасся. Многие говорят, что он попал в рабство; другие утверждают, что он укрылся в Хольмгарде, где правит король Вальдемар; и я даже слышал намек на то, что викинг, называющий себя Оле Эстонцем, который в последнее время воюет в Англии, не кто иной, как Олаф Тригвисон. Однако сейчас в Викене живет женщина, которая, как говорят, является вдовой короля Тригви - ее зовут Астрид - и она заявила, что ее сын Олаф наверняка мертв, иначе бы он по собственной воле вернулся в Норвегию, чтобы потребовать свое великое наследство".

Произнося эти слова, Торир впервые увидел, как изменилось лицо Олафа, и решил, что перед ним действительно тот человек, которого ярл Хакон послал его заманить в ловушку. И все же некоторое время он держал себя в руках, полагая, что если это действительно Олаф Тригвисон, то этот факт быстро выяснится, и вскоре у него появится шанс либо предать его смерти, либо заманить в руки ярла Хакона.

Несколько мгновений Олаф молча ходил взад и вперед. В его глазах появился новый свет, щеки покраснелись, а когда он заговорил, в его голосе появилась дрожь, свидетельствующая о том, как сильно подействовала на него эта новость о давно потерянной матери.

"Сколько времени прошло с тех пор, как эта женщина, эта королева Астрид, вернулась в Норвегию?" - спросил он.

"Много лет", - ответил Торир.

"Тогда, может быть, она уже умерла?" - спросил Олаф.

Но Торир покачал головой.

"Это вряд ли, - сказал он, - потому что я видел ее своими глазами на прошлом Юлетиде, и тогда она очень счастливо жила со своим мужем в Викене".

"Ее муж?" - повторил Олаф. "И что же он за человек? Конечно, король, ибо никто, кроме короля, не достоин такой жены".

"Он не король, но человек богатый и из хорошего рода", - ответил Торир. "Его зовут Лодин, и он часто отправлялся в торговые плавания на корабле, который принадлежал ему самому. В одно лето он отправился на восток, в Эстгонию, и там вел большие дела. И вот на рынке одного из эстонских портов привели на продажу множество рабов, и среди других рабов, которые должны были быть проданы, Лодин увидел некую женщину. Приглядевшись, он понял по красоте ее глаз, что это Астрид, дочь Эрика, выданная замуж за короля Тригви Олафсона. И все же она была совсем не похожа на себя прежнюю: бледная, худая и плохо одетая. Тогда Лодин подошел к ней и спросил, как ей живется и как она оказалась в таком месте и так далеко от Норвегии. Она ответила: "Тяжелая это история. Я продана на рынке рабов и привезена сюда для продажи", - и тут она, зная Лодина, взмолилась, чтобы он купил

ее и отвез к своим сородичам в Норвегию. Я дам тебе выбор, - сказал он. Я увезу тебя в Норвегию, если ты выйдешь за меня замуж". Тогда Астрид пообещала ему многое, и он купил ее, отвез в Норвегию и женился на ней по доброй воле ее сородичей".

Тогда Олаф сказал: "Воистину, это самая радостная весть, которую я слышал за долгие годы!" Но едва эти слова сорвались с его губ, как он понял, что невольно выдал свою давно хранимую тайну, ибо с чего бы ему считать эту новость столь радостной, если он сам не был потерянным сыном той самой королевы Астрид? А Торир, казалось, уже обо всем догадался, ибо сказал:

"Радостная весть всегда должна быть, когда сын слышит, что его мать, которую он считал мертвой, жива".

"Я не говорил тебе, что королева Астрид - моя мать", - вскричал Олаф с притворным удивлением.

"Не было нужды говорить мне", - ответил Торир. "Ведь еще до того, как я обмолвился с тобой словом, я догадался и о твоём имени, и о твоём роде. Ты сын короля Тригви Олафсона. Это тебя в младенчестве преследовали по всей земле шпионы королевы Гуннхильд. Именно ты, бежав из Швеции вместе со своей матерью, был схвачен эстонскими викингами и продан в рабство. Затем, по какой-то неведомой мне случайности, ты был принят при дворе короля Вальдемара Солнечного. После этого ты присоединился к викингам Йомсбурга и стал называться Оле Эстонцем. Именно ты в морском бою с ярлом Хаконем соперничал в мастерстве и доблести с самыми знаменитыми викингами всей Скандинавии. Жаль, что вместо того, чтобы отправиться на войну в Англию, ты не направил свои силы против ярла Хакона и не согнал его с трона, который должен занять ты, и только ты один из всех живущих людей. Именно вы, а не ярл Хакон, являетесь законным королем всей Норвегии. Королевство принадлежит тебе по праву твоего королевского происхождения от короля Харальда Фейрхейра, и я не сомневаюсь, что, если бы ты приплыл в Трандхеймский фьорд, народ сразу же приветствовал бы тебя как своего освободителя и принял бы как своего суверенного короля".

Так коварными речами и тонкой лестью Торир Клакка пытался заманить Олафа в Норвегию, чтобы ярл Хакон тайно обманул его и предал смерти, а сам избавился от соперника, которого боялся. А Олаф, слушая, принимал все это как чистую правду и ни на миг не сомневался, что люди готовы приветствовать его на земле его отцов.

Было много причин, побуждавших его к этому путешествию. Прежде всего, его прекрасная молодая жена, принцесса Гида, скорпостижно скончалась через несколько недель после их приезда в Дублин. Ее свалила лихорадка, и ее смерть принесла Олафу столько горя, что он больше не находил счастья в доме, куда она его привела. При желании Олаф мог бы пользоваться всеми ее богатствами и даже стать королем в Дублине. Но у него было свое собственное богатство, причем в изобилии, и он не имел большого желания ждать смерти своего шурина, чтобы возвести себя в ирландские короли. Кроме того, ему хотелось вновь соединиться с королевой Астрид, его матерью, которая так много сделала для него в младенчестве, а теперь, без сомнения, считала его мертвым. Только ради нее, если не ради чего-либо другого, он как никогда сильно хотел вернуться в Норвегию. Кроме того, от Торира он узнал, что жители Норвегии все еще твердо верят в старых богов, в кровавые жертвы и поклонение деревянным изображениям; он слышал, что ярл Хакон был злейшим врагом христиан, что он запрещал своим людям оказывать гостеприимство любому крещеному

мужчине или женщине; и это знание заронило в голову Олафа новое стремление - стремление утвердить христианскую веру по всей длине и ширине Норвегии.

Не прошло и нескольких дней, как он собрал пять своих кораблей и отплыл. Он взял с собой нескольких христианских священников, которые последовали за ним из Англии, и Торир был с ним в компании. Сначала он поплыл к Южным островам, а затем на север, в Пентландский лиман. Здесь он столкнулся с ужасным штормом. Его моряки испугались, но он призвал их уповать на Бога, и они обрели новое мужество. Однако буря не утихла, и тогда Олаф направился к Оркнейским островам и укрылся там в тихой гавани.

Оркнейцы были очень рады снова видеть его среди своих, ибо теперь они считали, что он пришел исполнить свое прежнее обещание и избавить их от деспотичного правления ярла Хакона.

Торир поручил Олафу не открывать никому своего истинного имени, пока он не окажется в безопасности в Норвегии и не будет уверен в своем успехе. Поэтому островитяне считали его храбрым викингом и не более того. Тем не менее они собрались вокруг него, заявив, что готовы и хотят следовать за ним через море и помочь ему изгнать ярла Хакона на заслуженную гибель. Чтобы проверить их верность, Олаф созвал большое собрание народа и вызвал к себе одного из ярлов. Немного слов было сказано, прежде чем Олаф, к удивлению всех присутствующих, объявил, что ярл должен дать себя окрестить или что он должен умереть.

"Если ты и твои люди откажутся креститься, - сказал Олаф, - тогда я пройду по островам с огнем и мечом и опустошу всю землю!"

Торир Клакка рассмеялся, услышав эту дерзкую угрозу, и подумал, как плохо пришлось бы тому, кто попытался бы совершить подобное в Норвегии.

Но в характере Олафа Триггвисона было что-то такое, что заставляло повиноваться. Оркнейский ярл прекрасно видел, что угроза прозвучала всерьез, и решил креститься.

Собрание островитян проходило на берегу одного из озер, где стоял языческий храм, который Олаф сам помог построить. И вот он приказал своим людям разрушить этот храм до основания, так что ни один камень не остался стоять на своем месте. Сделав таким образом видимость изгнания старой веры в Одина и Тора, он принялся учить более великой вере в Христа. С ним был некий священник по имени Тангбранд, могучий человек, который умел владеть мечом не хуже любого викинга, а голос его был подобен раскатам грома. Тангбранд встал по колено в озере, и когда люди один за другим выходили к нему, он окроплял их водой и совершал над ними крестное знамение. Так все жители острова, мужчины, женщины и дети, стали христианами. Когда все эти церемонии были закончены, Олаф бросил якорь и отплыл на восток, в Норвегию.

Торир Клакка был очень доволен, видя, с какой легкостью Олаф Триггвисон приобрел влияние на этих людей, и как все люди готовы следовать за ним и подчиняться ему. Если его власть была так сильна над людьми, которые не были обязаны ему верностью и даже не знали о его королевском происхождении, то насколько же большей она должна быть над народом Норвегии, чья приверженность к роду Харальда Фейрхейра давала им двойную причину повиноваться ему? Если Олаф когда-нибудь ступит на землю Норвегии и объявит свое настоящее имя, это может обернуться для Хакона из Ладе куда более плачевно, чем предполагал граф, когда отправлял своего друга Торира в Ирландию. Пока корабли плыли по морю на восток, Торир обдумывал это дело, и ему пришло в голову, что для безопасности

Хакона будет лучше, если Олафу Триггвисону никогда не позволят добраться до места назначения.

В одну из ночей Олаф стоял в одиночестве у носового поручня своего корабля и мечтательно смотрел на море. Весла были положены на борт, а людей на палубе было немного, потому что хороший ветер, дувший с юго-запада, наполнил шелковистые паруса и погнал судно вперед, вздымая снежную пену вдоль его глубоких бортов, и не было никакой работы, кроме той, что выполнял человек, стоявший у румпеля. На юге море и небо были темны, но в северных небесах виднелась арка багрового, мерцающего света, от которой в зенит устремлялись длинные дрожащие валы более тусклого красного цвета, бросая на волны свои румяные отблески. Позолоченный дракон на носу корабля словно купался в огне, а золотой шлем Олафа с гребнем, кольчуги на его обнаженных руках, эфес меча и вязанные цепи его плаща сверкали и переливались в красном свете, как будто были усыпаны драгоценными камнями.

Этот красный свет, вспыхивающий в полуночном небе, норманны считали сиянием бороды Тора. Но когда Олаф Триггвисон смотрел на него с носа своего корабля, он понимал, что это послание надежды, посланное с небес и зовущее его в путь к родной земле на севере, чтобы там отомстить за смерть отца, отвоевать свое королевство и воцариться в качестве первого истинно христианского короля Норвегии. И все же, пока его судно плыло, погружаясь в лихую пену, а его нос то поднимался, то опускался в широком пролете этой огромной розовой арки, его одолевали странные сомнения, старые верования все еще оставались в его сознании, и он начал думать, что, возможно, его новые знания были ложными, что Тор, возможно, все-таки верховный в мире, и что этот красный свет в небе был свидетельством его постоянной власти, видимым пренебрежением к Христу.

Олаф размышлял об этом, когда над воем ветра и шумом волн услышал - или ему показалось, что услышал, - как кто-то идет позади него по палубе. Он быстро обернулся. Никого не было видно, но его взгляд остановился на тени, отбрасываемой рукоятью его меча на доски палубы. Тень была в форме креста. Знак был пророческим, и в одно мгновение все его сомнения исчезли.

"Христос торжествует!" - воскликнул он.

Слова еще не успели сорваться с его губ, как он услышал скрип тетивы. Перед ним промелькнула стрела, ударилась о пик его шлема и упала к его ногам на палубу. Затем он увидел, как фигура человека в плаще быстро скрылась в тени парусов.

Олаф поднял стрелу и осмотрел ее. По метке на древке и отделке перьев он понял, что это стрела, взятая из его собственной каюты. Он также знал, что ее острие отравлено.

"Никогда не подозревал, что за мной следует предатель, - сказал он, направляясь к своей хижине. "Кто-то пытался лишить меня жизни. Но кем бы он ни был, я обязательно найду его и покараю!"

Он пошарил в тени фальшбортов и среди скамеек гребцов, но не обнаружил никаких следов своего тайного врага. Когда он вошел в свою каюту, то обнаружил там только Торира Клакку, который, казалось, спал на полу, положив рядом с собой пустой рог для питья, и тяжело дышал. Олаф решил, что тот перебрал медовухи, и, оставив его на месте, вышел на палубу, чтобы рассказать другу Колбиорну о покушении на его жизнь. Но как только Олаф вышел из каюты, Торир поднялся, проснувшись, но уже в одиночестве, и достал из-под себя длинный лук, который положил на стойку.

"Этот человек живет, как заколдованный!" - пробормотал Торир, - "или у него глаза на затылке. Мне не повезло! Если бы я целился на ширину пальца ниже, он был бы уже мертв, и ярл Хакон избавился бы от необходимости расставлять для него ловушки!"

Всю эту ночь Олаф занимался поисками своего неизвестного врага, но безрезультатно. Он допросил всех, кто был на борту, но все клялись крестным знамением, что ничего не видели. На какое-то время Олаф был вынужден заподозрить Торира Клакку, но вскоре отбросил эту мысль. Поведение Торира по отношению к нему с момента их первой встречи было настолько доброжелательным и дружелюбным, что подозрение на него пало, и действительно, среди всей корабельной компании не было человека, который проявил бы больше беспокойства по этому поводу, чем Торир, или приложил бы больше усилий, чтобы обнаружить злоумышленника, посмеявшегося покушаться на жизнь любимого вождя.

ГЛАВА XV: ЗЛОЙ ЭАРЛ.

Рано утром следующего дня корабли оказались в пределах видимости от высокого побережья Норвегии. По вероломному совету Торира Олаф взял курс на ту часть страны, где власть ярла Хакона была наибольшей и где, как ожидалось, мог в это время находиться сам Хакон. Пробираясь среди шхер, Олаф высадился на острове Мостер, расположенном в Хордаланде. Здесь он разбил свой шатер и установил перед ним крест, а также свой штандарт; когда все люди сошли на берег, он велел своим священникам отслужить мессу. Он не встретил сопротивления, ибо жители этих мест были заняты на своих полях, и не было ничего необычного в том, что несколько мирных кораблей бросили якорь у их берегов.

Торир посоветовал высадиться именно на этом острове, потому что, как уже было решено, он знал, что здесь он сможет получить личные новости о ярле Хаконе и узнать, как ему лучше всего предать короля Олафа в лапы Хакона. Когда Торир узнал, что граф находится в Тронделаге, он сказал Олафу, что ему ничего не остается делать, как хорошо скрывать, кто он такой, и со всем усердием плыть на север, чтобы напасть на ярла Хакона врасплох и убить его. В то же время он послал Хакону тайную весть, велел ему подготовить планы убийства Олафа Триггвисона.

Поверив каждому слову Торира и доверившись его кажущейся честности, Олаф принял совет и день и ночь шел на север, пока не пришел в Агданесс, в устье фьорда Трандхейм, и здесь сделал привал.

Теперь Торира Клакку ждал большой сюрприз. Все это время, с тех пор как он отправился на запад Ирландии в поисках Олафа, он был уверен, что власть ярла Хакона неприступна и что бонды, или землевладельцы, не только хорошо к нему относятся, но и готовы твердо стоять за него в любой опасности. Он намеренно обманул Олафа Триггвисона, представив, что графа можно легко свергнуть, а его подданных так же легко переманить на сторону нового короля. К своему ужасу, он обнаружил, что, говоря заведомую неправду, он все это время невольно отражал действительное положение дел в стране. За время отсутствия Торира в Норвегии Хакон совершил ряд поступков, которые вызвали к нему ненависть и презрение всего народа. Крестьяне Трандхейма объединились в открытом восстании против него; они разослали по деревне призыв к войне и собрались в большом количестве, намереваясь обрушиться на злого ярла и убить его.

Поэтому Олаф Тригвисон не мог выбрать более удачный момент для своего прибытия в эти земли. Ему оставалось только заявить о себе, чтобы сразу же заручиться преданностью и почтением жителей.

Когда Олаф вошел в устье фьорда со своими пятью кораблями и бросил якорь у Агданесса, он услышал, что ярл Хакон лежит со своими кораблями дальше по фьорду, а также что он враждует с бондерами. Поэтому Олаф не стал медлить, а снова бросил якорь и поплыл на восток, в освещенный солнцем фьорд. Не успел он отойти далеко, как из-за скалистого мыса на голубой воде показались три военных судна, которые гребли ему навстречу, выставив красные боевые щиты. Но вдруг, приблизившись к нему, они повернули к суше и поспешно скрылись. Олаф не сомневался, что это корабли Хакона, поэтому он посадил на весла дополнительных людей и велел им пуститься в погоню.

Теперь отступающими кораблями командовал не ярл Хакон, а его любимый сын Эрланд, который пришел во фьорд на помощь отцу против кабальеро. Когда Эрланд обнаружил, что его преследуют, на него напал сильный страх, чтобы не оказаться загнанным еще дальше во фьорд и не попасть в лапы бондеров, которые, как он знал, ждали, чтобы дать ему бой, поэтому, когда он увидел, что Олаф приближается к нему, он посадил свои корабли на мель, прыгнул за борт и сразу же направился к берегу.

Тогда Олаф приблизил к нему пять своих кораблей и атаковал его стрелами, убив многих из его людей, пока они плыли к суше. Олаф увидел плывущего мимо человека, который был очень красив; он схватил румпель и, прицелившись, метнул в него, поразив в голову. Этим человеком был сам Эрланд, и он погиб.

Олаф и его люди взяли в плен многих мужчин и заставили их принять мир. От них он услышал весть о том, что ярл Хакон бежал и что все его воины покинули его.

Когда эта небольшая битва закончилась и корабли Эрланда были захвачены, Олаф Тригвисон на лодке отправился дальше во фьорд к Тронделагу, где собрались все вожди и крестьяне. Здесь он сошел на берег и, облачившись в свои лучшие доспехи, с огромным золотым шлемом и плащом из малинового шелка, вышел в гущу народа, сопровождаемый лишь своим другом Колбиорном Сталларе и двумя стражниками.

Крестьяне изумленно смотрели на него, недоумевая, что это за великий человек, который так внезапно появился перед ними. А двое их вождей вышли ему навстречу, обнажив головы. Один из них спросил его имя и причину его прихода.

"На твои вопросы мы скоро ответим", - сказал он, и чистый звон его голоса был слышен даже тем, кто стоял далеко друг от друга. "Я пришел, чтобы предложить себя людям этой земли, защищать их от всякого зла, отстаивать их законы и права. Меня зовут Олаф. Я сын короля Тригви Олафсона, который был внуком короля Харальда Фэйрхайра".

Услышав эти слова, вся толпа народа дружно поднялась и огласила воздух радостными приветствиями, ибо им не требовалось особых доказательств, чтобы убедиться, что он действительно принадлежит к роду старых королей Норвегии. Некоторые из старших мужчин, увидев его, заявили, что это, несомненно, король Хакон Добрый, вернувшийся на землю, моложе, справедливее и благороднее, чем он был в былые времена. Стоявшие рядом молодые воины были вне себя от восхищения его высокой и красивой фигурой, его огромной силой, большими ясными глазами и длинными золотыми волосами, и они завидовали великолепию его дорогих доспехов и красивых одежд. По их мнению, идти за таким человеком в бой стоило бы всей славы Валгаллы.

"Слава королю Олафу!" - кричали они. И этот клич отозвался эхом со всех сторон.

Многие из присутствующих хотели, чтобы Олаф сразу же был официально провозглашен королем всей Норвегии, но другие, более трезвые, возражали.

"Королем он, конечно, будет", - говорили они. "Но пусть он станет им без излишней спешки. Пусть сначала он докажет свое достоинство каким-нибудь подвигом".

"Я готов доказать это любым способом, каким вы пожелаете", - сказал Олаф. "Что вы прикажете мне сделать?"

Тогда один из вождей встал перед ним и сказал:

"Есть одна вещь, повелитель, которую мы хотим, чтобы ты сделал, и, сделав ее, ты заслужишь благодарность каждого мужчины и каждой женщины в Трандхейме".

"И что же это за дело?" - спросил Олаф.

"В том, что ты отправишься в погоню за ярлом Хаконем и приведешь его к гибели".

"Я с радостью буду преследовать его, - ответил Олаф, - если узнаю, в каком направлении он направился или в какой части земли я могу его найти".

Тогда вождь подозвал к себе одного из молодых воинов и подробно расспросил его о Хаконе.

Юноша рассказал, что граф бежал из Галдейла, где скрывался, и что его сопровождал лишь некий раб по имени Карк. Люди пустились за ним в погоню и на краю глубокого болота нашли следы лошади графа. Следуя по следам, они пришли в середину болота, и там нашли самого коня, барахтающегося в трясине, а рядом лежал плащ Хакона, который, казалось, показывал, что болото было его смертью.

"Граф Хакон достаточно хитер, чтобы бросить в трясину и коня, и плащ, намереваясь обмануть своих преследователей", - сказал один из прохожих. "Я же, со своей стороны, поставил бы все свои надежды на Вальгаллу на то, что он хоть сейчас окажется на ферме Торы из Римула, ибо Тора - его самый дорогой друг из всех жителей долин".

Тора из Римула сидела и пряла у порога своего дома в укромной долине среди холмов. На берегах распускались свежие почки, на цветочных холмах резвились молодые ягнята, а в воздухе звучали песни птиц. Тора считалась самой красивой женщиной во всем Трандхейме. Ее волосы были светлыми, как лен на веретене, а глаза - голубыми, как чистое небо над головой. И сердце ее было светло, ибо она завоевала любовь великого ярла Хакона - Хакона, покорителя викингов Йомсбурга, гордого правителя всей Норвегии. Именно он подарил ей золотое кольцо, которое теперь красовалось на ее белом пальце, и пообещал, что сделает ее своей королевой. Она не верила, что люди говорили о нем правду - что он черен душой, жесток и подл. Его пустые слова не звучали для ее ушей, и она не видела в его глазах никакого обмана.

Он восхвалял ее красоту и признавался в любви, и она любила его в ответ.

Когда она сидела и пряла, среди овец и ягнят внезапно возникла суматоха. Она подняла голову и увидела двух мужчин, стоявших в тени деревьев. Один из них вскоре отделился от другого и подошел к ней. Это был низкорослый, злобный мужчина с кустистой черной бородой и длинными спутанными волосами. Она встала и пошла ему навстречу, узнав в нем Карка, раба ярла Хакона. Он велел ей зайти за деревья, где ждал граф. И она пошла в лес,

недоумевая, почему Хакон не вышел и не поприветствовал ее открыто, как это было в его обычае.

И как только она увидела его, то поняла, что случилось какое-то большое несчастье: руки его дрожали, а ноги подкашивались. Его глаза, которые она считала такими красивыми, налились кровью, а на лице появились глубокие морщины, которых она никогда раньше не видела. Ей показалось, что он вдруг превратился в дряхлого старика.

"Почему вы так дрожите?" - спросила она, взяв его за руку.

Он в страхе огляделся вокруг.

"Спрячьте меня!" - закричал он. "Спрячьте меня! Я в опасности. Позор и смерть настигают меня. Молодой король Олаф в стране, и он охотится за мной!"

"А кто такой этот молодой король Олаф, что он способен вселить ужас в сердце великого ярла Хакона?" - спросила Тора. "Ты, победивший викингов Йомсбурга, наверняка сможешь противостоять вражде одного слабого человека".

"Не так", - ответил Хакон дрожащим голосом. "Король Олаф намного могущественнее меня, и за его спиной вся Норвегия, а у меня... у меня есть только один верный слуга. Спасая его одного, все люди в стране настроены против меня".

Он в новом страхе огляделся вокруг. Даже шелест ветвей деревьев вселял ужас в его сердце.

"Спрячьте меня! Спрячьте меня!" - снова закричал он.

"Мало смысла прятать тебя в этом месте, - ответила Тора. "Король Олаф скоро будет искать тебя здесь, потому что многие знают, что я хотела бы помочь тебе, и они непременно приведут его сюда и будут искать тебя в моем доме как внутри, так и снаружи. И все же, ради любви к тебе, ярл Хакон, я спрячу тебя так, что ни позор, ни смерть не смогут приблизиться к тебе".

Она провела его среди деревьев к задней части стеддинга. "Есть только одно место, где, как мне кажется, королю Олафу не придет в голову искать такого человека, как ты, - сказала она, - и это в канаве под свинарником".

"Это место я бы не выбрал", - сказал Хакон. "Но прежде всего мы должны позаботиться о своей жизни".

Затем они пошли к хлеву, который был построен спиной к большому камню-валуну. Карк взял лопату, расчистил трясину и стал копать вглубь, пока, вытащив множество камней и бревен, не открыл что-то вроде пещеры. Когда мусор был убран, Тора принесла еду, свечи и теплые ковры. Ярл Хакон и рабыня спрятались в яме, а потом Тора накрыла их досками и плесенью, и свиньи загоняли их туда.

Когда наступил вечер, по тропе проехали несколько всадников, и во главе их был король Олаф Тригвисон. Тора из Римула увидела, как они подъезжают, и свет заходящего солнца блеснул на их доспехах, а когда они остановились у ее дверей, она приветствовала их дружелюбно.

Король Олаф сошел с коня и спросил ее, не знает ли она чего-нибудь о графе Хаконе из Ладе. При виде красивого молодого короля она на мгновение заколебалась, думая предать графа. Но когда Олаф спросил ее снова, она покачала головой и сказала, что не является хранительницей ярла Хакона и не знает, где он может быть.

Тем не менее король Олаф усомнился в ее словах и велел своим приближенным обыскать все в усадьбе и за ее пределами. Так они и сделали, но никто не смог найти следов того, кого они искали. Тогда Олаф созвал всех своих людей, чтобы поговорить с ними, а сам встал на тот самый камень-валун, который находился на задворках свинарника. Он громким голосом объявил, что даст большую награду и быстрое продвижение тому, кто найдет ярла Хакона и приведет его на смерть.

Эту речь прекрасно слышали и сам ярл Хакон, и его раб, когда они вместе скрючились в пещере, и при свете свечи, стоявшей на земле между ними, каждый с нетерпением следил за лицом другого.

"Почему ты так бледен, а теперь снова черен как земля?" - спросил ярл Хакон. "Не потому ли, что, соблазнившись предложением награды, ты намерен предать меня?"

"Нет", - ответил Карк. "За все золото короля Олафа я не предаю тебя".

"В одну и ту же ночь родились мы оба, - сказал граф, - и в смерти мы не будем далеки друг от друга".

Долго сидели они в трепетном молчании, не доверяя друг другу и не решаясь заснуть. Но с наступлением ночи усталость взяла верх над Карком, и он стал ворочаться и бормотать во сне. Граф разбудил его и спросил, что ему снилось.

Карк ответил, потирая глаза: "Мне снилось, что мы оба находимся на борту одного корабля и что я стою у штурвала как его капитан".

"Это, несомненно, означает, что ты управляешь своей судьбой так же, как и моей", - сказал ярл Хакон. "Будь верен мне, и когда наступят лучшие дни, ты будешь хорошо вознагражден".

И снова Карк заснул, и снова, как казалось, его потревожили сны; тогда Хакон снова разбудил его и попросил рассказать свой сон.

"Мне показалось, что я в Ладе, - ответил раб, - и там я увидел короля Олафа Тригвисона. Он заговорил со мной, и мне показалось, что он надел мне на шею золотое ожерелье".

"Это значит, что Олаф Тригвисон наденет тебе на шею кроваво-красное кольцо, когда бы вы ни встретились", - сказал граф. "Поэтому остерегайся его, Карк, и будь верен мне. Тогда ты всегда будешь получать от меня добро, как и прежде; так что не предавай меня".

После этого они оба сидели без сна, глядя друг на друга при мерцающем свете свечи. Ни один из них не смел сомкнуть глаз. Но ближе к утру ярл Хакон прислонился к скале, откинув голову назад. Сон одолевал его, но сон был неспокоен: он беспокойно ворочался, словно в кошмарном сне, и временами стонал и бормотал, словно в муках, так что Карк не мог смотреть на него иначе, как с ужасом. Наконец, когда граф затих, Карк вскочил на ноги, выхватил из-за пояса большой нож и вонзил его в горло хозяина.

Это был бич ярла Хакона.

На следующий день Олаф Тригвисон был в Ладе, и к нему пришел человек, назвавшийся Карком, и принес с собой отрубленную голову ярла Хакона, которую он предложил королю. Когда Олаф получил доказательство того, что голова действительно принадлежит графу, он спросил Карка, как он к нему попал, и раб рассказал обо всем, что с ним случилось, и потребовал свою награду.

Король Олаф больше всего на свете ненавидел предателей, поэтому он увел Карка и приказал одному из своих берсерков отрубить ему голову, исполнив тем самым пророчество убитого графа, ибо на шее предателя было надето кольцо не из золота, а из крови.

Затем король Олаф вместе со многими бондами отправился в Нид-Хольм. Этот остров в устье реки Нид в те времена держали для умерщвления воров и злых людей, и там стояла виселица, на которой теперь висела голова ярла Хакона, бок о бок с головой его раба. Кабальеры столпились у подножия виселицы, бросая в головы камни и комья земли, и кричали, что здесь им хорошо живется, плут за плутом.

И теперь, когда ярл Хакон был мертв, люди не стеснялись высказывать свое мнение о нем, давая волю своей ненависти к его низкому коварству и безверию, к его жестокости и распутству. Даже его рвение к кровавым жертвоприношениям и его твердая вера в языческих богов теперь воспринимались с большим презрением, ибо нельзя было забывать, что он принес в жертву собственного сына, чтобы умиловить бога войны, и этот поступок, в дополнение к злодеяниям, которые он совершил в последнее время, навлек на него такое презрение, что вся Норвегия радовалась его смерти.

Притязания Олафа Тригвисона на норвежский престол ни на минуту не оспаривались. Прежде всего, его мужественная красота и сходство с королем Хаконем Добрым сразу же завоевали ему расположение, а его личная сила и доблесть сами по себе могли бы стать достаточным основанием для того, чтобы его выбрали преемником ярла Хакона. Но к этому добавлялся тот несомненный факт, что он был прямым потомком Харальда Фэйрхайра, а значит, имел самые большие права на королевство, в котором правили его отцы. Поэтому вскоре после смерти Хакона в Тронделаге состоялся всеобщий Тинг, или собрание народа, на котором Олаф был официально провозглашен королем всей Норвегии и получил правление в соответствии с древними законами.

В то время округ Трандхейм был самым густонаселенным и важным в стране, и трандорцы воспользовались правом (которое они сохраняют и по сей день) провозгласить нового монарха от имени всего народа. Тем не менее королю Олафу пришлось объехать всю страну, чтобы лично заявить о своем владычестве и получить верность своих подданных, как дальних, так и ближних. Весть о его приезде в Норвегию не замедлила дойти до самых отдаленных уголков королевства. Повсюду рассказывали, как он, благодаря храбрости своей матери, избежав гнева злой королевы Гуннхильд, жил рабом в Эстонии, как был спасен Сигурдом Эриксоном и получил образование при дворе короля Вальдемара, как скитался в качестве викинга по Балтике и, захватив Англию, наконец вернулся на родину, чтобы заявить о себе. И куда бы он ни отправился, везде его ждала слава, которая готовила ему дорогу. Везде его встречали с восторженным почтением. Его природная доброта, мужественная осанка и привлекательные манеры привлекали всех, с кем он вступал в контакт, и он был признан королем, которым мог гордиться весь народ. В знак славы, которую он завоевал в чужих землях, народ дал ему имя Олаф Славный.

ГЛАВА XVI: КРЕЩЕНИЕ НОРВЕГИИ.

Первой мыслью короля Олафа, взошедшего на норвежский престол, было то, что он поставит перед собой задачу обратить страну в христианство. Когда-то это уже пытался сделать его родной дядя, король Хакон Добрый, приемный сын Ательстейна Английского; но Хакон Добрый был слабым человеком, который, вместо того чтобы обратить свой народ в истинную веру, позволил себе вернуться в язычество. Олаф от природы был лучше

приспособлен для этой задачи, он был ревностным в вере и сильным в убеждении в святости своего дела. Он решил твердо противостоять любому сопротивлению, а если мягкие уговоры не помогут, не постесняется применить физическую силу. Отменить обычай кровавых жертвоприношений, разрушить все языческие храмы и вытеснить поклонение языческим богам проповедью Евангелия Христа - таково было дело его жизни.

Однако он был достаточно мудр, чтобы понять, что для успеха своей миссии ему необходимо сначала сделать свое собственное положение монарха совершенно безопасным и неприступным. Он так быстро утвердился в сердцах людей, что уже в конце первого лета обнаружил, что может смело приступить к выполнению своей задачи. Его единственный возможный соперник и естественный враг, ярл Эрик Хаконсон, с несколькими другими родственниками покойного графа, в страхе бежал из страны, оставив его в абсолютном владении; а лорды Викена и других южных областей, которые до сих пор держали свои земли у короля Дании, теперь стали людьми короля Олафа и платили ему дань и уважение.

В это время Олаф мог рассчитывать только на практическую помощь своего священника Тангбранда. Тангбранд был саксонцем, который ранее был приписан к Кентерберийскому собору. Он был человеком очень буйного нрава, и его готовность вступить в ссору и выхватить меч, должно быть, делала его весьма необычным выразителем Евангелия мира. Олаф очень скоро понял, что ему потребуется помощь, которую не сможет оказать этот драчливый священник; он отправил Тангбранда в Англию, велел ему отправиться в Кентербери и привезти с собой столько святых людей, сколько захотят служить ему в качестве миссионеров.

Тем временем король Олаф с несколькими избранными спутниками отправился на юг, в Викен, где жила его мать со своим мужем Лодином - тем самым, который выкупил ее из рабства. Там он провел всю зиму среди своих сородичей, а также среди тех, кто был большим другом его отца. Они приняли его с большой любовью.

И вот, когда король жил со своими друзьями в тихом уюте и покое, он самым серьезным образом изложил им свои планы, желая, чтобы они помогли ему всеми силами. Он сказал, что намерен проповедовать христианскую веру во всем своем королевстве, и что он должен крестить Норвегию, иначе погибнет в этой попытке. Поэтому он начал с того, что ходил по Викену и просил крестьян принять крещение, и так получилось, что округ, которым раньше правил его отец, Тригви, стал первой частью Норвегии, принявшей истинную веру.

Он все еще находился в Викене, когда в конце зимы Тангбранд вернулся из Англии с компанией священников. Среди них был некий епископ Сигурд, человек серьезный и мягкий духом, весьма ученый и красноречивый, который стоял по правую руку от Олафа все пять лет его правления.

Епископ Сине из Кентербери преподнес Тангбранду очень дорогой и искусно сделанный щит. Он был сделан из обожженной бронзы, инкрустирован золотом и драгоценными камнями, и на нем было изображение распятого Христа. Олаф восхитился этим щитом и захотел его купить. Тангбранд любил деньги больше, чем украшения, и продал щит королю за очень большую сумму. Оказавшись неожиданно богатым, священник отправился развлекаться. Он ввязался в пьяную драку с одним викингом, который вызвал его на поединок. Состоялся отчаянный поединок, и викинг был убит. Этот неприятный инцидент вызвал у Тангбранда сильное недовольство, и он отправился обратно к королю Олафу, полный раскаяния.

Олаф предвидел, что с этим человеком у него будут проблемы, и не мог больше терпеть его в своем доме, поэтому, чтобы избавиться от него, он отправил его с миссией в Исландию, чтобы обратить тамошних язычников. Тангбранд пробыл в Исландии три зимы, и хотя он добился больших успехов и привел страну к истинной вере, его не любили, а люди досаждали ему, слагая о нем песни. Здесь, как и в Норвегии, он был буйным и хвастливым и слишком любил пить из рога. Рассказывают, что в ссоре с островитянами он убил трех человек. Однако он был вынужден вернуться в Норвегию, выполнив свою миссию лишь наполовину.

Король Олаф не встретил сопротивления в своем стремлении обратить в христианство жителей Викена и Агдера. В округе Рингарике он окрестил маленького мальчика, сына Харальда Гронске, который был из рода Харальда Фейрхайра. Король назвал мальчика Олафом и, давая ему свое благословение, сказал, что однажды он станет очень великим человеком. Этот самый Олаф Харальдссон впоследствии стал королем Норвегии и очень великим евангелистом. В истории он известен под именем Олафа Святого, и по сей день его считают покровителем Норвегии. Он участвовал во многих сражениях в Англии, и, возможно, по этой причине его часто ошибочно путают с его крестным отцом Олафом Тригвисоном.

Рассказывать обо всех хороших и плохих событиях, с которыми сталкивался король Олаф во время своего продвижения по земле, было бы долго. Во многих районах ему достаточно было объявить о своей миссии, и люди сразу же подчинялись. В других местах люди очень медленно понимали, что смена религии может принести какую-то пользу; но Олаф никогда не покидал их, пока каждый мужчина и каждая женщина не были крещены. Часто, однако, его встречали отряды вооруженных людей, которые заявляли, что скорее умрут, чем согласятся отказаться от своей старой веры в Одина и Тора, и тогда король навязывал свои доктрины острием меча или даже пытками. В порыве гнева он совершал жестокости, о которых в более спокойные моменты очень сожалел, но следует полагать, что он никогда не прибегал к насильственным мерам, разве что когда его очень сильно провоцировали. В основном он считал, что мудрые слова - лучший аргумент, чем меч или огонь.

Всегда, когда он приезжал в место, где люди все еще были язычниками, у него был обычай созывать большое собрание, а затем он рассказывал о том, как жители другого района приняли христианство, снесли свои жертвенные дома и теперь верят в истинного Бога, который формирует небо и землю и знает все на свете. Затем, возможно, он вступал в спор с одним из ведущих людей этого места и доказывал, что Бог крещеных людей всемогущ, а Тор и Один, следовательно, должны быть отвергнуты.

В один из таких случаев вождь по имени Гудбранд ответил ему следующим образом:

"Мы не знаем, о ком ты говоришь, о король. Называешь ли ты его богом, которого не можешь видеть ни ты, ни кто-либо другой? У нас есть бог, которого мы можем видеть каждый день, но сегодня он не вышел, потому что погода такая сырая. Он покажется тебе страшным и великим, и страх закрадется в твою грудь, если он придет на собрание нашего народа".

Тогда король спросил, как был сделан их бог, и Гудбранд ответил, что он был сделан по образу и подобию Тора, что в руке у него был молот, он был большого размера и полый внутри, и что под него был сделан помост, на котором он стоял, когда находился вне храма.

Олаф сказал: "Я бы очень хотел увидеть этого бога. Но со своей стороны я решил никогда не верить в бревна и камни, пусть даже в виде чудищ или людей, чьей силы я не понимаю; и хотя мне говорили, что они обладают огромной силой, мне это кажется маловероятным, ибо я нахожу, что те изображения, которые называют богами, во всех отношениях уродливее и

менее могущественны, чем я сам. Так насколько же они менее могущественны, чем великий Бог, который правит всей вселенной, заставляет дождь идти, а солнце светить!"

"Если, как ты говоришь, твой Бог так могуществен, то пусть он пошлет завтра солнечный свет, а не дождь, как сегодня", - сказал Гудбранд.

На следующий день, как обычно, дождя не было, и когда на ранней заре собрался весь народ, епископ Сигурд поднялся в мантии, с митрой на голове и козлом в руке, и проповедовал крестьянам, и рассказал им о многих знамениях, которые явил Бог. И вот король Олаф увидел, что к нему приближается толпа людей, несущих большой образ, украшенный золотом и серебром. Все люди встали и поклонились чудовищу, которое было поставлено в центре места собрания.

"Где теперь твой бог, о король?" - воскликнул Гудбранд, вставая и обращаясь к Олафу. "Мне кажется, что твое хвастовство и хвастовство рогатого человека, которого ты называешь своим епископом, гораздо меньше, чем вчера. Это потому, что пришел наш бог, который правит всем, и смотрит на вас пристальным взглядом. И я вижу, что вы полны ужаса при виде его! Отбросьте же это ваше новое суеверие - веру в бога, которого нельзя увидеть, - и признайте величие Тора!"

Король Олаф шепнул Колбьорну, который был рядом с ним: "Если во время моей речи случится так, что люди отвернутся от этого их идола, - сказал он, - тогда иди вперед и нанеси ему сильный удар своей дубиной".

А вслух он сказал: "Бог, которым ты нам угрожаешь, слеп и глух и не может помочь ни себе, ни другим; он не может сдвинуться с места, если его не нести. Что толку от такого бога? А теперь посмотрите на восток!" - добавил он, указывая на восходящее солнце. "Вот! Вот идет посланник нашего Бога, несущий в мир свет и тепло!"

Все люди повернулись лицом к солнцу. В тот же миг Колбиорн поднял свою дубину и ударил их бога так, что изображение разлетелось на куски; говорят, что из него выбежали гадюки, крысы и мыши, а крестьяне испугались.

"Вы видите, что стало с вашим богом!" - воскликнул король Олаф. "Какая глупость - верить в такие вещи! Один удар разбил твоего Тора на осколки. Теперь я требую, чтобы вы никогда больше не делали изображений из дерева или камня и не поклонялись никому, кроме единого истинного Бога. И я предлагаю вам два варианта. Либо вы принимаете христианство здесь, на этом месте, либо сражаетесь со мной сегодня".

И люди, не желая брать в руки оружие и видя, что у короля за спиной большое количество воинов, согласились выслушать учение епископа и, наконец, принять крещение. Олаф оставил среди них священника, чтобы они оставались твердыми в вере и не впадали в язычество.

Король Олаф отправился на север по всей земле, крестя всех жителей, где бы он ни появлялся. Но зимой он вернулся в Тронделаг. Он построил город на берегу реки Нид и большой зал для себя над Шип-Криком. Он назвал город Нидаросом, и он по сей день является столицей Норвегии, хотя его название было изменено на Тронхjem, или Дронхейм.

Однажды зимней ночью король пировал в своем зале. Гости пировали, а седовласые скальды пели и читали до позднего часа. Но наконец Олафа оставили одного у огня, заперев двери. Он сидел в своем дубовом кресле и смотрел на тлеющие дрова в очаге. Вдруг дверь распахнулась, и в комнату ворвался холодный ночной воздух. Оглянувшись, он увидел на

пороге очень старого человека, чей плащ был припорошен снегом. Олаф увидел, что у незнакомца только один глаз.

"О, бледный и дрожащий седобородый!" - воскликнул король. "Подойди, согрей свои жилы этой чашей эля со специями. Не бойся. Сядь здесь, у меня под боком, в свете пламени".

Престарелый гость повиновался, выпил пенящийся напиток, а затем протянул свои иссохшие руки к огню. Тогда он заговорил с королем и стал рассказывать ему о том, что случилось много сотен лет назад, и о многих землях, названия которых были королю незнакомы. И казалось, что он никогда не закончит свой рассказ.

Наконец вошел епископ Сигурд и напомнил Олафу, что ночь уже давно прошла и что ему пора ложиться спать. Но гость продолжал говорить, и король слушал увлеченно, пока сон не навалился на него и голова не откинулась назад. Но даже во сне ему казалось, что он все еще слышит голос седобородого старика, рассказывающего ему о богах Асгарда и славе Валгаллы.

Когда король Олаф проснулся, он был один перед черным очагом, и было уже полное утро. Он попросил позвать гостя и велел своим людям позвать его; но гостя нигде не было, и никто его не видел. Двери были надежно заперты, сторожевая собака спала во дворе, а на снегу не было никаких следов. Все заявили, что такой незнакомец никогда не входил в этот зал и что королю просто приснился сон.

Тогда Олаф подозвал к себе епископа и, перекрестившись, сказал:

"Это не сон, который я видел. Я знаю, что мой гость никогда не вернется, и все же я знаю, что он был здесь. Триумф нашей веры несомненен. Один Великий мертв, а одноглазый незнакомец был его призраком!"

Король Олаф был настолько уверен, что власть Одина разрушена, что после этого он уже не так охотно продолжал свою миссию, так как считал, что уже утвердил христианскую веру. Он сказал своему епископу, что всех старых богов больше нет, а верховенствует один Христос.

"Это еще не так, - ответил епископ, - ибо Тор все еще царствует среди морских скитальцев далекого севера. Я слышал, что в Сальтен-фьорде живет великий викинг, искусный в колдовстве. Он волшебник, ибо ему подвластны ветер и море, и он и его огромная орда язычников до сих пор поклоняются Одину и Тору и приносят им кровавые жертвы. Его зовут Ранд, и он - вождь над всеми Годовыми островами".

Пробудившись от апатии, Олаф заявил, что победит этого смелого викинга и принесет его на крещение или сам будет покорен. Тогда он собрал свои корабли и отплыл на север.

В устье Сальтен-фьорда его встретила непогода, и он был вынужден залечь там, простояв в шторме много дней. Шторм продолжался так долго, что в конце концов он обратился к епископу с вопросом, не знает ли тот какого-нибудь средства.

Епископ Сигурд ответил, что это, несомненно, волшебник Ранд, который своим колдовством вызвал ветры, поднялся на нос корабля и поднял большое распятие, зажег вокруг него лампы и окропил палубы святой водой. Рассказывают, что буря утихла вблизи кораблей, но все еще продолжала неистово реветь на некотором расстоянии от них. Разбитые волны стояли как стена по обе стороны, оставляя за собой дорожку спокойной воды, по которой и плыли корабли.

Когда король Олаф наконец приблизился к крепости Ранда, он увидел, что драконий корабль викингов стоит на якоре в бухте. Это был самый большой и великолепный корабль, который он когда-либо видел. Король высадился на берег со своими священниками и воинами, сразу же подошел к усадьбе волшебника и выломал дверь. Ранда взяли в плен и связали по рукам и ногам, как и многих его людей.

Король Олаф привел викинга к себе и велел ему принять крещение.

"Я не отниму у тебя ни имущества, ни богатства, - сказал король, - но стану твоим другом, если ты будешь достоин этого и примешь истинную веру".

Но Ранд закричал на него, заявив, что ничто не заставит его поверить в Христа. Он так богохульствовал, что Олаф рассердился и сказал, что Ранд должен умереть самой страшной смертью. Эта угроза не подействовала на богохульника. Тогда, согласно легенде, его схватили и привязали к дереву. Между зубами ему вставили кляп, чтобы открыть рот, а в горло затолкали живую гадюку. Гадюка прорезала ему путь через бок и убила его своим ядом.

Этот жестокий поступок всегда считался пятном на славе Олафа Тригвисона, но фанатизм Олафа привел его к мысли, что за то, что он таким образом покарал врагов Бога, ему полагается скорее похвала, чем порицание. Кроме того, этот человек, Ранд, наводил ужас на всех мирных людей. Он разорил множество деревень и приносил человеческие жертвы языческим богам. Предав его смерти, Олаф по-своему справедливо наказал преступника.

Король Олаф забрал из крепости Ранда огромные богатства, а всем людям, служившим викингу, разрешил выйти на свободу при условии, что они сначала пройдут обряд крещения. Драконий корабль, которым командовал Ранд, теперь стал собственностью короля Олафа, ибо это было самое красивое судно во всей Норвегии и гораздо больше, чем "*Журавль*", который Олаф построил для себя. Впереди на носу была очень высокая голова дракона, покрытая толстым слоем золота, а на корме - длинный драконий хвост, тоже из золота. Когда паруса были подняты, они приобрели форму драконьих крыльев. Король назвал корабль "*Змей*".

Пока Олаф находился в Халогаланде, он счел за благо отплыть еще дальше на север; так он добрался до островов Лафоден, а затем вдоль берегов Финмарка до самого Северного мыса. Он крестил все эти области, разрушил множество языческих храмов и утвердил христианство повсюду.

Тем же летом король Олаф снова вернулся в страну Трандхейм и поставил свой флот на якорь у Нидароса. Именно в этой части Норвегии власть ярла Хакона всегда была наибольшей, и Хакон так ревностно поддерживал языческие обычаи, что многие из главных людей тех мест противостояли всем усилиям короля Олафа обратить их в христианство, и во время его отсутствия в Халогаланде эти люди делали все возможное, чтобы уничтожить то доброе дело, которое он совершил в первые дни своего правления.

Не прошло и нескольких дней, как Олаф вернулся в Нидарос, когда услышал, что транды вновь установили свои храмы, восстановили идолов и приносят кровавые жертвы своим богам. Молодой король был так встревожен этим, что решил как можно скорее положить этому конец. Поэтому он разослал гонцов по всем землям, граничащим с Трандхеймским фьордом, с призывом созвать большое собрание бондеров в местечке под названием Фроста.

Кабальеры быстро догадались о смысле этого созыва. Они знали, что король хочет заставить их отказаться от старых обычаев и принять новую веру. Но они считали, что он не имеет права диктовать им; поэтому они превратили этот вызов в войну и собрались со всех концов Трандхейма, как таны, так и рабы.

Когда король Олаф пришел на встречу, туда же явились и рабы, все в полном вооружении, готовые противостоять ему.

Когда все было готово, король встал и выступил перед своими сеньорами, сначала по вопросам мира и закона, а в конце велел им снова принять крещение.

Среди бондеров был один по имени Скегги Железная Борода, очень богатый фермер, который мало заботился о короле и графах, а любил только свободу своей фермы, эль по вечерам и тепло своего камина. Это был огромный и громоздкий человек с железной седой бородой, а когда он стоял рядом со своей лошадью, было видно, что его ноги покрыты грязью вспаханных полей. Рядом с ним стояла красивая девушка с очень черными волосами и темно-карими глазами. Это была его дочь Гудрун.

Когда король Олаф начал упрекать народ за то, что он отошел от христианского культа, многие мужчины оглянулись на Железную Бороду с мудрым взглядом.

"Теперь держи себя в руках, о король!" - воскликнул он, обращаясь к Олафу. "Не говори ни слова о своей христианской вере, или, клянусь молотом Тора и воронами Одина, мы обрушимся на тебя и изгоним из страны. Так мы поступили с королем Хаконом Добрым, и мы не считаем тебя ни на йоту достойнее его".

И когда король Олаф увидел, с каким ожесточением противостоят ему бонды и как велика сила вооруженных людей, он почувствовал, что не готов противостоять им, и так изменил свою речь, что казалось, будто он единоклубен с ними.

"Я желаю, - сказал он, - чтобы мы заключили мир и добрую дружбу, как это было до сих пор. Поэтому я готов в любое время присутствовать на вашем богослужении и быть свидетелем величайшей церемонии принесения крови. Тогда мы сможем вместе посоветоваться и решить, какая форма поклонения будет преобладать".

Тогда бонды подумали, что царя можно легко убедить принять их старые обычаи, и их негодование против него было успокоено. После этого все разговоры шли мирно, и в конце концов было решено, что в середине лета в Мере должен состояться большой праздник с жертвоприношениями, на который должны приехать все владыки земли и вожди бондеров. Король Олаф тоже обещал присутствовать.

Когда подошло время, назначенное для жертвоприношения, Олаф устроил в Ладе большой пир, на который были приглашены все вожди и самые могущественные землевладельцы страны. Гостей развлекали по-королевски, а когда пир закончился, король приказал своим священникам отслужить мессу. На службе присутствовала толпа вооруженных людей с кораблей Олафа. Видя, что гости бессильны сопротивляться, они присоединились к богослужению и стали ждать, как будут развиваться события.

Когда служба подошла к концу, король поднялся и обратился к гостям. Он сказал:

"Когда мы проводили Тинг в последний раз, во Фросте, вы помните, что я потребовал от крестьян принять крещение, а они, в свою очередь, потребовали, чтобы я присоединился к ним в жертвоприношении и принес кровь, как это сделал мой родственник король Хакон

Добрый. Я не возражал против этого, но обещал присутствовать на жертвенном пиру в Мере. Теперь я хочу сказать вам, что если мне предстоит принести человеческую жертву, то я совершу величайшее кровавое жертвоприношение, которое когда-либо совершалось в Норвегии. Я принесу человеческую жертву Одину и Фрею за хороший урожай и хорошую погоду. Но, заметьте, я принесу в жертву вашим богам не рабынь и злодеев. Я принесу в жертву самых высокородных из вас". Затем он поочередно указал на нескольких своих гостей и сказал: "Ты, Лигра из Миддлхауса, будешь принесен в жертву; и ты, Кар из Гритинга; и ты, Халдор из Скердинга".

Он назвал еще восемь вельмож и велел им приготовиться к смерти. Все они в ужасе отступили назад. Король Олаф посмеялся над их глупыми страхами.

"Я вижу, что вам не по душе это предложение", - сказал он. "Но если мне суждено быть королем в этой стране, меня будут слушаться. Я повелел, чтобы Норвегия была христианской страной, и я добьюсь этого, даже если лишусь жизни, чтобы добиться этого. Вот мой епископ, готовый крестить вас. Прими крещение, и ты останешься жив. Откажись - и вас непременно принесут в жертву так, как я сказал".

Недолго раздумывая, они выбрали более легкую альтернативу. Они согласились креститься там и тогда, и епископ Сигурд сразу же окрестил их и всех присутствовавших бондов. Прежде чем им позволили уйти, король Олаф потребовал, чтобы они отдали ему своих сыновей или братьев в качестве заложников. Так мирной хитростью он добился своего.

Когда наступило время летнего жертвоприношения в Мере, Олаф отправился туда с большим числом сторонников. Но те из крестьян и землевладельцев, кто все еще сопротивлялся христианству, собрались вновь, вооруженные до зубов и непокорные, как всегда. Скегги Железная Борода был главарем язычников, и он везде был в первых рядах оппозиции.

Король пытался говорить, но шум был так велик, что никто не мог его услышать. Наконец, когда его услышали, он повторил свой приказ, чтобы все присутствующие приняли крещение и уверовали в Белого Христа.

Железная Борода вышел вперед с мечом в руке и, обратившись к королю, сказал:

"Сейчас, как и прежде, о король, мы протестуем против твоего вмешательства в нашу свободу и находимся здесь, чтобы помешать тебе нарушить наши законы и древние обычаи. У нас есть священный обычай приносить жертвы нашим богам, и мы считаем, что, хотя ты и наш царь, ты не имеешь права решать, в каких богов нам верить и каким образом поклоняться. Поэтому мы намерены, чтобы ты принес здесь кровавую жертву, как это делали до тебя другие короли".

Король Олаф терпеливо выслушал эту речь и заявил, что готов выполнить свое обещание. И вот, сопровождаемый многими своими людьми, он вошел в храм.

Это было очень большое и великолепное здание. Дверь была из прекрасного резного дуба, а ручка - в виде большого золотого кольца, которое вложил в нее ярл Хакон. Внутри было два больших зала: в первом, внешнем, совершались жертвоприношения; внутренний зал был более священным, ибо здесь на различных алтарях стояли изображения языческих богов. Стены были увешаны гобеленами и украшены дорогими металлами и драгоценными камнями. Даже крыша была покрыта золотыми пластинами.

Все, кто входил в дом, были безоружны, потому что никому не разрешалось входить в дверь с мечом или другим оружием. Но царь носил с собой крепкую палку с тяжелым золотым

наконечником. Он наблюдал, как бонды готовят костер для жертвоприношения, но прежде чем его зажечь, прошел во внутреннюю комнату и осмотрел изображения богов. Там сидел главный из всех Тор с молотом в руке и золотыми и серебряными кольцами. Он был в золотой колеснице, в которую была запряжена пара козлов из дерева и серебра.

"Что это за бог?" - спросил Олаф у бондов, стоявших рядом с ним.

"Это наш бог Тор", - ответил один из вождей. "Он самый знаменитый из всех богов, не считая Одина. Его глаза сверкают в молниях, колеса его повозки грохочут в громах, а удары его молота громко звучат в землетрясениях. Он самый могущественный из всех богов".

"И все же, - сказал Олаф, - мне кажется, что он сделан не более чем из дерева. Ты называешь его могущественным, но мне кажется, что даже я могущественнее его".

Произнеся эти слова, он поднял свою палку с золотым наконечником и, пока все смотрели, нанес Тору сильный удар, так что тот упал со своего места и разлетелся на куски по каменному полу. В тот же миг люди Олафа свалили остальных идолов, а у дверей храма напали на Железную Бороду и убили его.

Олаф завладел многими сокровищами храма, а затем разрушил здание до основания. И никто из бондов не осмелился выступить против него. После смерти Железной Бороды у них не было вождя, достаточно смелого, чтобы противостоять королю и его людям. Кончилось тем, что все они отказались от своих языческих обычаев и уступили требованиям короля принять крещение.

После этого у короля Олафа больше не было проблем в Трандхейме, и во всей Норвегии никто не смел и слова сказать против веры Христовой. Во всех местах, где храмы были разрушены, король приказал построить христианские церкви. Он учредил по всей стране монастыри, которыми управляли епископы и аббаты, привезенные из Рима и Кентербери. Из этих монастырей в отдаленные уголки страны было отправлено множество миссионеров, которые проповедовали Евангелие и укрепляли народ в вере. Никогда больше, пока жил король Олаф, норвежцы не пытались вернуться к язычеству, а после его смерти благое дело продолжил его крестник и тезка, Олаф Святой.

ГЛАВА XVII: СИГРИД НАДМЕННАЯ.

Хотя крестьяне Трандхейма уступили королю Олафу в вопросах веры и религиозных обрядов, они были не менее разгневаны на него из-за разрушения их прекрасного храма и убийства Железного Скеggi. Этот человек был среди них великим вождем, которого очень почитали за его телесную силу, богатство и независимость. Некоторые из его ближайших родственников даже рассматривали возможность того, что он станет преемником великого ярла Хакона, и, соответственно, считали Олафа Триггвисона чужаком, который пришел разрушить все их надежды на мирское продвижение. Поэтому, когда их любимца убили, они стали искать предлог, чтобы поспорить с королем Олафом или заставить его искупить вину за то зло, которое он якобы им причинил. И тогда они подумали о дочери Железной Бороды, Гудрун, и о том, как хорошо было бы для них, если бы короля можно было заставить жениться на ней. И вот в определенный день они привели Гудрун к королю Олафу и сделали ему свое предложение.

Король Олаф посмотрел на девушку и решил, что она очень красива. Волосы у нее были черные, как обугленное дерево, а щеки - румяные; но в темных глазах ее был злой взгляд, и это его огорчило. И все же он понял, что это хорошо, что в Норвегии должна быть королева, и по настоянию епископа разрешил обручить себя с Гудрун. Было решено, что они поженятся на следующий юлетин.

В середине зимы король Олаф устроил большой свадебный пир для своих друзей в новом пиршественном зале в Нидаросе. Там были его епископы и священники, а также главные капитаны и вармины, скальды и саговые люди. По правую руку от него сидела его мать, королева Астрид, а по другую - Гудрун. Угощение было из лучших, и еда, и питье, и было много веселья за столом, пели песни и играли на арфах, загадывали загадки и шутили, рассказывали истории; и из всей компании король был самым веселым и самым ярким. Ни одна история не была для него слишком длинной, ни одна песня - слишком бурной, ни один эль - слишком крепким. Как только опустошался его рог для питья, его снова наполнял до краев виночерпий, и всегда, прежде чем выпить, он совершал над ним крестное знамение.

Яркий свет костра освещал шлем, щит и копье, но еще ярче светила радость в глазах молодого короля, ибо теперь царство было ему обеспечено, его миссия выполнена, а слава завершена. Ему казалось, что теперь в стране воцарится прочный мир, все подданные будут в добром согласии, и вовек не будет больше ни кровопролития, ни ссор, ни недовольства. Назавтра он должен был сочетаться браком с Гудрун, и это, по его мнению, должно было стать венцом его счастья.

Когда наступила глубокая ночь, и праздник затих, гости поднялись из-за стола и разошлись по своим комнатам, либо накинули плащи и легли на скамьи в зале, и в конце концов король Олаф остался за столом один. Очень скоро он тоже заснул и улегся в свое кресло с высокой спинкой, видя мирные сны. У его ног лежал Эйнар Эйндридсон, крепкий юноша шестнадцати лет, которого Олаф сделал своим любимым пажом и виночерпием, как и самого короля Вальдемара. Между складками шелковых занавесей, прикрывавших открытое пространство в стене, пробивался свет полной луны, падая на красивое лицо и длинные золотистые волосы короля Олафа. Сапфиры и бриллианты, украшавшие золотую полосу на его голове, сияли в бледном свете, как сверкающие звезды. Крест из кроваво-красных рубинов, висевший на его шейной цепи, поднимался и опускался при регулярном вздымании широкой груди, на которой он покоился.

В зале было темно, если не считать одного-единственного лунного луча. Все молчало, лишь потрескивали угасающие угли в очаге да слышалось тяжелое дыхание людей, спавших на скамьях и на усыпанном камышом полу. Но пока король Олаф спал, в дальнем конце зала, где царила глубокая тьма, слышалось движение.

Вскоре женская фигура медленно и осторожно скользнула к полному свету. Ее черная тень двигалась по полу и все ближе и ближе подбиралась к спящему королю, пока, наконец, не остановилась, заслонив его закрытые глаза. Она стояла перед ним. Внезапно правая рука ее потянулась к груди, и она извлекла оттуда длинный сверкающий кинжал. Она встала над ним, держа руку наперевес, готовая нанести смертельный удар.

"Твой час настал, гордый король!" - прошептала она, и ее голос прозвучал сквозь град, как шорох ветра среди сосен. "Твой час настал, Олаф Тригвисон. Никогда мои теплые губы не коснутся твоих. Теперь тебя будет целовать холодная сталь".

Она отступила на шаг, чтобы лунный свет, падавший на него, указал ей место для удара. При этом подол ее длинной мантии прошелся по лицу юного Эйнара. Мальчик проснулся и

вскочил на ноги. Он увидел поднятую белую руку, увидел сверкающий кинжал, занесенный над грудью его господина. Быстрый, как полет стрелы, клинок метнулся к цели. Но еще быстрее был Эйнар. В тот же миг он поймал белую руку в свои две сильные руки и остановил смертельный удар, так что острое кинжала лишь ударилось о рубиновый крест и не причинило вреда.

Шарканье ног, стук кинжала об пол и женский крик от неожиданности разбудили короля. Поднявшись с места, он схватил свою обидчицу и прижал ее к себе в свете луны. Он вгляделся в ее бледное от ужаса лицо. Это было лицо Гудрун.

Тогда Олаф попросил Эйнара рассказать ему обо всем, что произошло, и Эйнар, подобрав кинжал, отдал его своему господину и рассказал, как Гудрун пыталась его убить.

С первыми лучами рассвета Гудрун отправилась в свой одинокий путь и больше никогда не появлялась под одной крышей с королем Олафом.

В это время в Швеции жила некая королева по имени Сигрид. Она была вдовой короля Эрика Победоносного и матерью короля Олафа Шведского. Она была очень богата и владела многими большими поместьями в Швеции и обширными земельными владениями на островах Балтики. Многие короли Скандинавии стремились вступить с ней в брак, желая разделить ее богатство и присоединить ее владения к своим. Но Сигрид, которую из-за ее великой гордыни и того, что она придавала большое значение своим прелестям, прозвали Сигрид Надменной, не желала принимать их, хотя довольно часто принимала сватов и слушала их прекрасные речи и льстивые речи.

Один король сватался к ней с такой пылкостью, что она решила избавиться от него любой ценой. Его звали Харальд Гронске (отец святого Олафа), и, поскольку он происходил из рода короля Харальда Фейрхейра, он считал себя во всех отношениях равным ей. Трижды он отправлялся в Швецию, чтобы оказать ей знаки внимания. В третий раз он обнаружил, что в ее усадьбе живет еще один ухажер, король Виссавальд из Гардарики. Оба короля были хорошо приняты и разместились в большом зале со всей своей свитой. Зал был очень старым, как и вся его мебель, но в хороших яствах недостатка не было. Королева Сигрид была так гостеприимна, что еще до того, как прошла половина ночи, оба жениха и все их люди были пьяны, а стража крепко спала.

Среди ночи королева Сигрид обложила зал сухими опилками и подожгла их факелом. Зал быстро сгорел дотла, и все, кто находился в нем, погибли.

"Я научу этих маленьких королей, чем они рискуют, добиваясь меня!" - сказала королева, глядя из окна своих покоев на разгорающееся пламя.

Теперь королева Сигрид устала ждать прихода короля, которого она могла считать во всех отношениях достойным ее. Глаза ее не блестели, волосы были усыпаны сединой, а подходящего мужчины все не находилось. Но в свое время она услышала о короле Олафе Славном, о его огромном богатстве и доблести, а также о том, что он так высок и красив, что люди могли сравнить его только с Бальдером Прекрасным. И вот теперь ей показалось, что она наконец-то нашла того, чье величие сравнится с ее собственным. И она отправила гонцов через границу в Норвегию, чтобы они пели ей дифирамбы, дабы король Олаф узнал, как она прекрасна и как хорошо подходит для того, чтобы править рядом с ним. И, похоже, ее послания возымели желаемый эффект.

В один из летних дней королева Сигрид сидела у окна своей опочивальни, выходящего на широкую и красивую реку, которая протекала между ее королевством и Норвегией.

Издалека она увидела компанию всадников. Они подъезжали все ближе и ближе и наконец остановились у ворот. Вошел их предводитель, и королева вышла ему навстречу, догадавшись, что он прибыл с каким-то важным поручением.

Поприветствовав ее, он рассказал, что прибыл из Трандхейма в Норвегии с посланием от короля Олафа Тригвисона, который, услышав о ее великих прелестях, предложил ей свою руку в жены. И в знак своей доброй воли король прислал ей подарок. Подарком было большое золотое кольцо - то самое, которое Олаф снял с двери храма в Ладе.

Королева Сигрид обрадовалась этой доброй вести, взяла тяжелый перстень и надела его на руку, велел гонцам принять ее на три дня, а затем вернуться к своему господину со словами, что она благосклонна к его предложению и согласна встретиться с ним в своей усадьбе Конгхелле через три недели.

Теперь королева восхищалась этим кольцом, считая его самым благородным подарком. Оно было великолепно выточено и переплетено завитками и кругами столь тонкой работы, что все удивлялись, как рука человека могла достичь такого совершенства. Все его очень хвалили, и среди тех, кому Сигрид показывала кольцо, были ее собственные ювелиры, два брата. Они обращались с ним бережнее, чем другие, и взвешивали его в руках, словно оценивая его стоимость. Королева увидела, что кузнецы разговаривают друг с другом шепотом; тогда она подозвала их к себе и спросила, не думают ли они, что какой-нибудь человек в Швеции может сделать такое кольцо.

На это кузнецы усмехнулись.

"Почему вы насмехаетесь над кольцом?" - спросила Сигрид. "Расскажите мне, что вы нашли?"

Кузнецы пожали плечами.

"Если уж говорить правду, - сказал старший из них, - то мы установили, о королева, что в кольце фальшивый металл".

"Докажите, что вы говорите!" - вскричала королева. И она позволила им разорвать кольцо - и вот! оказалось, что оно сделано из меди, а не из золота.

Тогда в глазах Сигрид вспыхнул гневный огонек.

"Если норвежский король Олаф может быть так лжив в своих подарках, то он будет неверен и в своей любви!" - воскликнула она. И, выхватив кусочки кольца, она яростно швырнула их прочь от себя.

По истечении трех недель Олаф Триггвисон отправился на восток, к месту свидания в Конгелле, недалеко от границы между Норвегией и Швецией, и там его встретила королева Сигрид. Сигрид была поражена, увидев великолепие человека, предложившего ей выйти замуж. Никогда прежде ее глаза не останавливались на таком высоком, красивом и великолепно одетом человеке. Олаф, достигший полной зрелости, выглядел благороднее и величественнее, чем когда-либо в своей жизни. Его плащ из тонкого малинового шелка облегал его гигантскую фигуру и демонстрировал мускулистые конечности. Шаг его был легкий и упруг, и, несмотря на огромную силу, движения его были мягкими и легкими, как у женщины. Его руки были очень большими и сильными, но прикосновения к ним были мягкими и нежными, а голос, который мог быть громким и полным, как звук трубы, мог быть также понижен до музыкальной сладости журчащего ручья. Лоб его, где шлем защищал его

от солнечного жара и морской свежести, был белым и гладким, как полированный мрамор; нижняя же часть лица была чистого, насыщенного золотисто-коричневого цвета. Бороды он не носил, но волосы на верхней губе оставались небритыми и струились по обе стороны подбородка, тонкие, как шелк. Когда он улыбался, его белые и ровные зубы сверкали, как ряд жемчужин между кораллово-красными губами. Королева Сигрид, впервые увидев его, не подумала ни о кольце, которое он ей подарил, ни о его фальшивости.

Король Олаф, в свою очередь, был более чем разочарован внешним видом королевы, чьи похвалы так часто шептали ему в уши. Он слышал, что она молода, но теперь видел, что волосы ее осыпаны сединой, глаза утратили огонь и задор молодости, а на лбу появились возрастные морщины. Его собственная мать Астрид была моложе и привлекательнее, чем эта возвышенная королева. Но, дав слово, что намерен добиваться ее и жениться на ней, он имел слишком много чести, чтобы отступить.

Они сидели вместе и обсуждали вопрос о свадьбе, о том, как они объединят свои владения и будут вместе править всеми шведами и норманнами. И наконец он взял ее руку и поклялся святым родом, что будет ей верен.

Но Сигрид Непокорная все еще была язычницей, и ей не нравилось слушать, как король Олаф клянется христианскими знаками. Поэтому она повернулась к нему с быстрым взглядом подозрения и презрения в глазах.

"Такие клятвы мне не по душе, король Олаф, - сказала она. "Говорят, что великий Один однажды поклялся на кольце. Поклянешься ли ты этим кольцом в верности?" И она поднялась и взяла в руки присланное им в подарок кольцо, которое до этого починили два ее кузнеца.

"Не говори мне об Одине!" - воскликнул король. "Он мертв, как камни на улице. Ни на каком другом символе, кроме креста, я не буду клясться. Мне жаль слышать, что ты, королева Сигрид, все еще веришь в старых мертвых богов. Но раз так, то мне нет смысла оставаться в этом месте, ибо я решил, что женщина, которая выйдет за меня замуж, будет истинной христианкой, а не поклоняющейся бессмысленным идолам, высеченным из деревьев и камней. Откажись от всего этого, прими крещение и уверуй в единого истинного Бога, который все сотворил и все знает, и тогда я поженюсь с тобой; но не иначе, о королева!"

Королева Сигрид, пораженная тем, что кто-то осмелился говорить с ней таким тоном, в гневе оглянулась на короля Олафа.

"Никогда не отступлю я от верности, которой всегда придерживалась", - воскликнула она. "И пусть у тебя было вдвое больше богатств, чем у тебя, и ты был еще более славным, чем ты есть, все равно я никогда не подчинюсь такому приказу. Нет, нет, король Олаф. Я верна своей вере и своим обетам и могу прекрасно обойтись без тебя и твоей новой религии. Так что возвращайся к своим лысым священникам и пению мессы. Я не потерплю ничего подобного!"

Тогда король поднялся в гневе, и его лицо потемнело от мрака. На мгновение он забыл о своей мужественности и в гневе ударил ее перчаткой по щеке.

"Зачем мне тогда жениться на тебе?" - воскликнул он, - "ты, старый языческий нефрит!"

С этими издевательскими словами на устах он повернулся и вышел из комнаты. Но когда деревянная лестница еще скрипела под его шагами, королева Сигрид в сильнейшем гневе позвала его за собой:

"Ступай же, о гордый и упрямый король. Иди, куда хочешь. Но помни, что оскорбление, которое ты мне нанес, и удар, который ты мне нанес, будут твоей смертью!"

И Олаф ушел, еще не преломив хлеба, и отправился на север в Викен, а королева Сигрид Надменная - на восток в Швецию.

Датский король Свейн Форкбоард к тому времени полностью овладел своим королевством и подумывал о вторжении в Англию, которое должно было стать более полным и решительным, чем попытка, предпринятая им в компании с викингом, которого он знал как Оле Эстляндца. Свейну, конечно же, стало известно, что Оле и король Норвегии Олаф - одно и то же лицо, и он начал очень ревностно относиться к славе, которая собиралась вокруг имени Олафа. Теперь появился новый повод для ревности.

Как известно, Свейн женился на принцессе Гуннхильд, дочери Бурислава, короля вендов. Но в эти дни, о которых даже сейчас рассказывают, случилось так, что королева Гуннхильд заболела и умерла. Король Свейн, всегда стремившийся к завоеванию великих владений, задумал взять себе новую жену в лице шведской королевы Сигрид. Он уже собирался отправиться свататься к ней, когда случайно услышал, что король Олаф Тригвисон уже отправился в аналогичное путешествие. Зависть, ревность и лютая ненависть разгорелись в груди Свейна к своему сопернику, и он поклялся молотом Тора, что рано или поздно повергнет короля Олафа в прах.

Но в свое время король Свейн услышал о ссоре, которая произошла между королевой Сигрид и ее молодым норвежским женихом. И он сразу же отправился на север Швеции, чтобы попытаться у надменной королевы. Он завоевал расположение Сигрид, рассказывая всевозможные ложные и злобные злословия против человека, которого она так недавно отвергла. Вероятно, Сигрид считала, что, выйдя замуж за короля Дании, она сможет легче осуществить свою месть Олафу Тригвисону. Поэтому она приняла предложение Форкбарда, и они поженились в соответствии с обрядами и обычаями их языческой веры.

Эрл Эрик, сын покойного эрла Хакона, в это время был гостем и другом сына Сигрид, Олафа Шведского; и у этих троих - датского короля Свейна Вилобородого, шведского короля Олафа и ладейского эрла Эрика - у каждого была своя причина вражды против Олафа Триггвисона. Именно они через два года после этого объединили свои силы в великой морской битве, в которой погиб Олаф Славный.

ГЛАВА XVIII: "ДЛИННЫЙ ЗМЕЙ".

Король Олаф правил Норвегией уже три года. За это короткое время он успел сделать для страны больше, чем любой король до него. Ему удалось установить христианство - не очень основательно, правда, потому что в течение всего его правления и еще долго после него в Норвегии было много язычества; но он сделал все, что мог, чтобы сделать людей христианами, насколько он сам умел, и своим собственным примером чистой и честной жизни сделал многое, чтобы углубить чувство, что даже в социальном смысле христианская религия дает преимущества, которых никогда раньше не было в стране. Почти сразу было замечено, что в народе стало меньше кровопролития, чем раньше, и что крестьяне жили в большей безопасности. Учение о мире на земле стало одним из первых принципов миссии Олафа, и он не устал доказывать, что в то время как Один и Тор получали удовольствие от кровопролития и радовались войне, Христос Белый был миролюбом и не признавал заслуг человекоубийц.

Олаф издал по всему своему королевству закон о том, что все люди должны свято соблюдать субботу, поститься по пятницам и учить своих детей десяти заповедям. Он не мог надеяться, что взрослые люди, которые всю свою жизнь привыкли поклоняться наскальным изображениям, сразу же станут ревностными и благочестивыми христианами; но он ясно видел важность воспитания детей в полном знании христианской веры и, соответственно, велел своим священникам постоянно заботиться о воспитании молодежи.

Того, чего король Олаф добился в Норвегии, он добился и в отдаленных частях своих владений. Он послал священников в земли ляпов и финов. Рассказывают, как он послал своего священника Трангбранда в Исландию. Он также посылал миссии на Оркнейские острова, Шетландские и Фарерские острова и даже в такую далекую страну, как Гренландия. Все эти земли были обращены в христианство за короткое время правления Олафа.

Но не только в религиозных вопросах проявлял Олаф Триггвисон свою мудрость и правление. Он поощрял рыболовство, земледелие и ремесла, и люди, отдававшие свои жизни войнам и викингам, теперь занимались полезными искусствами и производствами. Сам будучи редким моряком, он любил всех моряков, корабельщиков и кораблестроителей, а чтобы у них была работа, он поощрял торговлю с заморскими землями - с Англией, Шотландией и Ирландией, с Россией, Вендландом, Фрисландией, Фландрией и Францией.

Когда он был в Англии, то узнал кое-что о хороших законах, установленных в этой стране королем Альфредом Великим. Многие из этих законов он стремился внедрить в своем королевстве. Как и Альфред Великий, король Олаф понимал ценность сильного военного флота, и, как только он убедился в доброй воле своих подданных, он обложил их налогами и занялся строительством кораблей.

Огромный драконий корабль, доставшийся ему в качестве военного приза от Ранда Волшебника, был самым большим и прекрасным судном в норвежских морях на тот момент. Король решил построить гораздо больший и лучший корабль, который должен был превзойти по великолепию и оснащению все суда, которые спускались на воду в Норвегии или в любой другой стране на протяжении веков. На берегу реки Нид, в том месте, где он построил город Нидарос, был вырублен большой сосновый лес, и древесины там было в избытке. Было два самых урожайных сезона, и страна была богата. Сам Олаф обладал большим богатством, чем любой монарх во всей Скандинавии, и к тому же ему повезло, что рядом с ним было много людей, которые были высококвалифицированными специалистами в проектировании и строительстве кораблей. Поэтому он построил верфь под скалами Ладе и назначил мастером-строителем человека по имени Торберг Шафтинг.

В качестве модели нового корабля был взят драконий корабль Ранда, названный Змеем, но все его размеры были точно удвоены, ибо новое судно должно было быть вдвое длиннее в киле, вдвое шире в балке и вдвое больше в рубке. Олаф сам помогал в работе и трудился так же усердно, как и двое других мужчин. Всякий раз, когда возникала какая-нибудь трудность, он был рядом, чтобы все исправить, и все знали, что каждая часть работы должна быть хорошо сделана, что каждый кусок дерева должен быть без гнили, а каждый гвоздь и заклепка должны быть сделаны из лучшего металла, иначе король обнаружит недостаток и заставит все исправить.

На верфи трудилось множество людей: одни тесали бревна тяжелыми топорами, другие - изготавливали железные болты и прутья, третьи пряли блестящий лен для канатов, из которых должен был состоять такелаж. Оживленные кузнецы стояли у ревущих кузниц,

орудуя огромными молотами; пильщики работали в ямах, делая прочные балки и ребра, распиливая огромные стволы на тонкие доски. Над кострами дымились и пузырились черные котлы с кипящей смолой. Стук молотков, скрежет пил, жужжание колес и шум людских голосов раздавались с раннего утра до захода солнца, и работа шла полным ходом весь день, кроме воскресенья, когда никому не разрешалось прикасаться к гвоздю или поднимать молоток.

В одно прекрасное утро в середине лета король Олаф спустился на верфь. На нем была самая грубая и старая одежда; толстые сильные руки были обнажены выше локтей, а огрубевшие кисти измазаны смолой и ржавчиной от гвоздей. Его голову от жаркого солнца защищала маленькая полотняная шапочка, порванная на макушке, а длинные волосы, широкая спина и плечи были присыпаны опилками. За исключением большого роста и силы он ничем не отличался от окружающих его рабочих; да и Колбиорна Сталларе, стоявшего рядом с ним в придворном одеянии, вполне можно было принять за короля, а короля - за слугу.

Олаф приостановил работу и беседовал с Кольбьерном о каких-то государственных делах. Когда он стоял так, опираясь локтем на длинную рукоять своей огромной кувалды, он увидел, что к нему направляется молодой Эйнар Эйндридсон, за которым шла женщина. На вид женщина была средних лет, и вид у нее был утомленный путешествием. Когда она приблизилась, ее взгляд остановился на Колбиорне, словно она хотела поговорить с ним.

"Иди к ней", - сказал король. И Колбиорн оставил Олафа и пошел ей навстречу.

"Долго я искала тебя, король Олаф, - сказала она, откинув с головы плащ и позволив солнцу осветить ее лицо. "Но наконец я нашла тебя и теперь молю тебя о милости Божьей!"

"Ты ошибаешься, госпожа, - сказал Кольбьерн, - я не король Олаф, а всего лишь его слуга. Вон там король работает среди своих корабельщиков. Но если вы хотите поговорить с ним, я отведу вас к нему, ибо вижу, что вы в беде".

И он повел ее к Олафу, и когда она стояла рядом с ним, то смотрела на него с недоверием, принимая его за простого работника. Но когда король отложил молот, встал во весь рост и обнажил голову, она увидела, что он не простой человек. Ее взгляд остановился на его обнаженной руке, где все еще оставалось клеймо, поставленное в дни его рабства в Эстляндии.

"По этому знаку я узнаю тебя, о король", - сказала она. "Но ты стал выше и сильнее, чем в прошлую нашу встречу".

"В какой стране и в чьей компании была та встреча?" - спросил король Олаф. "Кажется, я действительно видел тебя раньше, но при каких обстоятельствах и в какое время, я не помню".

"Мы встретились много лет назад", - ответила она. "Сначала в Вендланде, когда ты был гостем при дворе короля Бурислава, а затем, когда мы сидели бок о бок на наследственном пиру датского короля Свейна. Меня зовут Тира. Моим отцом был Харальд Синезубый, король Дании, а я сестра короля Свейна из Виллобородого, который сейчас правит всей Данией и который недавно сочетался браком с королевой Швеции Сигрид".

"Хорошо я тебя теперь помню", - ответил Олаф. "И я помню, что на том же пиру в Дании ты презирал меня за то, что я был рабом".

Он нахмурил брови и недоверчиво посмотрел в глаза; он догадался, что приход этой женщины - какая-то хитрая уловка ее брата Свейна, которого он знал как своего врага.

"В то время, о котором ты говоришь, - сказала она, - ты был всего лишь языческим викингем из Йомсбурга, любителем войн, человеком, который жил грабежом и кровопролитием, поклонялся языческим богам и не знал сладости мирной жизни. Но теперь ты король - великий и славный король. И, более того, ты христианин, поклоняешься истинному Богу и творишь добрые дела ради доброго Христа".

Недоверие исчезло из глаз Олафа, сменившись мягкостью и жалостью.

"Именно потому, что ты христианин, я пришла к тебе сейчас, - продолжала она. "Несколько дней и недель я шла пешком через горы, и теперь, когда я нашла тебя, я прошу твоей жалости и помощи, ибо я нахожусь в тяжелом положении и не знаю никого, кроме тебя, о король, к кому я могла бы обратиться за убежищем. В то самое время, когда ты сам был в Вендланде и когда ярл Сигвальди Йомсбургский сочетался браком с принцессой Астрид, а мой брат Свейн - с ее сестрой Гуннхильд, было решено, что я тоже должен сочетаться браком. И мужем, которого Сигвальди и Свейн выбрали для меня, стал их свекор, король Бурислаф. Бурислаф был уже пожилым человеком, а я была совсем маленькой девочкой, и я была очень против этого дела. Поэтому я просила, чтобы они не принуждали меня к браку, и они уступили, и я осталась одна на некоторое время.

"В начале нынешнего лета король Бурислаф вновь стал просить, чтобы я вышла за него замуж, и послал графа Сигвальди в Данию, чтобы тот увез меня. Граф так хорошо уговорил моего брата, что Свейн отдал меня в его руки, а также договорился, что моим приданым будут владения в Вендланде, которые были у королевы Гуннхильд.

"Я уже стала христианкой, и меня мало устраивало, чтобы я стала женой языческого короля и жила вечно среди язычников, поэтому в одну темную и бурную ночь я сбежала. Бедный рыбак привел меня в Норвегию, где, как я знала, все люди придерживаются христианской веры, и так, после долгих трудов и лишений, я нашла свой путь сюда".

Так Тира говорила с королем Олафом. И когда она рассказала ему обо всех своих бедах, он дал ей добрый совет и радушно принял ее и сказал, что в его королевстве ей всегда будет спокойно.

Олаф Тригвисон прекрасно понимал, что, оказывая помощь Тире, он делает то, что может сильно обидеть датского короля Свейна, и что Свейн, узнав, что его сестра находится здесь, в Норвегии, быстро приедет и увезет ее обратно в Вендланд. Тем не менее Олаф хорошо думал о ее манерах и видел, что она очень красива, и ему пришло в голову, что это будет хорошая свадьба для него. И вот, когда Тира пробыла в Нидаросе несколько недель, он снова заговорил с ней и спросил, выйдет ли она за него замуж.

Тира не замедлила повиноваться его просьбам, ибо считала себя счастливой от того, что ей выпал шанс выйти замуж за столь благородного короля. Поэтому она уступила ему, и их свадьба состоялась в пору жатвы и была отпразднована по христианским обрядам. С тех пор они вместе правили Норвегией как король и королева.

Все лето король Олаф трудился на своей верфи, и к началу осени корпус великого корабля был почти готов. В это время Торберг, мастер-корабельщик, отправился домой на свою усадьбу в Оркадале, чтобы собрать урожай, и пробыл там много дней. Когда он вернулся, фальшборты были полностью закончены.

В тот же день, когда он вернулся, король спустился с ним на верфь, чтобы посмотреть, как выглядит судно, и оба согласились, что никогда прежде не видели равного ему по размерам и красоте форм. Все было сделано так, как задумал Торберг, и он заслужил большую похвалу от своего господина. Но Торберг все же сказал, что есть много вещей, которые он хотел бы улучшить.

Но рано утром следующего дня король и Торберг снова отправились на корабль. Все кузнецы пришли туда, но стояли и не работали.

"Почему вы бездействуете?" - удивленно спросил Олаф.

"Потому что корабль испорчен, о король, - ответил один из них, - и нет в нем больше ничего хорошего! Какой-то злой человек работал ночью, уничтожая все, что мы сделали!"

Король подошел к борту корабля, и увидел, что каждая доска вдоль его фальшборта вырублена, зарублена и глубоко прорублена, как топором.

"Завистливый злоумышленник!" - горестно воскликнул король. И, осознав весь масштаб обломков, он поклялся и объявил, что тот, кто испортил корабль, должен умереть, а тот, кто найдет злодея, будет хорошо вознагражден.

Тогда Торберг подошел к нему и сказал: "Не гневайся так, о король. Я могу сказать тебе, кто совершил это злодеяние. Это я его совершил".

"Ты!" - вскричал царь. "Ты, которому я так долго доверял? Ты, который так гордился постройкой этого корабля? Несчастный человек! Знай, что ты должен исправить эту беду и сделать ее хорошо, иначе ты лишишься жизни!"

Торберг облегченно рассмеялся и сказал: "Тем хуже будет корабль, когда я сделаю это, господин".

И тогда он отправился на корабль и выровнял все выемки и порезы, а фальшборты сделал такими гладкими и красивыми, что все, кто видел его работу, заявили, что корабль стал намного красивее, чем был до этого. Король Олаф был так доволен, что велел Торбергу сделать то же самое и с другой стороны и воздал ему великую хвалу и награду.

Поздней осенью корпус корабля был закончен и покрашен и готов к спуску на воду. Епископ Сигурд окропил носы судна святой водой, и, когда оно соскользнуло с валов в море, король Олаф назвал его *Длинным Змеем*.

Предстояло еще многое сделать, прежде чем корабль будет готов к выходу в море; но такие работы, как установка двух мачт, монтаж такелажа, конопатка досок палубы, изготовление кают, украшение носа и кормы, лучше всего было делать, когда корабль был на плаву.

В наши дни *"Длинный змей"* не считался бы очень большим судном, но это был самый большой корабль, построенный до времен короля Канута, и, насколько можно подсчитать, он был ровно вдвое больше корабля, на котором Колумб пересек Атлантику. Ее длина составляла не менее двухсот футов. Ширина между шпангоутами составляла около сорока футов. Маловероятно, что она была очень глубокой в воде, но об этом нет никаких сведений. На корабле было оборудовано тридцать четыре "комнаты" на середине судна, каждая из которых делилась на две полукомнаты. В этих полукомнатах размещались восемь человек, в обязанности которых входило обслуживание одного из длинных весел. Таким образом, на корабле было тридцать четыре пары весел и пятьсот семьдесят четыре гребца. Между полукамерами, а также вдоль фальшбортов проходили широкие трапы, идущие в нос и в

корму. В большой рубке воины спали и принимали пищу, а за грот-мачтой находилась еще одна каюта, называемая "носовой комнатой", в которой король Олаф занимал свое высокое место, или трон. Здесь он проводил свои советы. Здесь же находились его сундуки с доспехами. В передней комнате жили тридцать человек.

Личная каюта короля Олафа находилась под "липтингом", или крышей. Она была великолепно обставлена, с красивой резьбой по дереву и гобеленами из тканого шелка. Сюда допускались только избранные спутники и личные слуги. Над ним находилась большая палуба, на которой во время сражений размещались король и его самые доблестные воины.

Нос *"Длинного змея"*, возвышавшийся над всеми остальными частями корпуса, имел форму головы и плеч дракона. Это свирепое чудовище с широко раскрытой пастью и пристальным взглядом было покрыто битым золотом. На корме судна возвышался скрученный хвост дракона, который также был покрыт золотом. Рядом с ним находилась ручка штурвала, которую в море обычно держал сам король Олаф или его главный капитан.

Только в середине следующей весны корабль был готов к выходу в море. Тогда Олаф поднял паруса для хорошей погоды. Они были белыми, как свежеснеженный снег, с большим кроваво-красным крестом посередине. С верхушки мачты и с верфи развевались шелковые знамена, а с высокого посоха на липтинге развевался красивейший штандарт. Тент на миделе, укрывавший гребцов от слепящего света, был полосатым, красным и синим. Флюгеры и дракон сверкали на солнце, а люди на палубах были одеты во все лучшее, в начищенные медные шлемы и нарядные плащи. Сам король Олаф был великолепно одет. На нем был только что сшитый плащ из кольчуги, который частично прикрывала мантия из тонкого малинового шелка. Его шлем был сделан из начищенной меди, инкрустирован золотыми украшениями и увенчан золотым драконом. Рядом с ним, когда он стоял у румпеля, висел его щит. Это был тот самый щит, который он купил у Тангбранда, с изображением распятия.

На берегу Нида собралась огромная толпа народа. Все они считали, что это прекрасное зрелище, и с радостью приветствовали гребцов, когда под громкий звук королевского рожка гребцы начали тянуть. Когда огромное судно выплыло из реки с восьмьюдесятью веслами, совершающими равномерные гребки, оно выглядело как нечто живое. Никогда еще во все времена и во всех землях не видели такого великолепного корабля.

Олаф направил его в голубые воды Трандхеймского фьорда, а затем, когда ветер подхватил паруса, весла были отгружены, и судно понеслось вперед с такой скоростью, что все были поражены. Не успела она отплыть далеко, как на глаза ей попался другой драконий корабль Олафа - *"Короткий змей"*, как его теперь называли, - который был отправлен в путь за час до отплытия. Несмотря на долгий старт, меньшее судно было быстро отремонтировано и прошло мимо, как будто и не двигалось. Олаф хотел было устроить состязание, но теперь увидел, что это бесполезно, ибо *"Длинный змей"* оказался не только самым красивым кораблем, но и самым быстрым из всех судов на плаву.

Он вышел в море. Дул сильный ветер, и море было беспокойным. Она легко шла по волнам, как по ветру, так и против ветра, и Олаф был доволен. И вот, когда пробное плавание закончилось, он вернулся в Нидарос, довольный тем, что если когда-нибудь ему придется ввязаться в войну с какой-нибудь иностранной державой, у него будет корабль, с которым не сможет сравниться ни один враг.

Теперь король Олаф жил в счастье и довольстве с королевой Тирой, и между ними была большая любовь. Но было одно обстоятельство, которое доставляло королеве много хлопот и

из-за которого она вечно терзалась. Дело было в том, что из-за своего бегства из Вендланда она лишилась всех владений, которые были припасены в качестве приданого. Она считала, что здесь, в Норвегии, у нее нет собственного богатства, которое полагалось бы королеве, тогда как в Вендланде и Дании у нее были большие поместья, с которых причитались большие доходы. Снова и снова она обращалась к королю по этому поводу, моля его честными словами, чтобы он поехал и купил ей ее собственные владения. Король Бурислаф, по ее словам, был таким близким другом короля Олафа, что, как только они встретятся, он непременно отдаст ему все, что он пожелает. Но Олаф всегда качал головой и спрашивал ее, не думает ли она, что в Норвегии достаточно богатства для них обоих. Но Тиру не устраивала эта постоянная задержка. Когда бы муж ни заговаривал с ней, она всегда умудрялась вскользь упомянуть о своих владениях. Она плакала, молилась и умоляла так часто, что терпение Олафа было почти исчерпано. Казалось, что только ради мира в стране необходимо в скором времени предпринять экспедицию в Вендланд. Однако все друзья короля, узнав об этих разговорах, советовали ему воздержаться от такого путешествия, ибо прекрасно понимали, что оно должно закончиться войной с братом королевы, Свейном Вилобородым. В один из дней той же весны, когда приближалась Пасха, король Олаф шел по улице, и на рынке ему встретился человек, который предложил продать ему очень вкусные весенние овощи. Олаф заметил, что у него было несколько крупных головок дягиля. В те времена эта трава очень ценилась, и ее ели так же, как мы сейчас едим сельдерей. Король взял в руку большой стебель дягиля и отправился с ним домой к королеве Тире. Он застал царицу в ее зале, плачущую о своих потерянных владениях.

"Смотри, какой большой дягиль я тебе дарю", - сказал он.

Королева поднялась, презрительно отбросила овощи в сторону и, пустив по щекам слезу, воскликнула: "Прекрасный подарок! Еще большие подарки дарил мне мой отец, Харальд Синезубый, когда в детстве у меня появился первый зуб! Он не побоялся прийти сюда, в Норвегию, и завоевать эту землю; вы же, со всей вашей хваленой славой и большими кораблями, так боитесь моего брата Свейна, что не осмеливаетесь войти в Данию, чтобы получить то, что принадлежит мне и чего я была позорно лишена!"

Тогда король Олаф вскочил на ноги и гневно поклялся: "Боишься?" - воскликнул он. "Я никогда не боялся твоего брата Свейна и не боюсь его сейчас. Если мы когда-нибудь встретимся, он наверняка уступит мне! Сейчас - даже сейчас - я отправлюсь в Вендланд, а ты получишь свои жалкие поместья!"

ГЛАВА XIX: ПРЕДАТЕЛЬСТВО СИГВАЛЬДИ.

Когда прошла Пасха со всеми ее религиозными церемониями, король Олаф созвал большое собрание своих людей и объявил, что намерен предпринять экспедицию в Балтику и что ему требуется сбор со всех округов, как людей, так и кораблей. Затем он разослал гонцов на север и на юг по всей земле, приказывая им собирать свои войска. Корабли должны были собраться в Трандхеймском фьорде в первую неделю лета.

Олаф уделял большое внимание комплектованию *Длинного Змея*, и его моряки и воины были так хорошо подобраны, что, как говорили, команда превосходила других людей по силе и храбрости, так же как *Длинный Змей* превосходил другие корабли. Каждый человек был выбран самим королем Олафом, который постановил, что никто не должен быть старше шестидесяти лет и никто не должен быть моложе двадцати. Он сделал лишь одно исключение из этого правила. Им стал Эйнар Эйндридсон по прозвищу Тамбарскельвер.

Эйнару было всего восемнадцать лет, но, несмотря на свою молодость, он считался самым искусным лучником во всей Норвегии. Из своего лука, который назывался Тамб, он мог пустить тупую стрелу сквозь сырую бычью шкуру, и даже король Олаф не мог прицелиться вернее или попасть в цель на большем расстоянии. В последующие годы Эйнар стал очень известным воином и законником, и его имя часто упоминается в истории Норвегии. Вольф Рыжий был знаменосцем короля Олафа, и его место было на носу "Змея", вместе с Колбьерном Сталларе, Торстейном Оксфуттом, Викаром из Тиундаланда и другими. Среди синоптиков были Берси Сильный, Транд Сквинтей, Торфинн Лихой, Кетиль Высокий и Огмунд Песчаный. Тридцать лучших людей находились в носовой рубке, перед полуютом. Юный Эйнар Эйндридсон находился в главном трюме среди гребцов. Вся корабельная компания насчитывала семьсот человек.

Коротким змеем командовал Торкель Нефья, родственник Олафа, а Торкель Видлер (брат королевы Астрид) командовал "Журавлем". Оба эти корабля были очень хорошо укомплектованы. Вместе с Олафом из Трандхейма вышли еще одиннадцать больших кораблей, а также несколько небольших военных судов и шесть кораблей с запасами. Он отплыл с этим флотом в начале лета, и королева Тира отправилась с ним. Он плыл на юг, и по мере того как он подходил к фьорду за фьордом, многие викинги и богатые воины присоединялись к нему со своими кораблями. Когда он наконец вышел за Скагерский рейд, у него был флот из шестидесяти баркасов и шестидесяти транспортов поменьше, и с ними он поплыл на юг вдоль Дании через Эйрский пролив и так до Вендланда.

Эта экспедиция была предпринята не с какими-либо военными намерениями. Олаф не ожидал, что за этим последует война. Но он знал, что король Свейн Вилобородый - его злейший враг, что проход так близко к Дании сопряжен с опасностью, и счел нужным иметь в своем обозе большое количество боевых кораблей на случай необходимости.

Он прибыл к вендскому побережью, не встретив никаких препятствий, и поставил свой флот на якорь в большой бухте Штеттен-гавань. Затем он отправил гонцов к королю Бурислафу, назначив день встречи. Бурислаф пригласил его отправиться в глубь страны и быть гостем в его замке, и Олаф отправился в путь, оставив королеву Тиру на борту "Змея", ибо она ни за что не согласилась бы войти в присутствие человека, которому изменила.

Король Бурислаф принял его хорошо и оказал ему великолепное гостеприимство. Олаф рассказал о владениях своей королевы и о причитающихся ей доходах. Бурислаф был по-язычески справедливым человеком и ответил, что, поскольку он не получил обещанную ему жену, он не считает правильным пользоваться ее приданым. Поэтому он уступил притязаниям Олафа и сразу же передал ему всю стоимость владений королевы Тиры. Олаф пробыл в Вендланде много дней, а затем вернулся на побережье, взяв с собой большой запас золота и драгоценностей, которые, поднявшись на борт корабля, отдал своей королеве.

Теперь Тира была вполне удовлетворена и больше никогда не пыталась насмехаться над королем Олафом по поводу своих владений. Напротив, она всячески хвалила его за то, что он так много сделал ради нее, и все ее презрение к его кажущейся трусости перешло в восхищение его мужеством.

В это же время король Свейн Вилобородый находился в Дании, живя со своей новой женой, королевой Сигрид Надменной. Как Тира насмехалась над Олафом Триггвисоном по поводу ее владений в Вендланде, так и Сигрид насмехалась над Свейном Вилобородым по поводу ее ненависти к норвежскому королю Олафу. Она никогда не могла забыть, как Олаф ударил ее по лицу своей перчаткой, и с первых дней своего брака с королем Свейном она постоянно

и настойчиво убеждала его начать войну против Олафа Триггвисона. Свейн, зная, чем чревата такая война, оставался глух к мольбам своей гордой жены. Но когда Сигрид узнала, что Олаф дал защиту сестре Свейна и сделал Тиру своей королевой, она возобновила свои уговоры с еще большей настойчивостью, и так преуспела в этом, что Свейна охватил сильный гнев на короля Олафа, и он решил собрать свои войска и подчиниться совету королевы Сигрид.

Он пребывал в таком воинственном настроении, когда до него дошел слух, что Олаф Триггвисон находится в море со своим флотом и намерен отправиться в Вендланд. Вместе с этим слухом пришло и известие о великолепном драконьем корабле, который построил норвежский король.

Свейн Форкбоард был очень осторожным человеком в военных делах и прекрасно понимал, что сам он не годится в воины такому могучему воину, как Олаф Славный. Но он помнил, что не одинок в своем желании смирить монарха Норсельяндов. Его собственный зять, Олаф Шведский король, поклялся молотом Тора отомстить за оскорбление, нанесенное его матери королеве Сигрид Надменной, и помощь шведского короля в этой войне была бы очень кстати. Помимо шведского короля, в войну вступил ярл Эрик из Ладе, который жаждал отомстить Олафу Триггвисону за убийство своего отца ярла Хакона. Со времени прихода короля Олафа в Норвегию ярл Эрик прославился как викинг; он участвовал во многих сражениях на суше и на море. Уже рассказывалось, как он сражался в морской битве с викингами Йомсбурга. Теперь он был одним из сильнейших воинов во всей Скандинавии, а его флот из линкоров не уступал ни датскому Свейну, ни шведскому Олафу.

И когда Форкбоард узнал, что Олаф Триггвисон вошел в Балтику, он послал людей на восток, в Швецию, велел передать шведскому королю и ярлу Эрику, что настало их время, если они объединятся в битве против их общего врага.

В это время Свейн Форкбоард был очень дружен с ярлом Сигвальди, вождем йомсвикингов, и заручился его помощью. Случилось так, что жена Сигвальди, принцесса Астрид, гостила тогда при дворе своего отца, короля Бурислава, в Вендланде. Поэтому было вполне естественно, что граф должен был отправиться туда же. Свейн убеждал его отправиться в путь, чтобы шпионить за флотом короля Олафа и устроить такую ловушку, чтобы Свейн и его союзники не потерпели неудачу в своем деле. Граф Сигвальди взял на себя эту миссию и отправился на восток, в Вендланд, с одиннадцатью кораблями. Встретившись с королем Олафом, он сделал вид, что возобновляет старую дружбу с человеком, которого раньше знал как Оле Эстонца. Он льстил ему, восхвалял его великую мудрость и, более всего, высоко отзывался о его флоте и непревзойденном великолепии *Длинного Змея*. Их беседа всегда была очень дружелюбной, и Олаф ни на минуту не заподозрил предательства, которое скрывалось за мягкими речами графа и его кажущейся доброжелательностью. Сигвальди прокладывал себе путь в открытое сердце короля, пока они не стали друг другу как братья. Когда Олаф намекал, что собирается вернуться в Норвегию, что погода благоприятствует плаванию, а его люди истосковались по дому и устали стоять на якоре, Сигвальди придумывал благовидные отговорки и все еще удерживал его; время шло, летние дни становились короче, а Олаф все не двигался с места.

Но в один из дней в бухту вошла небольшая рыбацкая лодка и бросила якорь неподалеку от баркаса графа. В темноте следующей ночи один из ее людей заговорил с Сигвальди и передал ему вести, которых он так долго ждал. Эти вести гласили, что с востока прибыло войско шведского короля, что ярл Эрик тоже собрал свои силы, и что эти лорды объединились со Свейном Форкбердом и плывут вниз, к берегам Вендланда. Они

намеревались напасть на короля Олафа Триггвисона в некоем канале, пролегающем между материком и островом Свольд, и Свейн послал этого гонца с просьбой к графу сделать так, чтобы они могли напасть на короля Олафа в этом месте. На следующее утро Сигвальди спустил на воду одну из своих лодок, подплыл к *"Длинному змею"* и взошел на его палубу. Король Олаф сидел, облокотившись на поручни, и вырезал руны на крышке деревянной шкатулки, которую он сделал для хранения драгоценностей королевы. Сигвальди не стал его беспокоить, а прошелся несколько раз по палубе и посмотрел в освещенное солнцем небо. Король сдул щепки, которые он вырезал из крышки шкатулки, и посмотрел вверх.

"Более прекрасного дня для плавания я еще не видел", - сказал он. "Почему бы нам не бросить якорь этим же утром? Ветер благоприятствует свободному движению на запад, и, по правде говоря, Сигвальди, мне уже надоело это безделье и вид этих песчаных берегов".

"Пусть будет так, если вам так хочется", - ответил граф беззаботным тоном. "Я тоже не прочь вновь оказаться в открытом море, хотя мне и жаль прекращать наше тесное общение, ведь чем скорее мы отплывем, тем скорее расстанемся".

"Расставание не должно быть долгим, - сказал король. "Я надеюсь, что вы скоро увидите возможность отправиться на север, в Трандхейм, и там провести с нами много счастливых летних месяцев. И мы сможем отправиться в плавание *на Длинном Змее* к Оркнейским островам или на север, даже в Исландию".

На губах графа заиграла насмешливая улыбка.

"Ты всегда готов к радужным планам на будущее, король Олаф", - сказал он, подняв огромную руку, чтобы погладить свою кустистую черную бороду. "Но до следующего лета еще далеко, и может статься - кто может сказать? - может статься, что нас обоих уже не будет в живых".

Король Олаф игриво рассмеялся.

"Мрачные у тебя мысли сегодня утром", - сказал он. "Зачем тебе говорить о смерти? Ты еще в расцвете сил, и у тебя самое крепкое здоровье. Что же касается смерти в бою, то ты, все еще верящий в Одина и Валгаллу, можешь не бояться воинственных врагов".

"Я думал не о себе", - ответил Сигвальди.

"Тогда почему ты боишься именно меня?" - спросил Олаф. "Я из давно живущего рода, и, поскольку я теперь человек мирный и не любитель кровопролития, я вряд ли буду ввязываться в войны - по крайней мере, не в те, которые я сам затеял. И я знаю лишь одного человека, который хотел бы сразиться со мной".

"Кто же это?" - спросил Сигвальди.

"Король Дании Свейн", - ответил Олаф. "И похоже, что в это самое время он вместе со своими хозяевами находится за границей в поисках меня".

На темном лице графа появилось выражение тревоги. Он удивлялся, как Олаф узнал эту новость, и боялся, что его собственные планы могут закончиться неудачей.

"Странные вести ты рассказываешь, король Олаф", - сказал он. "Можно подумать, что ты, подобно Одину, нанимаешь воздушных птиц, чтобы они приносили тебе вести".

"Птица, которая рассказала мне об этом, была всего лишь бедным рыбаком", - сказал Олаф. "Вчера вечером я встретил его на берегу и, видя, что он датчанин, заговорил с ним, и он

сказал, что короля Свейна с двумя или тремя кораблями видели направляющимся на юг, в Вендланд".

Граф Сигвальди вздохнул с облегчением. Оставалась большая надежда на то, что его план удастся осуществить. Он окинул взглядом огромный флот Олафа и подумал о награде, которую Свейн предложил в качестве платы за свое вероломство.

"Мало что даст королю Свейну, если он вступит без посторонней помощи в бой с таким хорошо оснащенным и храбрым воином, как ты, король Олаф", - сказал он. "Но, со своей стороны, я не верю в эту историю. Я знал датского короля в прошлые времена, и он слишком осторожен, чтобы предпринять столь дерзкое нападение. Однако, если вы сомневаетесь, что война застанет вас врасплох, я буду с вами на своих кораблях. Прошло то время, когда следование за викингами Йомсбурга считалось полезным для могущественных королей".

Когда граф удалился к своим кораблям, Олаф спустился в свою каюту.

У лестницы в каюту его встретил молодой Эйнар Эйндрисон.

"Угодно тебе, о король, - сказал юноша срывающимся голосом, - случилось так, что сегодня ночью мне приснился сон..."

"Ну, - улыбнулся король, - и что из этого? Жители языческих стран считают тяжким несчастьем, если человек не умеет видеть сны, поэтому тебя можно считать счастливым".

"Иногда сны могут предотвратить несчастье, - сказал юноша, - и то, что мне приснилось сегодня ночью, может быть полезно для вас, мой господин. Когда я спал, мне показалось, что я вижу вас стоящим на краю глубокого колодца с водой. Рядом с вами стоял граф Сигвальди. Вдруг он положил руку вам на спину и толкнул вас вперед, так что вы упали в воду и погрузились глубоко, глубоко, а потом все потемнело. Я не большой любитель читать сны, о король, но этот меня сильно встревожил, ибо я боюсь, что граф Сигвальди - вероломный друг, и теперь он намерен причинить тебе зло".

"Оставь чтение таких сонных фантазий волшебникам и колдунам, Эйнар", - сказал король Олаф. "Не дело христиан заглядывать в будущее. Мы в руках Божьих, и только Он может определить, каким путем мы пойдем. Что же касается моего доброго друга Сигвальди, то я не услышу ни слова против него".

Когда Олаф вошел в хижину, он обнаружил там жену Сигвальди, принцессу Астрид, которая уже несколько дней находилась в обществе королевы Тиры. Астрид предупредила его, как только осмелилась, что ее муж действует против него. Но Олаф с насмешкой отмахнулся от ее предупреждений. Странное увлечение привязало его к лжедругу, и ничто не могло поколебать его уверенности. Он решил во всем следовать советам графа.

Было еще раннее утро, когда король Олаф снова вышел на палубу. Ветер дул с юго-востока, и все благоприятствовало отплытию. Над заливом зазвучали рожки. Моряки кричали от радости, поднимая паруса. Паруса развевались на ветру, а якоря взвешивались. Корабли с радостью вышли из широкой бухты и понеслись по западному каналу мимо крепости викингов - Йомсбурга. Всего их было семьдесят один, и меньшие суда шли впереди, прямо в открытое море, и не ждали, какой курс выберет король, ибо все знали, что они направляются в Норвегию, и хотя путей было много, все они вели на север, за Данию, и дальше, в прохладный Скагерский кряж.

Олаф не видел необходимости держать свой флот вместе. Он не боялся врагов и прекрасно понимал, что на каждом судне есть надежная команда, которая вполне способна позаботиться о собственной безопасности. Его собственное знание этих морей подсказывало ему, что, как бы ни были разбросаны его корабли при переходе через Балтику, все они должны собраться вместе, как он и велел, прежде чем войти в Эйр-Саунд.

Теперь коварный граф, чья хитрость и коварство были в ходу все утро, увидел в этом разбросе кораблей исполнение своих самых заветных надежд. Король Свейн велел ему во что бы то ни стало так распорядиться, чтобы Олаф Тригвисон был отделен от основной массы его флота, чтобы он попал в расставленную для него ловушку и был быстро побежден превосходящими силами, которые теперь ожидали его за островом Свольд. Планы Свейна Вилобородого были хорошо продуманы, и если бы графу Сигвальди удалось провести Олафа между островом и материком, а не взять курс на север через открытое море, успех союзников был бы несомненен.

Граф старался держать свое судно в непосредственной близости от *"Длинного змея"*. Вслед за ними плыли еще десять кораблей викингов графа и столько же самых больших драконов короля Олафа, включая *"Короткого змея"* и *"Журавля"*.

Оставшаяся часть королевского флота уже прошла вперед, взяв курс на север. Сигвальди пытался, задержав отплытие Олафа из гавани, еще больше сократить число ближайших последователей короля. Но он знал, каковы силы Свейна Вилобородого, и был доволен тем, что Олаф сохранит те шансы, которые давала ему поддержка одиннадцати лучших линкоров.

Олаф уже собирался выйти в море, когда Сигвальди окликнул его.

"Следуйте за мной!" - вскричал граф. "Позвольте мне быть вашим лоцманом, ибо я знаю все самые глубокие каналы между островами и проведу вас по ним такими путями, что вы выйдете намного раньше других кораблей!"

И король Олаф, уверенный в себе и не помышлявший о предательстве, последовал на запад, в Звук, и поплыл навстречу своей гибели.

ГЛАВА XX: ПОЙМАННЫЙ В СИЛКИ.

Король Дании Свейн и его союзники расположились со своими боевыми отрядами в большом укрытом вике, или заливе, на западной стороне острова Свольд. Позиция была выбрана удачно, поскольку бухта входила в канал, через который - если ярл Сигвальди выполнит свою коварную миссию - король Олаф Тригвисон непременно попадет в лапы своих врагов. Всего насчитывалось семьдесят военных галер, и каждое судно было хорошо укомплектовано и полностью готово к бою. Больше всего их принадлежало королю Свейну, но баркасы ярла Эрика во всех отношениях превосходили корабли Дании и Швеции.

Сам ярл Эрик тоже был самым доблестным воином. За исключением разве что Олафа Триггвисона, во всех землях Скандинавии не было более храброго и смелого вождя. Приученный с ранней юности к жизни в буре и битвах, Эрик никогда не знал страха, и можно сказать, что он никогда не знал поражений. Его собственная храбрость и мастерство вдохновляли каждого из его последователей-викингов на те же качества. Какими были его люди, такими были и его корабли - они подбирались с учетом их пригодности к битве и ветру. Его собственный драконий корабль, выдержавший множество ожесточенных схваток, был

назван "*Железным бараном*". Он был очень велик, а носовая и кормовая части его корпуса были обшиты толстыми железными шестами от форштевня до ватерлинии.

Много дней простояли эти корабли на якоре в бухте, и с каждым днем три вождя все с большим нетерпением ждали прихода своей королевской жертвы. Много раз они сидели вместе в наземном шатре короля Свейна, обсуждая перспективы и планируя способ нападения. Их целью было не только отомстить королю Олафу за те обиды, которые каждый из троих якобы понес от его рук. Идея мести, конечно, стояла лишь на втором месте после великой надежды на завоевание и личную выгоду, и они заключили между собой тайную сделку, а именно: в случае убийства Олафа Триггвисона каждый из них получит свою третью долю Норвегии. Ярлу Эрику должны были быть отданы все ярлы вдоль западного побережья от Финмарка до Линдеснесса, за исключением семи ярлов, выделенных Олафу, королю шведов. Все земли от Линдеснесса, включая богатую область Агдер, до шведской границы, должны были достаться Свейну Вилобородому, за исключением только королевства Ранарике (по сей день являющегося частью Швеции), которое должно было быть отдано шведскому королю.

Далее между тремя вождями была достигнута договоренность относительно ожидаемой битвы, что тот, кто первым ступит на *Длинную Змею*, получит ее в свое владение со всеми богатствами, которые найдет на ее борту; и каждый должен завладеть теми кораблями, которые он сам захватил и очистил от людей.

Олаф Сигридсон был недоволен этим соглашением, ибо знал, что и Эрик, и Свейн были лучшими людьми, чем он сам, и что в борьбе за приз у него будет лишь жалкий шанс, если кто-нибудь из его товарищей вступит в бой раньше него.

"Мне кажется, - сказал Свейн в одно утро, когда они обсуждали это дело, - что самым справедливым будет бросить жребий или кости; и пусть тот, кто бросит больше, первым нападет на корабль короля Олафа".

И вот они достали коробку с костями, и каждый по очереди бросил свой жребий. Ярл Эрик выбросил двойку и пятерку. Тогда шведский король взял в руки кости и выбросил две шестерки.

"Нет нужды в третьем броске!" - воскликнул он. "Мой шанс первый, и, клянусь молотом Тора, *Длинный Змей* тоже будет моим!"

Но королю Свейну еще предстояло сделать свой бросок.

"На костях еще две шестерки, - сказал он, - и боги легко могут позволить им выпасть снова".

Он сделал бросок, и снова выпали две шестерки. Но одна кость раскололась, показав тройку, а также две шестерки. Таким образом, победа осталась за Свейном, и было решено, что его корабли должны занять центральное место в битве и возглавить атаку на *Длинного Змея*.

Когда этот вопрос был решен, три вождя поднялись на возвышенность острова, как они делали это каждое утро с тех пор, как пришли в Свольд, и встали там с большой компанией людей. Они смотрели на восток вдоль линии вендского побережья и, наблюдая, увидели в море множество кораблей, идущих от гавани Стеттен. Погода была очень яркой и ясной, и солнечные лучи, освещая нарядные паруса и позолоченные носы, представляли собой очень красивое зрелище.

Граф Эрик с некоторым беспокойством заметил, что флот идет на север. Но Свейн сказал: "Подождите, и вы увидите, что сделает наш добрый Сигвальди, когда появится в поле зрения!" И они стали ждать и наблюдать.

Примерно через час они увидели, что на горизонте появилось множество больших и красивых кораблей. Но они были еще слишком далеки, чтобы их можно было различить. Некоторое время Свейн молчал, не сводя глаз с кораблей и отмечая каждое их движение. Наконец он громко воскликнул:

"Теперь я вижу, что Сигвальди поступает так, как мы ему велели. Корабли больше не выходят на главную линию. Они идут на запад, к Свольду! Давайте же спустимся к нашим кораблям и не будем медлить с атакой".

И все они спустились на нижнюю землю, а Свейн послал лодки, чтобы велеть кораблям бросить якорь и готовиться к бою как можно тише.

Канал, по которому Сигвальди должен был провести норманнов, был широк и глубок, но имел много поворотов и изгибов, и прежде чем корабли могли войти в бухту, где их ждали в засаде враги, им нужно было обогнуть выступающий мыс. На гребне этого мыса, скрытые деревьями, король Свейн и его спутники заняли позицию, зная, что, хотя они могут ждать, пока мимо пройдет весь флот короля Олафа, у них будет достаточно времени, чтобы сесть на свои корабли и быть готовыми встретить свою жертву до того, как она войдет в бухту.

Прошло совсем немного времени, и они увидели большого и великолепного дракона, гордо врывающегося в канал. Это был корабль Эйндрид из Гимсара.

"Великий корабль и дивная красота!" - воскликнул король Свейн. "Конечно, это сама *Длинная Змея*!"

Ярл Эрик покачал головой и ответил: "Нет; хотя этот корабль велик и прекрасен, это не *Длинный Змей*".

Вскоре после этого они увидели другого дракона, больше первого; но голова дракона была снята с носа.

Король Свейн сказал: "Теперь Олаф Тригвисон боится, ибо не смеет плыть с головой на своем корабле!"

"Это не королевский корабль, - уверенно возразил ярл Эрик, - ибо по зеленой и красной полосе на парусах я знаю, что его капитан - Эрлинг Скъялгсон. Пусть проходит дальше! Если, как я полагаю, он сам на борту, нам будет лучше, если он и его отряд не окажутся среди тех, с кем нам предстоит сразиться в этот день".

Один за другим, в неправильном порядке, проплывали большие корабли норвежских вождей, и с каждым из них шведский король Свейн или Олаф громко восклицал: "Вот это точно *Длинный Змей*!" Но ярл Эрик Норсман узнавал каждого и называл имя своего капитана.

Вскоре мимо проплыли корабли викингов ярла Сигвальди, держась недалеко от берега, и наконец появился дракон самого ярла с красным знаменем на носу, по которому король Свейн понял, что все идет так, как было задумано. Следом за ним шел "*Журавль*".

"А теперь давайте поспешим на борт!" - вскричал король Свейн, - "ибо наконец-то появился *Змей*!".

Но ярл Эрик не двигался с места.

"Много других великих и великолепных кораблей у Олафа Тригвисона, кроме *"Длинного Змея"*, - сказал он, - но только девять уже проплыли мимо. Давайте подождем".

Тогда один из датских воинов Свейна, стоявший неподалеку, разразился хриплым издевательским смехом и сказал:

"Мы слышали, что ярл Эрик был храбрым и отважным человеком. Но теперь ясно, что у него лишь сердце цыпленка, ибо он слишком труслив, чтобы сражаться с Олафом Тригвисоном, и не осмеливается отомстить за смерть собственного отца. Это великий позор, о котором будут рассказывать по всем землям, что мы, со всем нашим великим воинством, стоим здесь, в то время как король Норвегии уплывает в море мимо наших глаз".

Эрик очень разгневался, услышав эти издевательские слова.

"Тогда идите на свои корабли, - сказал он, - но если вы сомневаетесь в моей храбрости, то еще до захода солнца в море увидите, что и датчане, и шведы будут не так спокойны, как я и мои люди!"

Когда они двинулись в путь, в поле зрения появился еще один корабль короля Олафа.

"Вот плывет *Длинный Змей*!" - воскликнул сын королевы Сигрид. "Неудивительно, что Олаф Тригвисон так широко известен, когда у него есть такой великолепный корабль, как этот!"

Все повернулись, чтобы посмотреть на проплывающее мимо огромное судно. Его позолоченный дракон сверкал в лучах солнца, полосатый красно-синий парус развевался на ветру, на палубах стояли толпы мужественных мужчин. Более великого и великолепного линкора в этих водах еще не видели.

Король Свейн Вилобородый громко воскликнул в своем ликовании:

"Славно пронесет меня сегодня *"Змей"*, когда я направлю его на север, в Данию!"

Затем ярл Эрик с усмешкой добавил:

"Даже если бы у Олафа Славного не было корабля больше, чем *"Короткий Змей"*, который мы сейчас видим, думаю, Свейн со всем своим войском датчан никогда не смог бы отвоевать его у него без посторонней помощи".

Король Свейн уже собирался дать гневный отпор, когда ярл Эрик указал на мыс, из-за которого в свою очередь появились все эти корабли. И теперь Свейн сразу понял, как сильно он ошибался, ожидая увидеть знаменитый драконий корабль короля Олафа, и как сильно его фантазия не соответствовала действительности. Он стоял в немом изумлении, глядя, как возвышающийся нос *Длинного Змея* скользит по морю, испуская длинные лучи золотого света. Сначала показалась сверкающая голова дракона, затем длинный корпус корабля, расписанный яркими красками, потом высокая мачта с белым парусом, а посреди снежного простора - кроваво-красный крест. Плотный ряд полированных щитов вдоль фальшбортов сверкал в лучах солнца. Свейн удивился огромной длине корабля, ведь корма появилась в поле зрения только после того, как он увидел нос. Его спутники-водители роптали от восхищения, а в груди многих шведов и датчан закрались страх и ужас: они чувствовали, что по крайней мере для некоторых из них этот огромный корабль несет смерть.

"Это славное судно достойно и подобает такому могущественному королю, как Олаф Славный, - заявил ярл Эрик, - ибо о нем можно сказать, что он стоит выше всех других королей, как *Длинный Змей* стоит выше всех других кораблей".

Не подозревая о кознях Сигвальди, король Олаф направил свой корабль вслед за графом. Поначалу он шел во главе десяти других драконов, а Сигвальди плыл впереди. Но когда они приблизились к острову, случилось событие, заставившее его отступить на задний план. Юный Эйнар Эйндрисон, всегда полный спорта и игры, устроился на верфи и, вооружившись луком и стрелами, стрелял в пролетающих чаек. Вскоре он заметил большую птицу, летевшую с запада. Ее крылья и тело были совершенно черными. Медленно она приближалась все ближе и ближе, словно собираясь скрестить луки со *Змеем*. Эйнар дошел до конца двора и, укрепившись, прикрепил стрелу к тетиве. Когда птица оказалась на расстоянии легкого выстрела из лука, юноша прицелился. Но когда он натянул тетиву, то увидел, как огромная сумрачная птица раскрыла свой крепкий клюв. Он услышал хриплое карканье и понял, что это карканье ворона. В те времена крик ворона считался дурным предзнаменованием; считалось также, что человек, убивший одну из этих птиц, непременно обречен на скорую беду. Эйнар ослабил лук, и стрела выскользнула из его пальцев. Пытаясь поймать ее, он выронил свой знаменитый лук, Тхамб, и тот упал в море. Теперь Эйнар дорожил этим луком больше всех своих мирских богатств. Не раздумывая ни мгновения, он встал на верфи и прыгнул в море.

Король Олаф, стоявший у румпеля, видел все это, он быстро переложил штурвал и, приведя "*Змея*" к ветру, лег, пока спускали на воду лодку. Эйнар и его лук были спасены. Но тем временем "*Длинного змея*" догнали все его товарищи, и так получилось, что он последним вошел в пролив.

Граф Сигвальди по-прежнему держался впереди. Но заметили, что когда он подошел к мысу, на котором стояли три вождя, он спустил паруса и направил свои корабли ближе к берегу. Ничего не подозревая, норманны последовали его примеру, и очень скоро флот короля Олафа собрался вместе. Но когда Торкель Видлер подошел к Журавлю, он громко крикнул Сигвальди, спрашивая его, почему тот не отплывает. Граф ответил, что намерен лежать до тех пор, пока король Олаф не присоединится к нему. Тогда Торкель тоже пустился в путь. Но кораблям было еще далеко, и их несло по течению. Они дрейфовали, пока не пришли к изгибу канала, который выходил в залив, где в засаде ждали король Свейн и его союзники.

К этому времени "*Короткий змей*" подошел к Сигвальди, и его капитан, заметив часть вражеского флота, расспросил графа о них.

"Все они мне чужие", - ответил Сигвальди со злым взглядом. "Но кем бы они ни были, похоже, что они не совсем дружелюбны к нам. Со своего места я вижу их красные боевые щиты, и, похоже, нас ожидает битва".

Тогда Торкель Нефья достал весла, направил "*Короткого змея*" против течения и со всей скоростью понесся назад, навстречу королю.

"Что я вижу?" - воскликнул король Олаф. "Почему корабли спустили паруса? И что означает ваше возвращение?"

"Это потому, что в дальней бухте лежит большое количество военных галер", - ответил Торкель. "Это войска датского короля Свейна, ибо я видел знамя на одном из кораблей, и оно было похоже на те знамена, которые носил Свейн Вилобородый, когда мы были с ним в Англии. Поверни назад, умоляю тебя, о король! Поверни назад тем путем, которым мы

пришли! Ибо наш флот насчитывает всего одиннадцать килей, в то время как у наших врагов целых два десятка драконов!"

Услышав эти вести, король встал на липтинге *Длинного Змея*. Он обратился к своим морякам.

"Спустить паруса! На весла!" - крикнул он громким голосом, который был хорошо слышен по всей акватории, и люди быстро повиновались.

Все еще держа румпель, Олаф, как и прежде, держал корабль на носу.

"Никогда еще я не бежал от битвы, - обратился он к Торкелю Нефье. "И хотя у Свейна Вилобородого трижды по два десятка боевых кораблей, я предпочел бы сразиться с ним, а не повернуть хвост, как трусливая гончая. Бог управляет жизнью всех христиан, и почему мы должны бояться столкнуться с королем Свейном и всеми его язычниками? Пусть наш клич будет: "Вперед, люди Христа; вперед, люди Креста!"".

Когда "*Длинный Змей*", быстро несясь на всех веслах, приблизился к своим товарищам, Олаф увидел, что ярл Сигвальди и его викинги ушли за мыс, а его собственные капитаны развернули носы и гребли назад против течения.

"Почему вы пустились в бегство?" - прорычал Олаф громовым голосом. "Никогда я не убегу ни от одного земного врага. Нет достойного короля, который избегает врагов из-за страха. Переворачивайте свои корабли и следуйте за *Длинным Змеем* - к славе или к смерти!"

И вот, взяв на себя инициативу, он выстроил свои корабли по порядку: "*Короткий змей*" и "*Журавль*" шли сразу за ним, а восемь других кораблей - следом. Гордый, с развевающимися знаменами, он вошел в бухту. Перед ним, на расстоянии около мили, виднелись семьдесят боевых кораблей его врагов. Их огромное количество и компактный боевой порядок вполне могли вселить страх в сердце того, у кого за спиной было всего одиннадцать галер. Но Олаф Тригвисон ни на мгновение не уклонился от неравной схватки. Он остановил свои корабли, но это произошло не из-за нерешительности. Просто, застигнутый врасплох, он должен был подготовиться к предстоящей битве. Сняв с мачты свой большой боевой рог, он издал оглушительный звук. Его воины поняли призыв, поспешно облачились в доспехи, принесли на палубу свои стрелы и копья и встали на свои места с готовностью, которая свидетельствовала о том, как хорошо их обучил королевский хозяин.

Сам Олаф спустился в свою каюту. Некоторое время он стоял на коленях перед распятием в безмолвной молитве, а затем, скрепя сердце, готовый ко всему, что может с ним случиться, надел свои лучшие доспехи и вернулся на палубу.

Когда он стоял рядом со своим развевающимся знаменем - белоснежным знаменем с кроваво-красным крестом, - его можно было легко отличить от всех, кто находился рядом с ним. Его высокую величественную фигуру венчал гребнеобразный шлем из чистого золота. Поверх хорошо выкованного почтового плаща он носил короткую тунику из алого шелка. Его щит с украшенным драгоценными камнями изображением распятого Христа блестел в лучах солнца и был хорошо виден поджидавшим его врагам.

Некоторые из его спутников предупреждали его об опасности, которую он представляет собой, выставляя себя напоказ и делая себя меткой для своих врагов. Но он гордо ответил, что хочет, чтобы все люди, как друзья, так и враги, видели, что он не избегает опасности.

"Чем больше меня видят, - сказал он, - и чем меньше страха я проявляю в бою, тем больше я внушаю моим храбрым друзьям уверенности, а врагам - страх и ужас".

Пока он говорил, он увидел, что король Свейн со своими кораблями медленно гребет в среднюю бухту, чтобы встретить его, оставив два отряда у себя в тылу. Ни на одном из кораблей не было признаков спешки, ибо все люди знали, что им предстоит долгий дневной бой и что все приготовления следует делать с осторожностью.

Некоторое время после выхода на палубу король Олаф больше наблюдал за врагами, чем собирал свое небольшое вооружение. Он с самого начала понял, что ему предстоит занять оборону, и отдал приказ выстроить корабли в линию, борт к борту.

Этот приказ выполнялся, и сейчас он стоял, наблюдая за ходом сражения противника.

"Кто командир корабля, идущего против нас?" - спросил он Берси Сильного, одного из своих вождей, стоявшего рядом с ним. "По штандарту на его носу, думаю, я должен его хорошо знать".

"Это король Свейн из Вилобородого, со своими войсками из Дании", - ответил Берси.

"Я так и думал", - ответил Олаф. "Но мы не боимся этих трусов, ибо храбрости в датчанах не больше, чем в лесных козлах. Никогда еще датчане не побеждали норманнов, не победят они нас и сегодня. Но что за вождь летит на штандартах справа?"

"Это, господин, штандарты Олафа, короля шведов".

"Сыну королевы Сигрид Непокорной не помешает немного практики в военном деле", - сказал Олаф. "Если бы не вред, который он может нам причинить, он вполне мог бы остаться дома. А его языческая Швеция, думаю, сочтет более приятным сидеть у костра и облизывать свои жертвенные чаши, чем высаживаться на борт *Длинного Змея* под дождем нашего оружия. Нам не нужно бояться шведов, поедающих лошадей. Но кому принадлежат эти прекрасные корабли слева от датчан? Должно быть, это галантный человек, ибо его люди гораздо лучше вооружены, чем остальные, и гораздо смелее во всех отношениях".

"Они принадлежат графу Эрику Хаконсону", - ответил Берси.

"Он самый благородный из тех, кто будет сражаться против нас сегодня, - сказал Олаф, - и от него и от высокородных людей, которых я вижу на его палубах, мы можем ожидать тяжелой битвы. У ярла Эрика есть все основания напасть на нас, и мы не должны забывать, что он и его дружина - такие же норманны, как и мы. А теперь давайте подготовимся!"

Затем король повернулся к своим кораблям. Одиннадцать драконов, как он и приказал, расположились рядом: *Длинный Змей* в центре, а *Журавль* и *Короткий Змей* по обе стороны от него. Справа и слева от каждого из них располагались по четыре корабля. По сравнению с превосходящим числом противника это было очень мало, и, проходя вдоль линии, Олаф не заметил пятидесяти кораблей, вышедших в море. Тем не менее он не позволил своим людям увидеть, что он чем-то обеспокоен.

Теперь моряки скрепляли корабли форштевень за форштевнем. Олаф увидел, что они привязывают клюв *"Длинного змея"* на одном уровне с другими носами, так что его нос остался далеко позади. Он громко позвал Кетиля Высокого:

"Выведите вперед большой корабль. Пусть выделяется нос, а не корма. Я не стану отставать от своих людей, когда начнется битва!"

Тогда Вольф Рыжий, его знаменосец, стоявший впереди на носу, пробормотал жалобно:

"Если *"Змея"* будет лежать так далеко вперед, как она длиннее других ваших кораблей, то сегодня в ее носах будет ветреная погода".

Король ответил: "Я приказал построить *"Змею"* длиннее других кораблей, чтобы она смелее выступала в бой и была известна как в бою, так и в плавании. Но когда я выбирал ее команду, я не знал, что назначаю защитником стебля того, кто был и рыжим, и адредом".

Эта игривая насмешка рассердила Красного Волка, и он дерзко ответил: "Не нужно ничего говорить, повелитель, если вы будете охранять полуюту так же хорошо, как я буду охранять форштевень".

В руках у короля был лук. Наложив стрелу на тетиву, он направил ее на Вольфа, который воскликнул:

"Стреляй в другую сторону, король, и не в меня, а в своих врагов, ибо то, что я выиграю в бою, я выиграю для Норвегии, и, может быть, ты увидишь, что у тебя не так уж много людей до наступления вечера".

Король опустил стрелу и не выстрелил. Когда люди закончили связывать корабли, он снова взял свой боевой рог и громко затрубил в него, и эхо вновь и вновь прокатилось по скалистым берегам острова. Когда он повернулся, чтобы отложить рог, то увидел, что на палубу поднялась королева Тира, встревоженная нарастающей суматохой.

Она смотрела на залив и, увидев огромный вражеский флот, который приближался к уменьшившимся силам Олафа, разрыдалась.

Олаф подошел к ней и положил руку на плечо.

"Ты не должна плакать, - мягко сказал он. "Подойди, осуши свои слезы; ведь теперь ты получила то, что причиталось тебе в Вендланде, и сегодня я хочу потребовать от твоего брата Свейна зубной дар, о котором ты так часто просила меня".

ГЛАВА XXI: БИТВА В СВОЛД-САУНДЕ.

Король Олаф стоял на палубе *"Длинного змея"*, выделяясь среди своих воинов: его золотой кованный шлем возвышался над головами остальных. С этой позиции он мог наблюдать за передвижениями врагов, командовать действиями своих кораблей и руководить обороной. Отсюда же он мог пускать стрелы и метать копья над головами норманнов. Его колчаны были наполнены отборными стрелами, а рядом с ним было множество подставок для копий. Большинство избранных вождей - Колбьорн Сталлар, Торфинн Лихой, Кетиль Высокий и Торстейн Оксфут - занимали свои места впереди на палубе или в "ближней каюте", ближе к носу. Они стояли наготове с копьями и мечами, чтобы противостоять абордажникам, и были защищены щитоносцами, которые стояли перед ними у фальшбортов с сомкнутыми щитами. В разных местах были расставлены группы лучников, лучшие стрелки расположились перед мачтой, где ни такелаж, ни шнуры не мешали прицеливанию. На этом месте на протяжении всего сражения стоял Эйнар Эйндридсон. Громко и пронзительно звучали боевые рога с обеих сторон. Король Дании Свейн все ближе и ближе подходил к атаке. Ветер утих, море было спокойным, солнце жарко пылало в безоблачном небе, сверкая на начищенных шлемах и позолоченных головах драконов. Носы короля Олафа были направлены на север, так что врагам, когда они обрушивались на него, в глаза бил яркий полуденный солнечный свет. Король Свейн Вилобородый открыл атаку ливнем стрел, направленных на защитников стебля *Длинной Змеи*. Лучники короля Олафа тут же ответили тем же. Этот обмен стрелами

продолжался без остановки, пока корабли Свейна шли вперед с максимальной скоростью. Затем, когда датчане все ближе подходили к носам норманнов, стрелы сменились копьями, которые метко металась из стороны в сторону.

Люди Свейна направили свои стволы на оба лука *"Длинного змея"*, так как он стоял намного дальше всех остальных кораблей Олафа. Многие, кто не мог приблизиться к этой желанной позиции, обратили свое внимание на *"Короткую змею"* и *"Журавля"*. И теперь битва разгоралась с новой силой. Но норманны стояли твердо, как каменная стена, а датчане, осыпаемые с палуб *"Змея"* ливнем копий и стрел, начали падать духом, прежде чем хоть один человек из них смог пробиться сквозь тесный заслон щитов. Носы Олафа были так высоки, что их невозможно было одолеть, а защитники, стоя на возвышении, имели полное превосходство над своими врагами. Первыми из норманнов пали Транд Косоглазый и Огмунд Песчаный. Эти двое спрыгнули на палубу дракона короля Свейна, где после упорного рукопашного боя, в котором они победили девять лучших воинов датского короля, были убиты. Колбиорн Сталларе был очень разгневан тем, что эти двое нарушили строй, и отдал приказ, чтобы никто из норвежцев не пытался высадиться на вражеские корабли без особого приказа.

Корабль Свейна лежал под правым бортом *"Змея"*, и Волк Рыжий выкинул крючья для захвата, удерживая его там. Это был баркас с двадцатью веслами, а его команда состояла из лучших датских воинов. Бой на этом корабле был острым и яростным, а резня - огромной. В то время как Кольбьерн и другие защитники стебля Олафа непрерывно бились копьями и мечами, король Олаф и его лучники пускали свои стрелы высоко в воздух, так что они густым дождем падали на датские палубы. Однако датчане и шведы, подошедшие с тыла, не замедлили нанести ответный удар. Хотя им не удалось взять *"Змею"* на abordаж, они все же смогли атаковать ее переполненные палубы стрелами и меткими копьями, и норманны пали в большом количестве. Тем временем остальные корабли Свейна - ни один из которых не был больше самого маленького из одиннадцати драконов короля Олафа - предприняли энергичное наступление на левое и правое крылья Олафа. Норсмены сражались с мужественной решимостью, и по мере того как один за другим датские корабли очищались от людей, они отходили назад, а их место занимал другой корабль, чьи воины, свежие и жаждущие, возобновляли наступление. По всей линии Олафа не было ни одного свободного места, ни одного ярда фальшборта, не занятого сражающимися людьми. В воздухе летали стрелы, мелькали копья и махали мечи. Звон оружия о металлические щиты, тупой стук ударов, дикие крики воинов и вопли раненых сливались в громкий вибрирующий рокот. Для графа Сигвальди, который лежал со своими кораблями поодаль в дальнем конце бухты, это было похоже на жужжание пчел в улье. Не только на носу, но и за кормой компактного корабля Олафа датчане пытались взять его на abordаж. Норсмены были полностью окружены своими врагами. Король Олаф сражался с палубы *"Змея"* не менее энергично, чем Колбьерн и его защитники на носу. Он осыпал каждый корабль, приближающийся к нему, ливнем метких стрел. А когда форштевень одного из датских баркасов врезался в корму его судна, он бросил свой лук, подхватил копья, по одному в каждую руку, и швырнул их в гущу врагов. Раз за разом он призывал своих последователей, и те с яростью бросались на вражеские палубы, сметая все на своем пути. Семь кораблей короля Свейна он очистил таким образом; наконец, больше никто не пришел, и на некоторое время он успокоился. Но крик с форштевня *"Змея"* предупредил его о том, что его стебелькам приходится нелегко. Тогда он собрал своих людей и повел их вперед. Многие были вооружены боевыми топорами, другие - копьями, а все - мечами. Призвав своих щитоносцев освободить ему дорогу, он протиснулся через брешь и спрыгнул на палубу дракона Свейна Форкберда.

"Вперед, люди Христа, люди Креста!" - крикнул он, и три десятка его храбрейших воинов последовали за ним. И он прорубил себе путь сквозь толпу датчан, которые под предводительством самого Свейна делали последний рывок и готовились взойти на борт "Змея". Король Свейн был ранен в правую руку ударом меча Кольбьерна. Кольбьерн собирался повторить удар, когда несколько датчан, отступая на корму, встали между ним и своим королем. Свейн отступил назад и, громко крикнув своим людям, чтобы они следовали за ним, повернул хвост и повел их через фальшборты на палубу корабля, стоявшего рядом с ним. Этот корабль, который еще не успели схватить нордцы, он отвел на дальний берег залива. Отступив от места сражения, он затрубил в рог, призывая тех из своих кораблей, которые еще не были полностью побеждены. Усталый, израненный и отчаявшийся, он считал себя не в силах противостоять Олафу Славному. Он атаковал с пятью и сорока полностью укомплектованными боевыми кораблями, но вся эта огромная сила была ничем против превосходного мастерства и мужества защитников. Так и случилось, как и предполагал Олаф Тригвисон, что датчане не одержали победу над норманнами. Пока датчане отступали, шведы поспешили вперед, чтобы возобновить атаку. Шведский король, полагая, что Олаф Тригвисон наверняка понес страшные потери от рук датчан, очень надеялся, что ему понадобится совсем немного времени, чтобы превратить поражение короля Свейна в победу для себя. Он уже издалека продолжал периодически выпускать стрелы в середину норвежских кораблей и, возможно, таким образом помог уменьшить силы короля Олафа. Теперь он гордо греб к левому крылу норвежского флота. Здесь он разделил свои силы, отправив одно подразделение в атаку на носы Олафа, а сам греб в тыл. Многие из поврежденных датских кораблей преградили ему путь, но в конце концов он подвел свой баркас под крыло *"Длинного змея"*. Эта пауза дала норманнам короткую передышку, чтобы очистить палубы от беспорядка и освежиться желанными порциями прохладной воды, которую их вождь приказал подать кругом.

Тщетны были надежды шведского короля. Когда он двинулся на *Змея*, Олаф Тригвисон был готов встретить его, освеженный коротким отдыхом, не раненый и с пылающим в нем воинственным духом.

"Не будем терять мужества при виде этих язычников, пожирающих лошадиную плоть!" - воскликнул он, поднимая своих людей. "Вперед, мои храбрые христиане! Сегодня мы сражаемся за веру Христову. Крест Христа против молота Тора! Христианин против язычника!"

И когда якоря и крючья были закреплены на корабле шведского короля, Олаф поспешил к поручням и атаковал ее людей сначала копьем и длинным копьем, а затем мечом. Нос *"Змея"* был так высоко поднят над форштевнем, что норманнам приходилось опускать оружие прямо под уровень своих обутых в сандалии ног, и всякий раз, когда шведские воины, ободренные появлением бреши в рядах короля Олафа, пытались взобраться на борт, их сшибали или сбрасывали обратно в море.

Наконец Олаф Шведский выступил вперед с сильным отрядом мечников и топорноносцев, намереваясь первым из трех враждебных принцев поставить ногу на палубу *"Длинного змея"*. Олаф Тригвисон увидел его приближение и, снова призвав своих норманнов следовать за ним, перепрыгнул через поручни и высадился на палубу противника. Сын королевы Сигрид неподвижно стоял на носу корабля. Его лицо внезапно побледнело, но он схватился за меч, готовый встретить норвежского короля. Тут два Олафа встретились, скрестили мечи, и завязался отчаянный поединок. Не успели они сделать и полдюжины выпадов, как Олаф Триггвисон быстрым движением руки выбил меч из рук своего противника, и тот упал на палубу.

"Слишком смел сын королевы Сигрид, - вскричал Олаф, - если вздумал взойти на борт *"Длинного змея"*. Теперь ты в моей власти, и я могу покончить с тобой и твоим поклонением языческим идолам. Но никогда не будет сказано, что Олаф Тригвисон сразил безоружного врага. Возьми свой клинок, гордый король шведов, и посмотрим, кто лучше - ты или я".

И когда шведский Олаф снова встал на страже, они снова скрестили мечи.

"Теперь я отомщу за оскорбление, которое ты нанес моей матери!" - воскликнул Олаф Сигридсон, - "и ты, ударивший ее по щеке своей перчаткой, будешь сражен насмерть оружием из закаленной стали, а не из лисьей шкуры".

"Береги голову, - ответил Тригвисон, - чтобы я не сбил с тебя шлем. Человека, который учил тебя владеть мечом, можно было бы использовать лучше, ведь, по правде говоря, он научил тебя очень малому".

"Он научил меня достаточно, чтобы я мог убить такого человека, как ты!" - вскричал швед, собираясь с силами для мощного удара.

"Это еще предстоит доказать", - ответил Олаф Тригвисон. "Погоди! Ты не с той ноги встал!"

Но король шведов, не обращая внимания, с размаху опустил меч, целясь в голову Олафа Тригвисона. Как молния, Олаф поднял свой меч, чтобы встретить удар. Клинок его противника разломился на две половины, и в тот же миг он упал на палубу тяжело раненный.

"Клинки шведских мечей хороши, - сказал Олаф Тригвисон, - но мечи норвежцев лучше".

Он думал, что покончил с королем Швеции. Но некоторые из шведских воинов, наблюдавших за поединком, бросились вперед и, подняв упавшего короля, унесли его на другой корабль, а Олаф Тригвисон пошел на корму по переполненным палубам, и люди падали под его ударами, как падает спелое зерно под косой косаря. Со шведами, как и с датчанами, случилось так, что, несмотря на превосходство в численности, они обнаружили, что не могут сравниться с норманнами в мастерстве и доблести. Их отборные воины были быстро убиты или ранены, лучшие корабли выведены из строя, и хотя силы Олафа Тригвисона действительно сократились примерно вдвое, им не удалось взять на abordаж ни один из его кораблей, а тем более увести их в качестве призов. Как только король Свейн отступил, отступил и король Швеции Олаф. Его корабли были отозваны из боя и выведены за пределы досягаемости стрел норманнов. Смелое нападение не принесло ему славы, а лишь позорное поражение, и он был рад спастись живым, хотя и очень тяжело раненным.

Так Олаф Тригвисон обратил в бегство и датчан, и шведов, и все случилось так, как он сказал.

А теперь следует рассказать о том, как сложилась судьба ярла Эрика Хаконсона в той битве. Верный соглашению, к которому он и два союзных короля пришли за броском костей утром того же рокового дня, он стоял в стороне от битвы, пока Свейн тщетно пытался заполучить *Длинную Змею*; и в течение полудня и до отступления короля Свейна он не принимал участия в сражении, только направлял издали свои стрелы в гущу войска Олафа Тригвисона. Ярл Эрик был мудрым в военном деле и здравомыслящим человеком. Он сражался вместе с отцом в великой битве против Сигвальди и викингов Йомсбурга, и по тому, что он видел в тот день о доблести Олафа Триггвисона, и по тому, что он слышал о военных действиях Олафа в Англии и других землях, он составил очень верную оценку человека, который сейчас сражался в защиту *Длинного Змея*. Он также видел Свейна Вилобородого в гуще сражений, и Олафа Шведского не меньше. Поэтому он мог судить, что ни король датчан, ни король

шведов не в состоянии одолеть столь храброго и могучего воина, как король норманнов, или вырвать *Длинную Змею* у человека, который ее построил и который так хорошо знал, как защищать свою собственную. Возможно, в формировании такого мнения сыграла роль гордость за своего соотечественника. Но ярл Эрик сражался с людьми всех земель Скандинавии. Он был твердо уверен, что норвежцы храбрее и смелее, крепче телом, искуснее в обращении с оружием и выносливее всех своих соседей. И, возможно, в этом он был прав. По крайней мере, он считал, что единственные люди, которые могут одержать победу над норманнами короля Олафа, - это норманны ярла Эрика Хаконсона. Викинги и берсерки ярла Эрика, с нетерпением наблюдавшие за схваткой, видели, как датские корабли один за другим отбивались, выходили из строя и терпели поражение. Они следили за каждым движением высокого и великолепного норвежского короля, сражавшегося в своих блестящих доспехах и ярко-красной тунике на *Змеином* липтинге. Некоторое время они не были уверены, где находится Олаф Тригвисон - на форштевне или на полуюте своего великого драконьего корабля, ибо было видно, что в каждой из этих важных точек стоит высокий вождь, чья доблесть и чье одеяние одинаково выделяли его среди всех прочих мужчин; и эти два чемпиона так походили один на другого, что нелегко было определить, кто из них Колбьёрн Сталларе, а кто король Олаф. Но ярл Эрик не сомневался ни минуты. Он бы узнал Олафа Тригвисона, если бы на его стороне не было таких людей, как Колбьорн. Ярл Эрик был старшим сыном злого ярла Хакона, который бежал из Трандхейма во время прихода Олафа в Норвегию и был убит, укрывшись на хуторе Римул, и Эрик, естественно, надеялся, что после смерти отца он унаследует трон. Олаф Тригвисон разрушил все его планы на будущую славу, и в течение пяти лет правления короля Олафа он жаждал возможности, которая представилась сейчас, не только отомстить за смерть отца, но и, возможно, возвести себя на трон Норвегии. Единственное, что его беспокоило в данный момент, - это страх, что король Олаф будет побежден в битве до того, как он сам встретится с ним лицом к лицу и рука об руку.

Пока король Швеции и его войска были заняты атакой на центр сражения Олафа, ярл Эрик принял план, который, хотя и казался более безнадежным, в итоге оказался успешнее всех тех, что до сих пор пытались осуществить датчане или шведы. Он увидел, что, пока *"Длинного змея"* с двух сторон поддерживают пять сильных и хорошо укомплектованных драконьих кораблей, он практически неприступен. Лишь крыло и нос корабля были открыты, и они возвышались над фальшбортами всех остальных судов так высоко, что пытаться взять его на abordаж было и бесполезно, и опасно. В этом и заключался секрет успешной обороны Олафа, доказательство его прозорливости и мудрости, когда он построил *"Змея"* гораздо больше и выше всех остальных кораблей своего флота. Ярл Эрик заметил, что каждый корабль, который приближался к нему с носа или с кормы, в свою очередь полностью очищался от людей или был вынужден выйти из боя.

Придав своим гребцам максимальную скорость, Эрик обрушился со своими кораблями на крайнее правое крыло короля Олафа. Тяжелый, окованный железом нос *"Рамы"* врезался в крайний баркас Олафа, и его древесина закричала и застонала от удара. Викинги и берсерки прыгнули на палубу, и теперь норсман встретился с норсманом в страшном, смертельном бою. Люди короля были почти измотаны долгим дневным боем под жарким солнцем; по их загорелым лицам струился пот, конечности двигались с трудом. Но как бы они ни устали и ни страдали от жажды, они не могли дать себе передышки. Каждый павший или искалеченный ранами человек оставлял в рядах брешь, которую невозможно было заполнить. Люди графа были свежи и бодры; они часами ждали приказа своего вождя вступить в бой, и теперь, когда приказ был отдан, они сражались с горячей яростью, выкрикивая боевые кличи и рубя своих врагов тяжелым топором и острым мечом.

Натиск был столь яростным, что многие из людей Олафа, впервые за этот день, в страхе отступили назад и перелезли через фальшборты соседнего корабля. Очень скоро палубы первого корабля были полностью очищены от защитников. Тогда ярл Эрик отступил с *железным тараном*, а моряки на других его кораблях отрезали стропы, связывавшие крайнее судно Олафа с соседним, и оттащили побежденное судно в тыл, оставив незащищенным следующий корабль.

Снова ярл Эрик пошел вперед с *тараном* и, как и прежде, врезался в открытый борт крайнего корабля. Как и прежде, викинги вскочили на борт и возобновили атаку. Пять кораблей викингов лежали, заслоняя своими высокими носами фальшборты, а их люди сгрудились на палубе от форштевня до кормы, очищая все перед собой. Снова были перерезаны ремни, и побежденный баркас был отведен.

Теперь два дракона короля Олафа были захвачены ярлом Эриком. Прошло совсем немного времени, и за ними последовали еще два, а затем и *Короткая Змея* оказалась на свободе, как и ее четыре спутника. В этот момент ярл Эрик приостановился, ибо увидел, что палубы Торкеля Нефыи плотно заполнены людьми, которые перебегали с судна на судно перед натиском викингов. С осторожностью, которой научили его долгие годы работы с викингами, граф решил, что "*Короткого змея*" лучше всего атаковать стрелами, выпущенными с безопасного расстояния, пока его численность не уменьшится настолько, чтобы он мог напасть на него с близкого расстояния. Поэтому он поставил шесть своих кораблей поблизости и пустил в ход своих лучников, и долгое время этот способ нападения продолжался.

Недостатка в стрелах не было ни на "*Коротком змее*", ни на любом другом из линкоров короля Олафа. Но викинги графа заметили, что большинство стрел, выпущенных в них защитниками, были датского или шведского производства, и по этому признаку решили, что люди короля используют стрелы, выпущенные в них их врагами.

Оставив свои шесть кораблей там, где он их разместил, ярл Эрик направил "*Железного барана*" к левому флангу Олафа Тригвисона. За ним следовали четыре его лучших баркаса. Он прошел за кормой королевского флота. Когда он проплывал мимо под носом "*Длинного Змея*", то увидел величественную фигуру короля Норвегии, сверкающую золотом и багрянцем в лучах полуденного солнца, с мечом в руке и щитом на груди. Взгляды двух храбрейших норвежских воинов встретились. Взмахнув мечом в издевательском приветствии, ярл Эрик громко воскликнул:

"Короток будет удел Олафа, когда Эрик возьмет на бордаж *Длинного Змея*!"

Король Олаф увидел, что неподалеку от места, где стоял Эрик, на передней палубе "*Железного барана*" возвышается изображение бога Тора, и громко воскликнул в ответ:

"Никогда Эрик не взойдет на борт "*Змея*", пока Тор обитает в его стволе!"

"Мудрый прорицатель - король", - сказал ярл Эрик одному из своих воинов, проходя на корму "*Журавля*". "И я с самого начала этой битвы думал о том, что большая удача Олафа может быть связана с тем знаком креста, который мы видим на всех его знаменах и щитах. Часто я испытывал желание стать христианином, ибо мне кажется, что во всех христианских людях есть что-то благородное и честное - величие, которого мы, язычники, никогда не сможем достичь. Клянусь эфесом моего меча, - он поднес рукоять меча к губам, - что если я выиграю эту битву и возьму в качестве награды *Длинного Змея*, то сразу же позволю окрестить себя. А для начала я прикажу выбросить за борт моря это изображение Тора. Оно плохо сделано и

громоздко, а фигура креста займет меньше места на нашем стебле и принесет нам больше удачи".

Сказав так, ярл Эрик шагнул вперед и, схватив идола в свои сильные руки, перебросил его через фальшборт. Затем он связал вместе два лонжерона, длинную доску скрестил с более короткой, и поднял это грубо сделанное распятие высоко на форштевень *"Железного барана"*. К этому времени его судно прошло за крайний левый фланг короля Олафа. Он приказал своим гребцам прекратить греблю по правому борту. Они так и сделали, и корабль развернулся. Затем он на полной скорости устремился к крайнему дракону короля, врезался в его борт и возобновил натиск.

Эрик расправился с левым крылом так же, как и с правым, и один за другим четыре корабля были очищены и освобождены. Теперь у *"Длинного змея"* оставалось только два компаньона: *"Короткий змей"* по правому борту и *"Журавль"* по левому.

Уже сейчас *"Короткий змей"* был сильно покалечен. Ее командир Торкель Нефья пал, а большая часть людей отступила на корабль Олафа, подгоняемая викингами с шести кораблей, которые теперь стояли вплотную к ней. Теперь ярл Эрик предпринял энергичную атаку на *"Журавля"*. Он взошел на борт с огромной толпой своих викингов. На средней палубе он столкнулся с ее капитаном, Торкелем Видлером, и они вступили в острую рукопашную схватку. Не считаясь с собственной жизнью, Торкель сражался с дикой яростью. Он знал, как много зависит от того, сможет ли он помешать Эрику проникнуть на королевский корабль. Но он уже получил тяжелую рану от удара копьем по пальцам правой руки и был полностью изможден жарой и долгим боем. Нападавший быстро одолел его, и он упал, призывая Бога спасти короля. Как сражался Торкель, так сражались и его люди - отчаянно, яростно, но все же слабо, и наконец и *Журавль*, и *Короткий Змей* были очищены; их плети были сняты, они отошли в тыл, и великий драконий корабль короля Олафа остался один среди своих врагов.

ГЛАВА XXII: ОБОРОНА "ДЛИННОГО ЗМЕЯ"

Солнце опускалось все ниже и ниже к морю; на западном небе собирались легкие облака. Но до рассвета оставалось еще три часа, и граф Эрик считал, что этого времени вполне достаточно для победы над *"Длинным змеем"*. Его собственные палубы были усеяны мертвецами; его люди устали и изнывали от жажды, и он видел необходимость в передышке от боя, хотя бы на короткое время. Приблизившись к кораблю короля Олафа, он убедился, что взять его на абордаж будет нелегко: ведь *"Железный Рам"* составлял лишь треть его длины, а самые высокие фальшборты достигали лишь уровня отверстий для весел в клюзах *"Змея"*.

Эрик трубил в свои рога, объявляя короткое перемирие. Его корабли отошли, и на некоторое время битва прекратилась. В этот промежуток времени сражающиеся с обеих сторон отдыхали, принимали пищу и питье. Король Олаф очистил палубы от мертвых, отправил раненых в трюмы и заново выстроил своих людей. Сам он был еще не ранен, но его шелковая туника была изорвана, так что сквозь нее виднелись звенья почтового плаща. Его шлем был побит множеством копий и мечей, которые обрушились на него, а щит - обломками стрел.

Освежившись и собрав новый запас стрел и копий, он поднялся на шлюпочную палубу и, стоя в лучах солнца, оглядел бухту. Вода была усеяна обломками, на каждой волне плавала

стрела. Небольшие лодки были спущены на воду, чтобы подобрать людей, которые упали или были выброшены за борт с кораблей. Теперь все затихло, лишь раздавались сдавленные крики раненых и хриплые голоса вождей, отдававших своим людям быстрые приказы о возобновлении боя.

Корабли ярла Эрика, среди которых было также несколько шведов и датчан, отстояли от "Змея" на расстоянии легкого полета стрелы. Они окружили "Змея", как стая натасканных волков, и самым нетерпеливым из всех присутствующих был ярл Эрик.

Приготовив своих людей, он сказал вождю, стоявшему рядом с ним, - это был Торкель Высокий, брат ярла Сигвальди:

"Много жестоких битв я провел; но никогда еще не встречал я людей столь храбрых и столь искусных в военном деле, как те, что сражаются сегодня за короля Олафа; и никогда еще не видел я корабля, который было бы так трудно победить, как *"Длинный Змей"*. Теперь, поскольку ты один из мудрейших людей, Торкель, дай мне самый лучший совет, который ты знаешь, как можно победить этот великий корабль".

"Я не могу дать тебе надежного совета, - ответил Торкель: "Но я могу сказать то, что кажется мне наилучшим; и я скажу, что тебе будет хорошо, если, когда мы подойдем к берегу, ты возьмешь тяжелые бревна или подобные им увесистые вещи и перебросишь их через борт "Змея", чтобы корабль накренился. Тогда вам будет легче взойти на борт, потому что под тяжестью груза он окажется на одном уровне с нашими фальшбортами".

"Совет хорош, - сказал Эрик, - и я последую ему".

Когда он говорил, раздался громкий звук боевых рогов короля Олафа, призывающий его врагов наступать.

Железный Рам и другие корабли, числом пятнадцать, сомкнулись вокруг "Змея", и, когда они продвигались вперед, лучники на их палубах открыли бой, пуская стрелы высоко в воздух, так что они падали в середину людей Олафа непрерывным дождем. Воины Олафа, все до одного, поднимали щиты над головой и держали их так, пока дождь стрел сыпался на них с громким барабанным боем, который был слышен далеко за пределами залива. Многие из воинов были убиты, а многие ранены этим ужасным градом, и, когда стрельба прекратилась, оказалось, что каждый щит тесно утыкан стрелами.

Граф Эрик обрушил на "Змея" *железный таран*, тяжелый форштевень которого с огромной силой ударил в середину корабля, так что люди на его палубе попадали с ног. Добрый корабль заскрипел всеми своими балками, но больших повреждений не получил. Эрик отгрузил весла и подвел свое судно вплотную к борту, и тут же его люди принялись перебрасывать через борт "Змея" огромные доски и бревна. Эта работа была быстро прекращена, так как копьеносцы и лучники Олафа, находившиеся на палубе в носовой части судна, обрушили на них такое мощное оружие, что они не могли продолжать. Чтобы не отстать от них, Эрик вытащил на палубу все свои длинные весла и с их помощью навел мост с верхушки носовой части корабля до орудийного мостика "Змея". В этой работе он потерял много своих людей, которых застрелили Эйнар Эйндрисон и другие лучшие стрелки короля. Но все же трап был сделан, и главная трудность была преодолена.

Однако ярл Эрик не пытался взойти на борт дракона короля Олафа. Он отправил на борт много своих лучших людей, вооруженных топором и мечом. Большинство из них перебрались через трап на верную смерть; но многие из людей короля тоже пали, как от ран, так и от полного изнеможения. Самый ожесточенный бой шел на середине корабля, и

именно здесь погибло большее число защитников. Но на носу и у форштевня *"Змея"* бой также был самым ожесточенным. Рота за ротой викингов поднималась на борт, ибо люди короля были так заняты защитой собственных жизней, что мало обращали внимания на своих врагов, которые, казалось, наступали со всех сторон, не только с *"Железного барана"*, но и с других кораблей, которые теперь вплотную подходили к корпусу *"Змея"*. На каждого павшего викинга, датчанина или шведа приходилось десять готовых занять его место. Звон оружия достиг своего апогея. Копья и стрелы летели во все стороны, нацеленные не наугад, а каждый в свою цель, и каждая несла смерть на своем остром острие.

Король Олаф, окруженный толпой щитоносцев, с неустанной энергией орудовал копьями и пускал стрелы; но часто он останавливался, чтобы посмотреть, как идет бой, или отдать новый приказ своим людям. Он видел, что защитников его стебля становилось все меньше и меньше, а те, кто еще оставался, орудовали медленными и тяжелыми ударами. В момент затишья он покинул свой пост и вышел вперед.

"Почему вы так медленно поднимаете оружие?" - крикнул он. "Я вижу, что они не кусаются!"

Берси Сильный ответил: "Наши мечи затупились и сломались, повелитель".

Тогда царь пошел в переднюю комнату, отпер высокий сундук и достал оттуда множество ярких и острых мечей, которые он вынес на руках и разложил среди своих людей. Когда он наклонился над оружием и выбрал один очень хороший, чтобы подарить его Берси Сильному, Колбиорн увидел, что из рукава его плаща течет кровь. Кровь видели и другие, но никто не знал, куда ранен король. Тогда Олаф вернулся на палубу липтинга и еще раз осмотрел битву с высоты. Он увидел, что защитники его корабля, которым он подал новое оружие, пришли в такую ярость, что вскочили на шканцы, чтобы достать своих врагов мечами и убить их. Но многие корабли ярла Эрика лежали не так близко к *"Змею"*, чтобы можно было вступить в рукопашную схватку. Викинги все еще с опаской относились к чемпионам Олафа. Но многие из людей короля не думали ни о чем, кроме как о том, чтобы постоянно идти вперед, и в своем стремлении и смелости, казалось, забывали, что они не на суше. Они падали прямо за борт, а некоторые тонули с оружием между кораблями. Олаф был очень зол на их беспечность, ведь теперь он считал каждого человека более ценным, чем десять в начале битвы. Тем не менее, легко было понять, что большие потери были на стороне ярла Эрика. Лучники и копьеносцы Олафа наносили такие разрушения, что победа Норвегии с каждым мгновением казалась все более вероятной.

Ярл Эрик очень скоро убедился, что его сходни на веслах отнюдь не удовлетворительны, потому что, пока его люди переправлялись, они стали настолько незащищенными от стрелков короля Олафа, что из каждых трех стартовавших только одному удалось закрепиться на палубе *"Змея"*. Многие сотни людей - викинги, шведы и датчане - погибли на этом мосту. И когда Эрик увидел, что король Олаф одерживает над ним верх, он велел своим берсеркам снять весла и перебросить их через ближний к *змею* ствол, вместе со всеми деревянными бревнами, лонжеронами, балластными камнями и другими тяжелыми предметами, которые только можно было найти. И по мере увеличения веса *змея* все больше наклонялась, пока наконец ее фальшборт не оказались почти на одном уровне с бортами *"Железного барана"*.

Пока викинги занимались этой работой, сам король Олаф и его стрелки на корабле непрерывно осыпали их дождем стрел и копьев, и когда Эрик увидел, как падают его лучшие люди, он наполовину раскаялся, что вывел их из боя. Но когда великое препятствие, которое так долго мешало ему, было преодолено, он собрал своих викингов и, поставив себя во главе

, повел их на борт "Змея". И вот завязалась одна из самых острых схваток, которые можно было наблюдать в тот день.

Голос Олафа громко звучал над суматохой, призывая своих вождей на носу покинуть свой пост и противостоять абордажникам на поясе. Вольф Рыжий, Огмунд Песчаный и Транд Сквинтей уже пали, а Кетиль Высокий и Викар из Тиундаланда были отправлены вниз тяжелоранеными. Но оставались еще Кольбьерн Сталларе, Торстейн Оксфут, Берси Сильный и Торфинн Лихой; эти чемпионы собрали вокруг себя несколько человек и, поспешив на корму к средней палубе корабля, выступили против ярла Эйрика и оказали ему упорное сопротивление.

Берси Сильный столкнулся с графом лицом к лицу, их мечи сцепились, было нанесено несколько ударов, и они ловко защищались; затем Берси упал. Его место занял Торфинн Лихой, и пока граф и он сражались изо всех сил, Торстейн Оксфут и Кольбьерн вступили в бой с четырьмя викингами графа. Колбиорн сразил двоих из них и обратился к третьему. Тогда меч Торстейна Оксфута был выбит из его руки. Торстейн разжал кулак и ударил противника по щеке. Викинг споткнулся, а Торстейн схватил половину сломанного весла и, подняв его над головой, бросился на викингов, нанося им удары направо и налево. Увидев это, король Олаф громко позвал Торстейна:

"Возьми свое оружие и защищайся им честно. Оружие, а не кулаки или деревянные, предназначено для того, чтобы мужчины сражались в бою!"

Тогда Торстейн выхватил свой меч и стал храбро сражаться.

Между людьми графа и поборниками Олафа все еще продолжался жесточайший бой. Кольбьерн победил третьего викинга, с которым вступил в бой, а ярла Эйрика все теснил и теснил Торфинн Лихой. Затем Торфинн увидел короля Олафа и по его знаку опустил клинок и отступил на шаг. Не успел ярл Эрик ничего понять, как мимо его левого уха просвистело копье и вонзилось острием в фальшборт позади него. Он повернулся, чтобы посмотреть, кто метнул копье, и увидел короля Олафа, который стоял у поручня, нацелив второе копье. Король метнул свое оружие, тщательно прицелившись, но копье, как и первое, не попало в цель. Король Олаф закусил губу от досады, но когда граф быстро повернулся, чтобы отступить на борт "*Рамы*", Олаф метнул в него третье копье. Оно попало в гребень шлема Эрика, но не причинило вреда.

"Никогда еще я не промахивался так мимо человека!" - воскликнул король, наблюдая за отступлением врага. "Сегодня ярлу Эрику повезло. Должно быть, на то воля Божья, чтобы он теперь правил в Норвегии; и в этом нет ничего странного, ибо я вижу, что он сменил жителя стеблей на *Железном Раме*. Я сказал сегодня, что он не одержит над нами победы, если в его стебле будет образ Тора".

К этому времени молодой Эйнар Эйндрисон занял позицию перед палубой, где он мог лучше обшаривать палубу "*Железного барана*" и тем самым отбирать чемпионов ярла Эрика. Эйнар видел досаду на лице короля Олафа и, когда представился удобный случай, направил свой прицел на ярла Эрика. Он натянул лук. Стрела сорвалась с тетивы и полетела прямо в цель. Но в тот же миг граф резко повернул голову, так что стрела, предназначавшаяся для его обнаженного виска, лишь задела его ухо.

"Стреляйте в этого высокого безбородого юношу!" - крикнул граф, указывая на Эйнара. "Полсотни наших лучших людей он убил своими стрелами в этот день!"

Финн Эйвиндсон, к которому обращался Эрик, направил стрелу в Эйнара как раз в тот момент, когда юноша сгибал лук для второго выстрела в графа. Стрела попала в середину знаменитого лука Эйнара и с громким треском сломалась.

"Что это было, что сломалось?" - спросил король Олаф.

Эйнар печально ответил, роняя обломки своего лука:

"Норвегия из рук твоих, мой король!"

"Надеюсь, пробоина была не столь велика", - сказал король Олаф. "Возьми мой лук и стреляй из него".

Эйнар схватил королевский лук и сразу же натянул его прямо на наконечник стрелы, согнув его почти вдвое.

"Слишком слаб, слишком слаб королевский лук", - сказал он, отбрасывая его в сторону. Затем, впервые за этот день, он взял свой щит и меч и бросился в бой. Ни один человек во всем войске короля Олафа не убил в той битве больше людей, чем Эйнар своими стрелами; а теперь парень не менее отличился с мечом.

Вскоре ярл Эйрик увидел, что солнце опускается все ближе и ближе к линии моря. Его людей стало катастрофически мало, а Олаф Тригвисон, как он полагал, все еще был ранен, неустрашим и полон надежд, как никогда раньше. Поэтому граф решил предпринять еще одну попытку после победы и рискнуть всеми силами в последней рукопашной схватке с королем норманнов. Собрав всех своих людей, он приготовился броситься на палубу *"Длинного змея"*.

Король Олаф, видя замысел графа, созвал своих людей на корму и выстроил их компактным строем перед палубой корабля, готовый встретить врага.

В то же время Колбьорн Сталларе подошел к Олафу, и эти двое, столь похожие друг на друга ростом и одеждой, встали плечом к плечу, держа щиты перед собой и мечи в руках. Перед ними стоял ряд щитоносцев. Затем с дикими воплями викинги, возглавляемые ярлом Эриком, бросились на среднюю палубу.

Как это было во время всей дневной битвы, так было и сейчас. Людей короля Олафа было гораздо больше; это был поединок мастерства и выносливости против непреодолимых шансов. Последняя схватка, пока она длилась, была жестокой и ужасной. Однако за короткое время многие из чемпионов короля Олафа пали. Как ни были они храбры и сильны, но не смогли выдержать яростного натиска честолюбивого и доблестного ярла Эрика. На мгновение Олаф Тригвисон почувствовал искушение броситься вниз и присоединиться к несчастным остаткам своих людей. Он рванулся к лестнице, но Колбьорн Сталларе остановил его.

"Подожди, господин!" - крикнул он; потом шепнул Олафу на ухо, и они оба медленно пошли на корму к перилам. Здесь король Олаф повернулся и обратился к одному из щитоносцев.

"Сколько наших людей осталось?" - спросил он.

Тот сосчитал.

"Осталось двенадцать", - ответил он.

Через некоторое время король повторил свой вопрос.

"Теперь их осталось шесть", - был ответ.

И тут раздался звук торопливых шагов по лестнице, и на верхнюю палубу выскочил Эйнар Эйндрисон, за ним трое его товарищей, а за ними ярл Эрик и огромная толпа кричащих викингов.

"Смерть королю Олафу!" - крикнул ярл голосом, который в тишине, внезапно наступившей на кораблях, был слышен далеко по всей бухте. В этот миг король Олаф и Кольбьерн вскочили на поручни, замерли в красном свете заходящего солнца, а затем, подняв над головой щиты, бросились в море.

Из уст ярла Эрика вырвался крик, наполовину похожий на стон. Отбросив меч в сторону, он подошел к перилам, где стоял король Олаф. Он посмотрел вниз, на море. По нему ползли тени. На мгновение он увидел двух пловцов. Они были так похожи друг на друга: золотые волосы, шлем с гребнем, разорванная туника из красного шелка, что невозможно было определить, кто из них король. Вскоре один из них исчез. На другого посыпались стрелы и копья, но он мгновенно перевернулся и поднял над собой щит.

"Это король! Это Олаф-король!" - кричали все, и на помощь ему были посланы лодки. Но Эйнар Эйндрисон не сводил глаз с волн, пока наконец вдали, среди ярких лучей солнца, не показался щит короля Олафа со сверкающим изображением святого креста. И когда все узнали, что спасенный - Колбьорн Сталларе, а не король, юноша указал на море, и все с изумлением смотрели на сияющее распятие, которое поднималось и опускалось вместе с движением волн.

Рассказывают, что король, проплыв под прикрытием своего щита, снял доспехи и, выбравшись на сушу, отправился в паломничество в Рим. Но молодые состарились, мир продолжался, и никогда больше король Олаф Славный не возвращался в свое королевство в Норвегии.